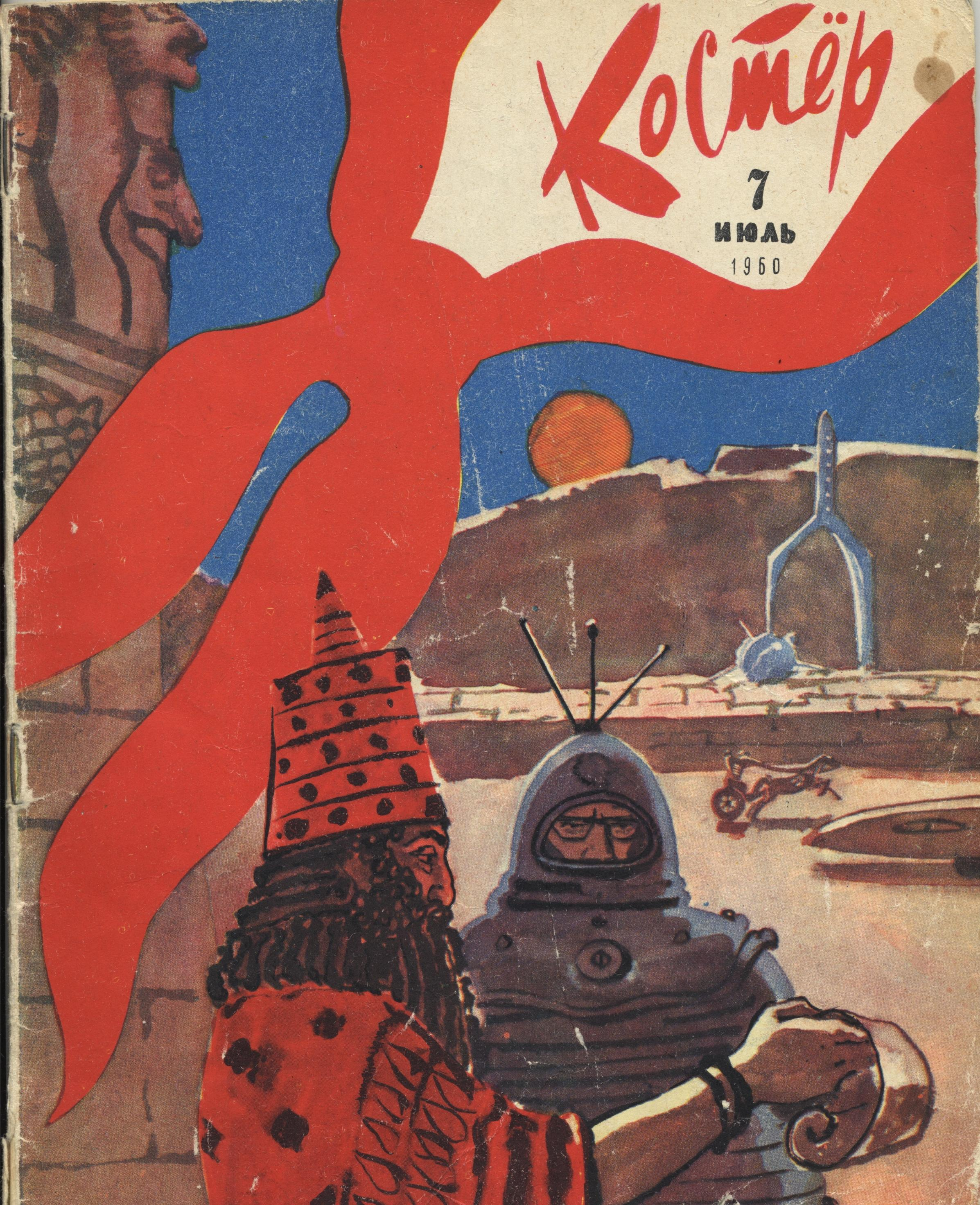

Хосюёв

7

ИЮЛЬ

1960

Костёр

7

ИЮЛЬ

1960

Ежемесячный журнал
ЦК ВЛКСМ
Центрального Совета
Всесоюзной пионерской
организации им. В. И. Ленина
Союза писателей СССР

В ЭТОМ НОМЕРЕ

ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ

«МЕТЕОРИТ «ДОЛГАЯ ЛУЖА»
В. Краковского, «КРАСНЫЙ
ВАГОН» Н. Печерского, «ДЕ-
СЯТЬ ДНЕЙ ОДНИ ВТРОЕМ»
А. Минчковского

✱

СТИХИ

И. Василевского, Г. Новицкой,
Александра Прокофьева

✱

ОЧЕРКИ

«КАК ВЫ ДУМАЕТЕ — ВОЗЬ-
МУТ?» А. Томилина, «Я ВИДЕЛ
ГОРОД В МОРЕ» В. Голявкина,
«ЭПСИЛОН ЭРИДАНА — ЗЕМ-
ЛЯ» П. Галкина и М. Чернина,
«ПРОЩАЛЬНАЯ СИМФОНИЯ»
Г. Левашовой, «ДЕВЯНОСТО
СТУПЕНЕК ВВЕРХ» Н. Слад-
кова, «МЫ БЫЛИ В ГДР» Д. Бо-
ровского, «О ЧЕМ РАССКАЗАЛ
КУРГАН», «ТРИ ДНЯ В ЛА-
ГЕРЕ»

✱

МОРСКОЙ КЛУБ

✱

ЛЕНИНГРАД — „КОСТЕР“

✱

ЗНАЕШЬ ЛИ ТЫ, ЧТО...

✱

На обложке рисунок Б. Власова
(к стр. 37—39)

На 2-й странице обложки
фото Б. Ритова

На титуле фото В. Мартынова

Как вы думаете — возьмут?

Рисунки Ю. Данилова

«ПРЕДСЕДАТЕЛЮ
МЕЖДУВЕДОМСТВЕННОЙ КОМИССИИ
ПО МЕЖПЛАНЕТНЫМ СООБЩЕНИЯМ
от Филимонова Геннадия

ЗАЯВЛЕНИЕ

Прошу, товарищ председатель, рассмотреть в комиссии мое заявление и ответить согласием. Я имею большое желание быть зачисленным на борт советского космического корабля. Я понимаю, что могу не возвратиться, но я обдумал всё. Я обязуюсь справиться с любым заданием, если вы меня немного научите.

Жду ответа с вашим согласием.
Филимонов Г.»

Алешка Лощман прибежал ко мне, размахивая газетой.

— Читал, а?! Друг называется! А нам — ни слова... Как ты думаешь, возьмут?

Я пожал плечами. Алешка продолжал:

— По-моему, ни за что! Там ведь сколько надо всего: и выносливость, и смелость, и чтоб голова на плечах, и вообще... А он — кто такой?

И верно: ну, кто такой Филимонов Генка?

* * *

С утра зарядил дождь. Мы забрались на лестничную площадку. Генка принес журнал «Техника — молодежи», смотрели картинки. Потом я стал читать «Человека-амфибию». Вдруг Генка зовет: «Витька, а Витька!»

— Угу.

— Да брось ты на минутку, — и хлоп мне журналом прямо по книге. — Смотри!

«...Недавно в Алма-Ате произошел случай, взволновавший советскую общественность. Ученик 10-го класса Валерий Опалко заболел острым лейкозом. В апреле состояние больного резко ухудшилось, и было принято решение прибегнуть к крайним мерам: пересадке костного мозга от здоровых людей...»

— Ты знаешь, что такое пересадка костного мозга? Ого! Мне дядя Толя рассказывал. Это когда длинной иглой — прямо в позвоночник. Тут и не заморозишь ничем!..

Генка присвистнул и снова уткнулся в журнал.

«...Вызвался весь класс, в котором учился Валерий. Отобрали пятерых — Нину Степанову, Виктора Прякина, Людмилу Гришуленко, Раису Матвееву и Виталия Копылова. Врач В. М. Пилат успешно произвел операцию. Жизнь юноши спасена...»

Внизу стукнула дверь, и кто-то быстро-быстро побежал вверх к нашей площадке.

— Вы чего тут делаете?

Это был Федька Седов из двадцать шестой квартиры. Раньше он тоже в нашей школе учился, только уже в седьмом.

Мы немного поговорили. Седой достал из кармана папиросу, протянул мне коробок.

— Чиркни!

Левая рука Федьки была забинтована и висела на груди.

— А что с рукой?

— Так, кое-что. Наколку делал, раздуло. Может быть заражение крови.

— Ну да?

— Показать? Все равно перевязывать время.

Седой размотал бинт и протянул распухшую руку. На покрасневшей коже в каких-то лиловых подтеках виднелся выколотый якорь.

— Класс?

— Класс, — согласились мы.

— Хотите, я и вам выколю? Я запросто умею, хоть одной, хоть тремя иголками.

Я заколебался. А Генка спрятал руки за спину и покачал головой.

— Что, кишка тонка? Эх, вы... — Седой нахлобучил мне кепку на нос и ушел в квартиру. Когда за ним захлопнулась дверь, Генка помолчал и говорит:

— А ну — тащи спички.

Я удивился, но сбегал — принес. А он сложил костерчик на ступеньке, рукав закатал, глаза зажмурил — и руку прямо в огонь. И не пикнул.

Чудак Генка. Подумаешь, доказал... Что? Кому?

* * *

На Васильевском острове, в Гавани, стоит у стенки целая шеренга списанных катеров и баркасов. Настоящее корабельное кладбище. Мы знаем дырку в заборе и часто туда лазаем.

Оттуда в неделю сбора металлолома мы тонны три старого железа вывезли: ржавые трубы, отломанные кнехты...

В трюмах темно. Вода плещет. Под ногами пустые железные бочки, разный хлам. Дыхание затаим — и лезем, как будто какие-нибудь кладоискатели из «Копей царя Соломона» — я эту книжку наизусть помню. Интересно — во!

«...Молча, как тени, мы продвигались в ночном мраке, увязая в глубоком песке. Идти быстро было невозможно, так как мы беспрестанно натывались на колючие кусты...»

Алешка Лоцман и вправду за проволоку зацепился, штанину разорвал и чуть не свалил с ног Генку — тому равновесие держать трудно, обе руки заняты тяжеленным баком от кипятильника. Пыхтит, но тащит. Этаким Смок Беллью! (Джека Лондона читали?)

«... — Если я упаду под этой тяжестью, я уже больше не встану, — сказал Кит случайному спутнику.

— Это еще ничего, — отозвался тот, — вот погодите, доберемся до ущелья. Нам предстоит переправиться через бурный поток по сосновому бревну длиной в шестьдесят футов...»

Теперь уже Генка остушился — и в воду. Полный ботинок зачерпнул. «Ну его, — говорит. — Хватит. Давайте обратно».

Но мы решили еще одну каюту обшарить. Последнюю. И опять пошла «Библиотека приключений».

«... — Становится немного страшновато, — заметил сэр Генри, заглядывая в темный пролет двери. — Ступайте вперед, Квотермейн. Не заставляйте ждать почтенную леди!..»

Вошли, и...

«... — Мы самые богатые люди в мире! — вскричал я. — Монте-Кристо перед нами бедняк! Мы наводним рынок алмазами!..»

Алмазы не алмазы, а что-то в углу заблестело. Подошли и видим: водолазный шлем. Настоящий, только помятый немножко, с битыми иллюминаторами.

Вот это клад так клад!

Вытащили его на берег. Отчистили. Красная медь заблестела, вспыхнула на солнце.

Алешка говорит:

— Хлопцы, у меня идея. Давайте его в утильсырье снесем. За медь здорово платят! В кино по разу обеспечено.

А Генка посмотрел, посмотрел на шлем, вздохнул...

— Клади на тележку. Нечего зря болтать.

Тут у нас произошел серьезный спор. Алешка кричал, что это его шлем, он его первым увидел. Хотели уже драться, но все-таки Генка настоял на своем: цветной металл — народное достояние. Отвезли в школу. Бросили в общую кучу. И спасибо нам никто не сказал.

Я думаю — зря мы так сделали. Незачем было Генке вступать. Такую вещь отдали! Подумаешь — много там было этого самого народного достояния...

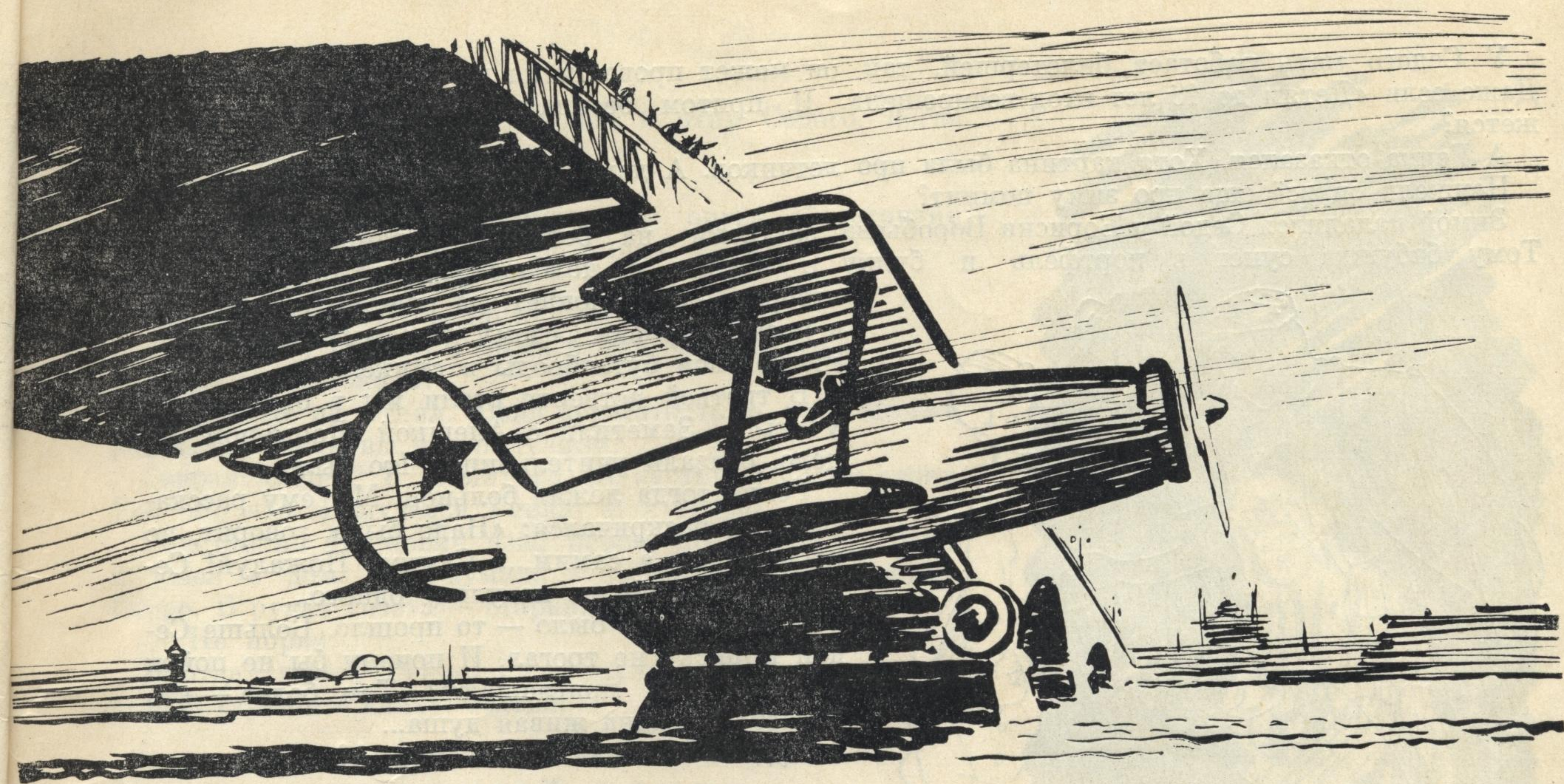
* * *

Мы сидели на подоконнике и спорили, что такое подвиг. Вот, например, идет человек по лесу, навстречу ему медведь. Человек оглянулся — бежать некуда. Зверь насаждает. Ну и пошел человек на медведя с одним ножом. Одолеет. А совершил он подвиг или нет?

Я так считаю, что да.

— И я тоже! — кричит со своего балкона Алешка Лоцман. — Обождите, я сейчас!

А на балконе у него, надо сказать, стоит радиоприемник — родители выносят по теплым дням. Хороший приемник, мощный, на весь двор слышно. И как раз идет передача для октябрат: артист читает стихотворение Маршака «Рассказ о неизвестном герое». Я давно его знал, когда еще сам был маленьким.

«...Вот ухватился
Рукой
За колонну,
Вот по карнизу
Шагнул он к балкону...
Еле стоит
На карнизе нога,
А до балкона
— Четыре шага.

...Вот он прошел
Половину
Пути.
Надо еще половину
Пройти.
Шаг. Остановка.
Другой. Остановка...»

И вдруг Алешка ногу через перила перекинул, постоял на краю и пошел прямо к нашему окну по карнизу.

Мы даже дышать перестали: ведь третий же этаж!

Влез Алешка в окно, бледный, и сел. Грудь выпятил от важности.

А Генка плюнул и отвернулся. Обозвал Лоцмана дураком. Ни за что, по-моему; ведь как смело Алешка шел! Прямо как неизвестный герой из стихотворения.

Я об этом сказал, а Генка посмотрел на меня обидно и говорит:

— Ты еще начало вспомни... Зачем он по трубе на шестой этаж лез.

И ушел.

Я потом перечитал стихотворение всё до конца, но все-таки не понял, почему Генка разозлился. А тут еще вспомнилась кинокартина про Валерия Чкалова, как он летал над Кировским мостом.

Может, Алешка тоже тренировался на всякий случай, закалял силу воли? Выходит, Чкалову можно, а Лоцману нет?

* * *

Роста Генка небольшого, да и по силе... Мы с ним два раза боролись, я его запросто клал на лопатки. И всё равно его уважают. Один раз даже сам Седой в кино приглашал. Я стоял за углом и всё слышал.

У Седого мать работает билетершей, так он может провести на какую хочешь картину. Даже если «Детям до 16 лет вход воспрещен». И притом бесплатно. Кто от такого откажется?

А Генка отказался. Хотя картина была про летчиков. А дома у него даже телевизора нет. Неужели он всё еще про зиму помнит?

Зимой наладился Седой у Бориски Воробьева завтраки на большой перемене отнимать. Тому бабушка сунет в портфель и булку с маслом и колбасой, и яблоко, а Седой отберет — сам слопает, да еще пригрозит. Так и носил Бориска Седому до самых зимних каникул свои бутерброды в сумке.

В третьей четверти стали мы в одну смену учиться. Заметили с Алешкой Лоцманом это дело, сказали учительнице. Что было!..

Генка тогда лежал больной. Мы ему рассказывали, он раскричался: «Надо было, говорит, не жаловаться, а самим...» Самим? Пожалуй! Седой потом поймает на улице одного...

В общем, что было — то прошло. Больше Седой Бориску не трогал. И почему бы не пойти в кино, раз приглашают? Тем более — кто узнает? Ни одна живая душа...

Чудной все-таки этот Генка. А?

* * *

Раз возвращаемся с Невы домой парком. На боковой аллее ребята в деньги играют. Алешка Лоцман говорит:

— Глядите, Седой!

Пошли посмотреть. Стриженный парень размахнулся, рр-раз — к самой черте битку кинул. Без промаха.

— Ребя, ребя, — зашептал Бориска Воробьев, — глядите, Седой орденом бьет!

— Где?..

И правда, у Федьки Седого вместо битки — орден. Большой, блестящий, с обколотой эмалью.

Только я нагнулся, чтоб рассмотреть, — вдруг чья-то спина передо мной. Это Генка выскочил. Выскочил вперед, схватил орден и зажал в кулак.

Седой выпятил губу, поднялся с корточек.

— А ну, положь.

— Брось, — шепчет Алешка, — брось, Генка. Больше всех тебе надо, что ли?

Генка даже не обернулся, а сразу как развернется, как даст Седому!

Мы даже попятимся. Их трое, нас, правда, четверо, только четвертый — Бориска. Маленький. А они вон какие здоровые. У одного на пряжке буквы «РУ»...

Генка против Седого — малыш. Тот ему сразу нос разбил. Свалил на землю, руку заломил, выкручивает, чтобы орден отнять. Мы стоим, мнемся: двое дерутся, третий не мешай. Бориска Воробьев, правда, не вытерпел: сверху навалился. Да что с него толку? Стриженный схватил Бориску за рубаху, прямо на воздух поднял. А тот, другой, с буквами на пряжке, и говорит:

— Не трогай. Вообще-то правильно...

И пошел вместе со стриженным прочь по аллее.

Седой увидел, что один остался, заревел:

— Отдай орден!

— Не отдам.

— Отдай, не твой!

— А твой?

— Мой, это отпов...

— Отцу и отдам.

* * *

Генка сдержал слово. Подошел к отцу Седого, когда тот после работы вышел во двор.

— Константин Иванович, вот...

И протягивает Федькиному отцу орден. Константин Иванович нахмурил брови, потемнел:

— Откуда он у тебя?

Генка молчит. Я говорю вместо него:

— Он его у вашего Федьки отнял. Федька им...

Генка меня локтем!

— Ничего не отнял. Взял посмотреть и всё. Может, расскажете, как вы его получили?

Соврал! Зачем? Я оглянулся, за кустиком Седой стоит. Вон оно что. Испугался Генка! Испугался!

Константин Иванович взял орден, посмотрел на сына и ушел в дом. Мы думали — не выйдет, а он вышел. Скоро. В руках газета — старая, желтая.

— Не порви.

И отдал газету Генке. Развернули мы ее — а там, на второй странице внизу, статья:

ТРУДНЫЙ ПОИСК

«...Разведотделение старшины Седова получило задание добыть языка. На участке фронта предполагалось наступление и сведения о противнике были необходимы.

...Вторая линия вражеских укреплений. Из трубы заснеженного наката — дымок. Недалеке топор, дрова. Топят ночью, когда не видно. Из землянки чуть доносится пилканье губной гармошки.

Скользнул луч прожектора. Разведчики тенью упали в снег. В ту же минуту распахнулась дверь и из землянки выскочил солдат. Нагреб снега в котелок — и обратно. Через несколько минут снова показался. В шинели внакидку, пригнувшись, стал пробираться по окопу в глубину обороны.

— Ну? — сержант приготовил кляп и веревку.

— Стой. Есть мысль. — Старшина привстал на колени и проводил солдата взглядом. Потом поднялся во весь рост, пошел к землянке, взял топор, полено и начал яростно колоть дрова, стучая по бревнам наката.

Музыка в блиндаже смолкла. Дверь приоткрылась, и сердитый голос позвал:

— Курт?

— Яволь! — гаркнул старшина и стукнул по полену еще раз.

Ругаясь, полез офицер на крышу, чтобы на месте накачать глупого денщика...

А через три часа старшина Седов докладывал командиру о выполнении боевого задания».

— И всё? — удивился Лоцман. — Какой же тут подвиг. Просто хитрость...

Генка промолчал. Он вообще за последнее время перестал с Алешкой спорить.

* * *

И пошла у нас дружба вкривь да вкось.

Генке стало вдруг некогда. Ни на речку, ни в сад футбол гонять. А потом раз видим его на крыше. И с кем — с Седым! Антенну какую-то устанавливают.

Мы с Лешкой обиделись.. А он и не заметил нашей обиды. Стал открыто с Седым дружить. Скоро к ним и Бориска пристал.

И вот теперь эта газета с Генкиным письмом на первой странице...

НУ, ЧТО ТАКОЕ ГЕНКА? КАКОЙ В НЕМ ГЕРОИЗМ?

ПЕСНЯ ЮННАТОВ

На пришкольных огородах
Мы вскопали много гряд,
Из ручья носили воду,
Поливали лук, салат.
Мы косили и пололи,
В поле ставили снопы,
Чтобы хлеба было вволю,
И гороха, и крупы.
Золотистую картошку
Помогали собирать...
Так что мы не только ложкой
Можем взрослым помогать!

ПАРОМ

Шофер ведет машину в грязь,
Мотор гудит упрямо:
Дороги нет, оборвалась,
Уперлась в речку прямо.
Но вот в тумане за бугром
Навстречу вынырнул паром.
Из-за реки летят гудки,
И там стоят грузовики.
Стоят с картошкой и треской,
Стоят, а время к ночи.
Хотят шоферы, чтоб простой
Как можно был короче.
Паромщик ладит топором
Остановившийся паром,
Паромщик на ветру продрог,
Позвал к себе подмогу,
И вот паром концы дорог
Связал в одну дорогу,
И поперек большой реки
Плывут, плывут грузовики.

Стихи премированы на конкурсе „Костра“

И. Василевский

МОЛОТЬБА

Вьется пыль над молотилкой,
Лезет пыль и в нос и в уши,
По соломенной подстилке
Кони тащат волокуши.
Поспевают ребятишки,
Управляются с соломой,
И стога растут, как вышки,
Выше сада, выше дома.
И поднялся над ометом,
Над загруженным овином
Сладкий запах обмолота,
Запах хлеба и мякины.
Хорошо, что хлеба много,
Что закончили уборку,
Хорошо с верхушки стога
Вниз скатиться, словно с горки!

Рисунки В. Звонцова

Метеоризм **„Долгая лужа“**

В. Краковский

Рисунки Н. Лямина

В пору моего детства вселенную не изучали с помощью спутников и ракет, а ждали, когда что-нибудь упадет оттуда само. Это «что-нибудь» чертило меж звездами огненные следы, внезапные и короткие, как мигание.

Мы, мальчишки, верили в примету: загадай, пока горит «падающая звезда», и мечта обязательно исполнится. Вечерами, рассаживаясь на завалинке Колькиной избы и болтая о всякой всячине, мы бросали привычные взгляды в небо. Но огненные полосы гасли прежде, чем в голове успевала оформиться самая пустячная просьба.

И лишь мне с Колькой выпало на долю связать свои мечты с такой звездой, какую на небосклоне нашего поселка в прежние времена не видел никто.

Она засияла сентябрьским вечером, когда, согнувшись под тяжестью мешков с шишками, мы возвращались из лесу. Луг осветился, мы увидели в траве собственные ноги — босые и грязные. Рассекая созвездия обеих Медведиц,

рассыпая искры, по небу бесшумно мчался багровый шар величиной с арбуз. Протяжно свистнув высоко над головой, шар погас. Со стороны леса послышался глухой удар, и заскорузлыми пятками мы явственно ощутили, как вздрогнула земля.

Забыв друг о друге, мы сорвались с места. Ветер загудел сразу в четырех ушах.

Колька был сильнее, но бегал я лучше. Я уже почти добежал до леса, как вдруг попал ногой в яму и почувствовал прикосновение чего-то обжигающего.

— Ой-ой-ой! — закричал я.

Сзади налетел подоспевший Колька, оттолкнул меня и, тяжело дыша, стал в полутьме хватать руками траву.

— Она! Ых, какая горячая!

Как это делают хозяйки, пробуя утюг, он поспешил палец и опустил руку на дно воронки. Потом стащил с плеч вельветовую куртку и вкатил на нее продолговатый камень.

При таких обстоятельствах я впервые увидел метеорит, названный впоследствии именем нашего поселка — «Долгая лужа».

...Утром я встретил друга на главной улице. Из его штанов торчала книга. «Падающие звезды и кометы» — прочитал я на обложке. По синему фону, наполовину заткнутая за ремень, неслась звезда с хвостом.

Колька был коротконог, белобрыс, наголо стрижен. Учился он неплохо, но лишь потому, что уроки готовил со мной. Лучше всего Колька дрался. Он бил всех подряд: тех, кто был непочтителен с ним, и тех, кто был непочтителен со мной; тех, кого не почитал сам, и тех, кого не почитал я. Он был грозой нашей неполной средней школы. Но с научной книжкой за поясом Колька был смешон.

Однако я не засмеялся. Я как-то угодливо поздоровался и за это был вознагражден.

Колька повел меня смотреть находку.

Небесный камень возвышался в глубине сарая на ложе из пустых мешков. Он был угловат, синевато-фиолетов, местами рыж. От его вида у меня мгновенно пересохло во рту.

Колькиных мыслей я не знал. Считает ли он камень общим и будет делить, или отдаст целиком, как того требовала справедливость?

Я посмотрел в Колькины глаза. Они излучали целые потоки счастья, гордости и в то же время самодовольства, чего-то туповатого, противенького, — словом, всего, что положено излучать глазам собственника. Я понял, что небесного камня мне не видать. Ни целого, ни половинки.

Я не стал унижаться до просьб.

Я сказал:

— Камень как камень. Да еще конопатый. С речки лучших можно натащить.

— Камень? — хмыкнул Колька. — Алмаз, если хочешь знать, тоже камень. Таких камней,

может, на всем свете больше нету. Ты молчи об нем, а то отберут, в музей поставят.

Не с целью сделать гадость, а лишь подчиняясь исследовательскому зуду, я раскрыл ножик и чиркнул лезвием по темной поверхности. К моему удивлению, царапина заблестела. Я расхохотался.

— Камень! Алмаз! На всем свете нет! Да это самое обыкновенное железо!

Я ткнул ножом еще раз. И еще.

Вот тут-то и погасла ненавистная радость в Колькиных глазах. Он сам превратился в камень и несколько мгновений глупо смотрел на царапину. Потом размахнулся и ударил меня по уху. Конечно, драться я не стал. Во-первых, Кольку не победить, а во-вторых, я почувствовал не злость на обидчика, а благородную оскорбленность чувств. Стряхнув со штанов соломинки, я ушел.

Нашей дружбе наступил конец. Был ли в поселке человек, прежде видевший нас отдельно? Скажем, чтоб Колька сидел у себя на завалинке, а я в это время учил уроки? Или чтоб я ходил за шишками, а Колька нырял в реке? Не было такого человека. Не было такой воды, чтобы нас разлить. Уроки готовили вместе, на завалинке сидели плечо к плечу, на тот берег плавали вдвоем. О, никто не смел утащить мои штаны, ибо рядом коричневела знаменитая вельветовая куртка, та самая, в которую потом была завернута упавшая звезда. Мы учились в разных классах: он в «б», я в «а», но зато на переменах — от звонка до звонка — не отходили друг от друга.

В те военные годы чего только не приходилось делать нам, школьникам! Шла война — и мы собирали металло-

лом для завода, эвакуированного с Украины, шла война — и мы развивали свои вокальные, сценические, физкультурные дарования, чтобы выступить в подшефном госпитале; шла война — и мы сажали деревья в пионерском сквере, где после победы будут отдыхать фронтовики. Редкий день проходил без воскресника; правда, если работали в субботу, это называлось субботником. Классы соревновались: кто больше соберет металла, посадит деревьев, звонче споет на концерте. Мы с Колькой нарушали соревнование, все делали сообща. И наша дружба считалась показательной, ее всегда ставили в пример.

Теперь показательной дружбе пришел конец. Ее вдребезги разбил камень, прилетевший черт знает откуда. Об этом камне я думал по ночам, он снился мне, этот бессмысленный кусок железа с ямочками-оспинками и фиолетовой коркой.

Я ходил на место, где он упал, и рылся в лунке. Но там не осталось ни крошки. Горсть земли с обожженными травинками я принес домой. Так в темные века брали землю из-под копыт царских лошадей.

Я каждый вечер запрокидывал голову, с надеждой смотрел в бархатную бездну. Там светились на редкость прочные созвездия Большой Медведицы и Малого Пса, Северной Короны и Волос Вероники. Падающих звезд не было.

Нынешние подростки, чьи школьные завтраки завернуты в газету с фотографией обратной стороны Луны, относятся ко вселенной проще. Им не понять мой восторг перед небесным пришельцем. Мне же стоило лишь воскресить в памяти полет багрового шара и наш галоп к месту его шумного приземления, как душу начинало томить.

В библиотеке я взял книгу о падающих звездах, ту самую, что видел за поясом у Кольки. Магические слова: «метеор», «метеорит», «болид» — я произносил вслух, они звучали как песня. Я узнал, что метеориты носят имена. Их называют по местности, где они упали. Метеорит «Долгая Лужа» — так я назвал наш небесный камень, — один из тысячи трехсот девяноста двух камней, упавших на землю из Космоса и найденных людьми.

После этой книги потускнела вера в примету: загадай, пока падает звезда — исполнится. Ее сочинил неудачник в насмешку над человеческой мечтой, которая никогда не бывает куцей настолько, чтобы прозвучать лишь в миг горения небесного камушка. Мечта осуществляется только тогда (это я понял повзрослев), если думать о ней всю долгую че-

ловеческую жизнь, а не короткую, метеорную.

...Колька тоже не дремал. На концерте в подшефном госпитале он неожиданно для всех выступил с докладом... о метеоритах. Он вышагивал по сцене с противно важным видом, сцепив за спиной руки: ни дать ни взять наш физик Семен Львович.

В общем, кусок космического железа, разбивший нашу дружбу, сотворил чудо: превратил Кольку в ученого. Того самого Кольку, который без меня получал раньше одни «колы». Гуляя по сцене, он назвал две, а то и три дюжины фамилий исследователей, объявил о существовании в Москве Комитета по метеоритам... Получалось, что добрая половина человечества только тем и занята, что, задрав голову, глядит в небо, а потом рыщет в поле. Колька принадлежал к этой уважаемой половине. Я — нет.

Раненых лекция развеселила, они громко хлопали, задавали вопросы — посылали записочки Кольке, словно он Маяковский. У того, я читал, накопилось двадцать тысяч записок с вопросами.

Колька получил три записки, из них две — о Тунгусском метеорите. Колька рассказал, что это самый большой метеорит, что взрыв был слышен почти за тысячу километров, а воздушная волна посрывала с домов крыши.

Один раненый весело заметил:

— В общем, ясно. Вроде нашей катюши.

После лекции на сцену вышел человек в гимнастерке с пустым рукавом. «Скоро зима, — сказал он, — и армии нужна теплая одежда». Наши девчонки хором закричали: «Будем вязать варежки! Будем вязать варежки!» Вместе с девчонками и даже громче их кричал Колька.

— Правильно, — похвалил человек с пустым рукавом. — Только не забывайте, что в варежке должно быть два пальца, — большой и указательный. Вашим отцам ведь не в снежки играть, а стрелять.

Улыбаясь, он посмотрел на Кольку.

— И ты, молодой человек, тоже будешь вязать варежки?

Но Колька ответил совершенно серьезно:

— Буду. Я прошлой зимой четыре пары на фронт отправил. Я еще лучше мамки вяжу. У ней времени нет, она по две смены на заводе.

— Отец на фронте?

— А то где же?

Человек на сцене стал серьезным.

— Молодец ваш товарищ, — сказал он, и у меня от зависти защеботало в животе. —

Лекцию замечательную прочел, небо знает, как свои пять пальцев, и на земле тоже кое-что умеет...

Помолчав, он заговорил о другом.

— Еще одна задача перед вами, школьниками. Металлолом. Слышал, собрали вы много. А надо еще больше. Каждый килограмм, ре-

бята, дорог. Вот, например, старое ведро. Ржавое такое, с дырами. Вроде, пустяк, на свалку бы. А из него можно отлить такой осколок фашисту под ребро, что он тут же богу душу отдаст. Только бог ее не возьмет, как вы думаете, ребята?

Всем стало ужасно весело и захотелось тут же бежать за ведрами, непременно за ведрами, искать их в чужих огородах, на свалках, на чердаках. Осколок в ребро фашисту, вот это да!

Однако по дороге домой, вспомнив Колькину лекцию, я опять расстроился. Подумать только, каким стал этот белобрысый коротышка! Последний месяц ни разу не дрался. Профессор! А варежки вяжет...

И мне захотелось: во-первых, научиться вязать варежки, а во-вторых, иметь в своем сарае метеорит.

Вязанию могла научить мама, а вот метеорит... Все мамы на свете не могли бы помочь...

И я решил совершить кражу.

План был прост. В час ночи пересечь улицу, обойти дом сзади, проникнуть в сад, оттуда на крышу, а там...

На Колькино несчастье его сарай я знал не хуже своего, недаром мы были друзьями с дошкольного возраста. Знал, какая доска прибита на совесть, а какая представлена для вида.

Я не чувствовал себя вором.

Все-таки на метеорит наступил я. Колька захватил его грубой силой, а теперь корчит из себя интеллигента, ученого! Для верности я узнал, когда его матери в ночную смену, и дата похищения определилась. Через два дня метеорит перекочет в мой дом.

Но этого не случилось.

Вечером пришла мама, заплаканная, и упала на кровать лицом. Так я узнал, что убили дядю Сережу, Колькиного отца, лучшего друга моего папы...

Лето уже кончилось. На сырых полях зеленела озимь, а на улицах растекалась грязь. Прохожие скакали по краснеющей цепочке кирпичей — шатким островкам посреди октябрьской жижи.

Я долго топтался в сеньях, вытирая ноги. Потом вошел.

Колька стоял у печки.

— Здравствуй, — сказал он первым.

Колька плакал одними глазами. Чтобы скрыть слезы, он поспешно предложил:

— Пошли прогуляемся.

Я подчинился безропотно, я теперь считал своим долгом безропотно подчиняться Кольке. Он как-то сразу стал старше.

Мы шли поселком, брели скользким полем, пока не прорезались первые звезды. Молчали.

— Хорошо, что еще у мамки я остался, — глухо проговорил Колька. — Все-таки легче. Хоть радость есть в жизни.

И хотя прежде я не считал Кольку таким уж радостным приобретением, сейчас поддакнул без криводушия:

— Ага. Хоть воспитает тебя. В люди выведет. Ты кем хочешь стать?

— Не буду я астрономом, — угрюмо ответил Колька. — Я танкистом стану или пулеметчиком. На фронт удеру.

Он был прав. Я сказал:

— И я с тобой. Вместе будем мстить. А метеорит... так пусть он будет совсем твой. Я на него только ногой наступил... Хочешь, еще ножичек тебе отдам? Со штопором. И шило есть...

Мы пошли обратно. Наступил тот час, когда прилетел небесный гость.

— Между прочим, — начал Колька, — это ты тогда здорово подметил. Метеорит-то железный. Так называемый сидерит. В нем пуд весу, наверное, будет. Помнишь, безрукий говорил — осколок в ребро...

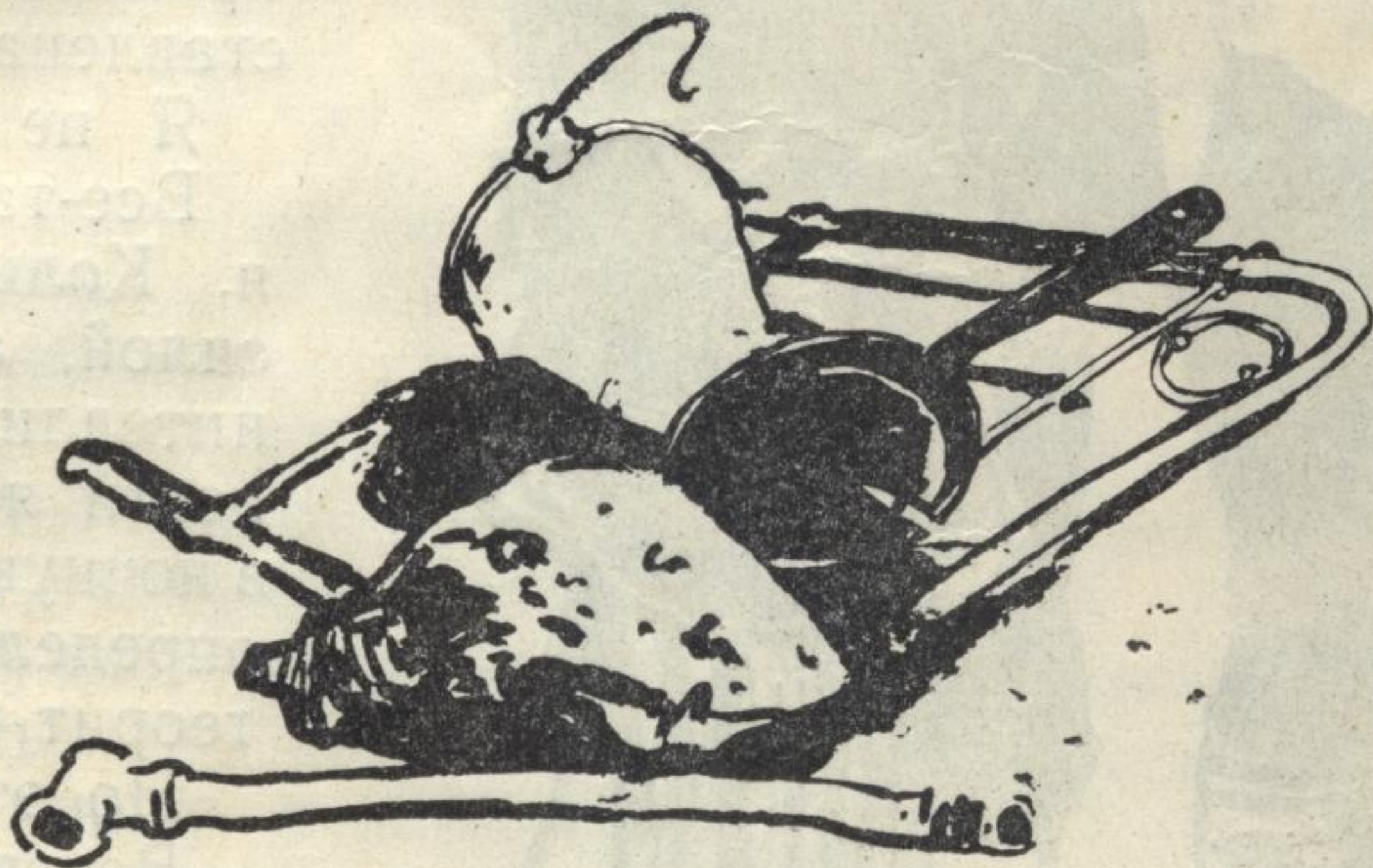
— Так то про ведро, — возразил я, — а из метеорита целый снаряд выйдет.

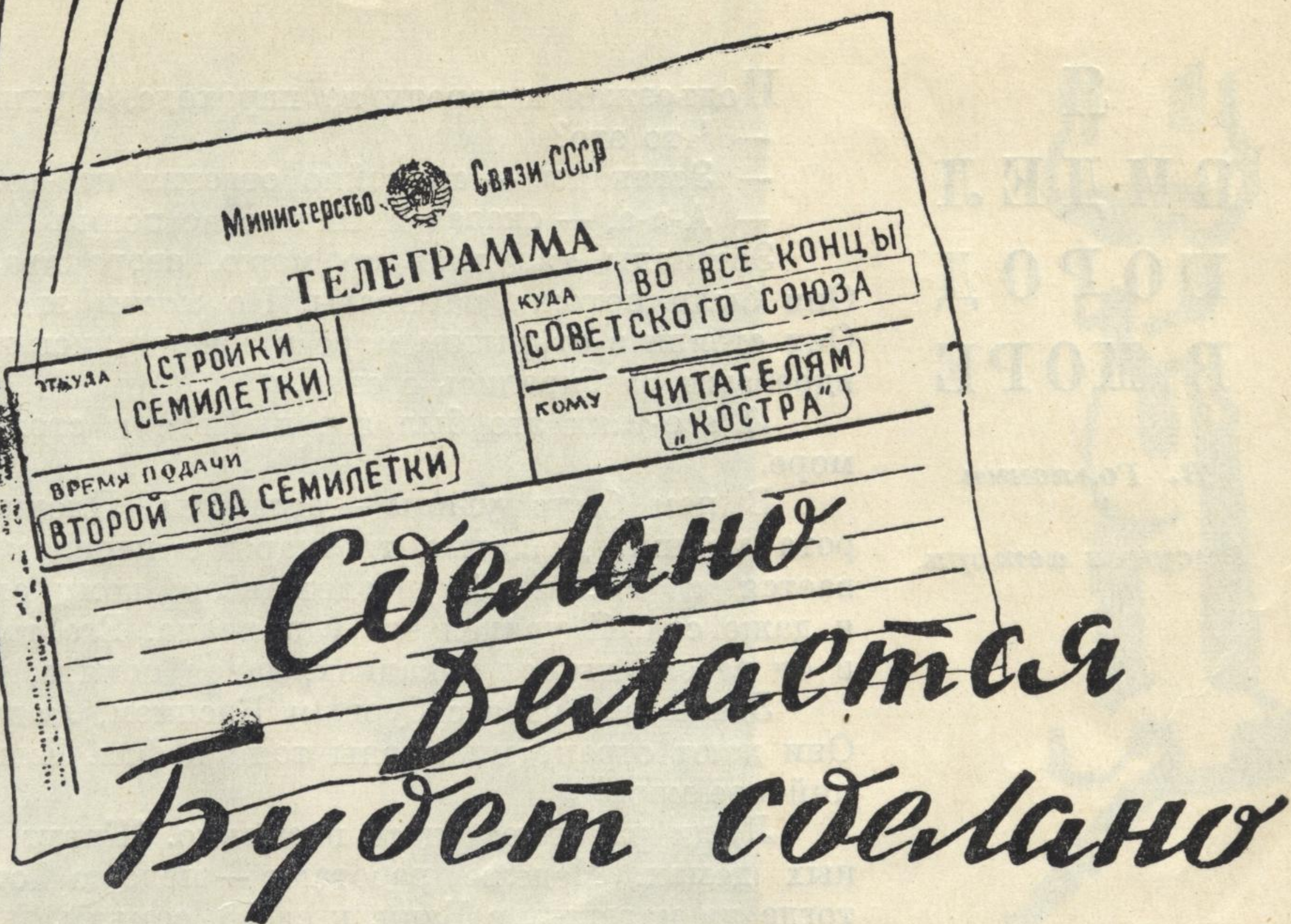
Колька подумал.

— Два, не меньше.

Утром следующего дня небесный камень был снова завернут в вельветовую куртку, взвален на плечи и отнесен в школу. Его бросили между ржавой трубой и треснувшей сковородкой.

Так закончилась история метеорита «Долгая лужа». Он пошел на переплавку в марте-ны. Что из него отлили — снаряд ли, дверную ручку — не знаю. Но достоверно одно: это был первый в истории человечества факт использования богатств космоса для нужд земной промышленности. И это наша с Колькой заслуга. Точнее — одного Кольки. Я только наступил на метеорит ногой.

НОВОСИБИРСК. В глухой тайге, в 350 километрах севернее города Тюмени, заложили несколько скважин. Из одной — № 7 — на поверхность начала поступать нефть. Это первая промышленная нефть Сибири!

ЛЕНИНГРАД. На Адмиралтейском заводе спущен на воду крупнейший в мире 162-метровый рыбоконсервный корабль «Андрей Захаров».

СТАВРОПОЛЬ. Пять лет назад в Григориопольской школе была организована первая в СССР ученическая производственная бригада.

За пять лет школьники вырастили для своего колхоза сто тысяч уток, собрали миллион пудов зерна, заложили много садов и виноградников. Выпускники школы решили всем классом остаться работать в колхозе.

СТАЛИНСК. Сталевары Кузнецкого металлургического комбината выплавляли четыреста тонн стали из металлолома, собранного школьниками. Из этой стали можно сделать сорок мощных тракторов.

ГОРЬКИЙ. На заводе «Красное Сормово» заложен гигант-теплоход на подводных крыльях. Длина нового судна «Экспресс» — 47 метров, ширина — девять метров. На нем триста пассажирских мест. Он будет ходить со скоростью до ста километров в час.

ПЕТРОПАВЛОВСК-КАМЧАТСКИЙ. Три рыболовецких колхоза Елизаветинского района, объединившись вместе, создали самый крупный в Советском Союзе рыболовецкий колхоз, названный

именем В. И. Ленина. У колхоза тридцать четыре океанских и малых сейнера — рыболовных корабля. Целый флот!

КАЛУГА. Недалеко от гор. Малоярославца для геофизических исследований построена самая высокая в Советском Союзе вышка в 310 метров. Это в три раза выше Исаакиевского собора в Ленинграде. В центральном стволе вышки, которая весит около 300 тонн, смонтирован лифт.

МАГАДАН. Девятнадцатилетняя Клара Каляна из чукотского колхоза «Возрождение» за один год добыла 75 песцов и выполнила весь свой семилетний план. Ей присвоено звание Героя Социалистического Труда.

ШАХТЫ. В этом году здесь вступит в строй первая очередь огромной обувной фабрики — второй по величине в СССР после ленинградского «Скорохода». Ежегодно фабрика будет выпускать 12 миллионов пар обуви.

Я ВИДЕЛ ГОРОД В МОРЕ

В. Голявкин

Рисунки автора

Подъезжая к городу на пароходе, я удивленно воскликнул:

— Что это?

— Эстакады, — спокойно ответил кто-то.

— А-а-а, — сказал я, ничего не поняв.

Эстакады тянулись по морю, сворачивали и уходили за горизонт. Они были похожи на мосты. Но мосты эти не были связаны с сушей. Они стояли в открытом море и соединялись только друг с другом. Волны вдребезги разбивались о сваи.

И все-таки это был город. Хотя и стоял он на сваях. В открытом море.

В нем были улицы — эстакады. Площади — площадки для разворота машин. Дощатые тротуары с перилами — вдруг кто-нибудь заезжает и невзначай шагнет вбок: кому охота! Были дома, магазины и даже сад. Я увидел его у причала. Его только что привезли из Баку, и он весело шумел в кадках, давая понять, что ему здесь неплохо.

Здесь, в борьбе с бурным Каспием, люди берут со дна моря нефть. Они дают стране миллионы тонн нефти. Ежегодно. Вот как богато Каспийское море!

Люди работают здесь посменно. Живут в общежитиях, в двухэтажных домах. Неделю работают — неделю отдыхают. Многие уезжают тогда на материк, в Баку, к своим семьям.

Для чего нефть, знает каждый школьник. Об этом говорить не нужно. Я расскажу, как я там работал.

Я вставал рано утром. Писал восход солнца, когда море сверкает, писал море на закате, когда все горит красным огнем. Рисовал своих новых друзей — рабочих.

Однажды мой друг нефтяник сказал мне:

— Ты полезай на вышку. Оттуда знаешь какой будет вид? Сам увидишь.

Я спросил:

— А не опасно?

— У тебя в доме лестница есть? — спросил он.

Я сказал, что есть.

— Ты по ней ходишь?

— Хожу, — сказал я.

— И на вышке есть лестница, — сказал он.

Я даже немного обиделся. Взял холст, этюдник, зонт от солнца и осторожно стал подниматься на вышку. Надо сказать, идти было трудно. Совсем не так, как у нас в доме по лестнице. Мешали ветер, холст, зонт и этюдник. Наконец я добрался до верхней площадки. Покачивалась со скрипом вышка. Ветер свистел неистово. Я стал привязывать холст к перилам. Потом открыл зонт. И тут меня рвануло вверх так, что я выпустил зонт из рук. На секунду показалось, что ноги мои отделились от пола. Я сел на пол, схватился руками за поручни и так сидел и растерянно смотрел на зонт, который вертясь летел вниз. А там, внизу, открывался величественный пейзаж — улицы, дома, вышки...

Мне почему-то вдруг захотелось на землю. Но я не мог уйти ни с чем. Я поработал час и написал неплохой этюд — по крайней мере, мне так казалось. Довольный, я стал спускаться. Спуск был немного легче. Вот сейчас, думал я, спущусь и посмотрю там, внизу, что я написал наверху. Вдруг порыв ветра ударил в холст, и он, подскочив, — трах меня по ноге — раз и два! И вся живопись перешла на брюки.

— Ну как? — спросил меня мой друг нефтяник.

— Лестница там, конечно, есть, — сказал я. — Но совсем другая.

Потом я не раз залезал на вышку. Когда ветра не было и когда он был потише. Мне хотелось, чтобы и другие увидели все, что меня поразило.

КРАСНЫЙ ВАГОН

Н. Печерский

Рисунки Н. Кустова

Глава четырнадцатая

Тетрадка геолога, которую Георгий Лукич отдал начальнику, пошла гулять по рукам. То один читает, то второй, то третий...

Не дождавшись ответа, Георгий Лукич разозлился и бухнул куда надо телеграмму. В этот же вечер был получен ответ.

«Дневник тщательно изучается тчк Ближайшее время будут сделаны соответствующие выводы тчк Сердечный привет».

Но Георгия Лукича не успокоили ни эти «тчк», ни сердечный привет. Он сидел возле «конторы» с телеграммой в руках и курил одну папиросу за другой.

За этим скучным занятием и застал Георгия Лукича Глеб.

Глеб пришел к Варе, чтобы узнать, какие на завтра задали в школе задачи по арифметике. Уже три недели они с Варей ходили в школу, в то самое село, где летом лежала в больнице Варина мать.

Увидев Глеба, Георгий Лукич бросил папиросу и спросил:

— К Варе?

В приоткрытую дверь «конторы» Глеб увидел краешек занавешенной марлей зыбки и протянутую руку Вари. Она сидела около сестрички и пела тоненьким и уже чуть-чуть охрипшим голоском про Иртыш и объятого думой Ермака.

Глеб понял, что появился не вовремя, и сказал, что он пришел вовсе и не к Варе, а просто так... Но Георгий Лукич даже не выслушал его до конца.

— Пойди позови Луку, — сказал он. — Пусть немедленно идет.

Глеб отправился разыскивать Луку.

Работа уже кончилась, и найти Луку было нелегко. Глеб прикинул, где в это время может быть Лука, и решил для начала заглянуть в вагон Зины-Зинули. Наверняка, сидят рядом и готовятся в свой заочный институт.

Глеб не ошибся. Он заглянул в окошко и увидел брата. Лука и Зинуля ничего не пи-

сали и не читали. Они просто сидели возле стола, смотрели друг на друга и молчали. Тоже занятие себе нашли!

Глеб деликатно кашлянул и сказал, чтобы Лука бросал всё и немедленно шел к Георгию Лукичу.

Выполнив задание, Глеб отправился к «конторе» вслед за Лукой.

Он стоял неподалеку, ждал, когда мать раскрепостит Варю, и слушал между прочим, о чем говорят Лука и Георгий Лукич.

Лука и Георгий Лукич говорили о тетрадке, о том, что ждать больше нельзя, и, пожалуй, надо послать новую телеграмму и разбомбить кого-то в пух и прах.

Окончание. См. Костер №№ 5, 6, 1960 г.

До конца Глеб не дослушал. Георгий Лукич заметил его и сразу же прогнал.

Куда ни пойдешь, только и слышно — «тетрадка, тетрадка, тетрадка»...

В тетрадке, которую нашел Глеб, геолог писал про строительство железной дороги. Дорогу эту хотели прокладывать вокруг Трех Монахов, а геолог предлагал идти напрямик, через горы.

Глеб и Варя уже давно все обсудили и решили, что геолог прав. Если дорогу вести вокруг Трех Монахов, значит, надо рубить просеку, осушать вязкие, заросшие осокой болота. Если же идти напрямик, не надо ни рубить, ни осушать.

Правда, Глеб не совсем четко представлял, как будут прокладывать дорогу в горах, но все равно верил отважному геологу. Раз он написал, значит, знает. Не будет же он писать просто так...

Что порешили делать Лука и Георгий Лукич, Глеб узнал в этот же вечер.

Лука пришел домой, увидел, что Глеб уже спит, и начал рассказывать все Сереже Ежикову. Но Глеб в это время еще не спал. Он просто лежал с закрытыми глазами и думал про всякую всячину.

Разве Глеб виноват, что Лука подумал, будто он спит?

Глеб услышал, что в воскресенье замышляется поход в горы. Время сбора — пять ноль-ноль, форма одежды — повседневная, запас продуктов — на одни сутки.

Приближалось воскресенье, но Лука ни

слова не говорил Глебу о походе. Все было ясно: поход устраивался тайно.

«Ну, дудки! — сказал сам себе Глеб. — Хотите или не хотите, а я все равно пойду».

Да, так он и сделает. Встанет, оденется и пойдет вместе со всеми. Пускай попробуют не пустить! Пускай только попробуют!

Глеб боялся лишь одного — как бы не проспать. Вечером Глеб мог преспокойно сидеть до десяти и даже до двенадцати; утром же никак не мог проснуться. Утром Глебу снились самые приятные и самые важные сны.

...В субботу Глеб улегся в постель пораньше и проснулся в половине пятого. Он напился воды, потому что вчера съел целую селедку, затем решил прилечь еще минут на пять, на десять и неожиданно для себя уснул. Когда он снова открыл глаза, Луки и Сережи в вагоне уже не было. Ходики на стене показывали половину шестого.

Глеб вскочил с кровати как ошпаренный. Он натянул рубашку, штаны и бросился вдогонку.

В тайге стоял густой, липкий туман. Глухо шлепали по листьям разросшейся вокруг черемухи крупные, холодные капли.

Глеб припустил изо всех сил и вскоре увидел за деревьями темные, размытые туманом силуэты. Он сразу же узнал и плечистого коренастого Луку, и Сережу Ежикова, и Зину-Зинулю.

Рядом с Лукой шел маленькими быстрыми шагами Георгий Лукич. Варин отец всю жизнь строил железные дороги. Он много ходил по шпалам, и шаг у него поэтому стал коротенький, по-женски торопливый.

Лука ни капельки не удивился появлению брата. Переглянулся с Зиной-Зинулей и сказал:

— Ну вот, пожалуйста, собрался в поход в одной гимнастерке! Ватник где?

Глеб предпочел на всякий случай промолчать. Станешь возражать — наверняка домой отправит. У Луки разговор короткий: «кругом, арш» — и все.

Ватник надо было и в самом деле захватить. По тайге тянет знобкий сырой шелоник. Видно, где-то там, в горах, уже легли первые снега. Лука снял свой старый, заштопанный на локтях ватник и отдал Глебу. Ватник был теплый, будто только сейчас с печки. Глеб согрелся и перестал щелкать зубами.

За рекой, которая текла где-то справа, подымалось солнце. Туман развеялся, и в тайге сразу стало светло и чисто, как в избе перед праздником.

Роса посеребрила развешанные на кустах сети лесных пауков и тонкие, бегущие от одного дерева к другому, паутинки.

Лохматый заспанный паук-музыкант выполз из своего убежища, поглядел вокруг и начал настраивать лапой серебряную струну.

Глеб наклонился, чтобы не оборвать головой струну, и пошел дальше.

Вскоре показались Три Монаха. Камыши, ржавые мертвые болота, а за ними — темная, уходящая в вышину громада скал. В глубь камышей тянулась узкая, протоптанная дикими козами тропа.

Лука выломил из куста боярышника длинную палку и, пробуя впереди себя вязкое неровное дно, зашагал вперед. Однообразно и уныло чавкала и вздыхала под ногами грязь: чав-чавы, чав-чавы...

Прошли уже несколько километров, но все еще не встретили ни одного распадка. Только кое-где, усыпанные плоскими гольцами, белели русла пересохших ручьев.

Лука шел впереди, не сбавляя шага и не оглядываясь по сторонам.

Интересно, долго они будут так идти? Ведь Лука говорил, что надо подыматься вверх и даже захватил с собой веревку.

Но вот Лука остановился возле огромного, скатившегося с крутизны камня и начал зачем-то осматривать его со всех сторон.

Что он там такое увидел?

Глеб переобувал сапоги и поэтому подошел позже всех. Он протиснулся в круг, посмотрел на камень и замер от неожиданности.

На серой плоской боковине были высечены две буквы, точно такие, как у него на сумке — «И. Д.».

Внизу под буквами виднелась короткая энергичная стрелка. Острый кончик ее показывал в горы.

Глеб невольно посмотрел в ту сторону, куда указывала стрелка. От самой подошвы горы, петляя меж каменистых выступов, тянулась вверх узкая полоска гольцов.

Полоска эта чем-то напоминала лестницу в старом большом доме. Крутые, выщербленные ступеньки, площадки с желтыми травяными ковриками для ног, и только вместо дверей с облупленными почтовыми ящиками и навек оглохшими звонками, виднелись призе-

мистые кустики шиповника с красными, как кровь, ягодами.

Посовещались, что, как и к чему, а потом начали по очереди карабкаться вверх по «лестнице».

Лука уже стоял на площадке первого «этажа» и, прищурив глаз, внимательно следил за Глебом.

Но что ему этот подъем! Мелочь, пустяк! Глеб мог взобраться куда хочешь!

Однажды он залез на толстую, высокую лиственницу, выбрал ветку покрепче и давай выкидывать всякие фокусы-мокусы. То присядет на одной ножке, то растопырит руки и стоит на верхотуре, как коршун.

Вслед за Глебом на площадку, где стоял Лука, поднялись Серёжа Ежиков, Зина-Зинуля и Георгий Лукич.

Вторая площадка, третья, четвертая... На этой четвертой, предпоследней площадке, и началось самое неприятное и самое неожиданное.

Ливни, которые не переставая шумели всю весну, размыли гору, и теперь над пропастью тянулся лишь узенький ненадежный карниз.

Лука и Георгий Лукич молча посмотрели на этот карниз и полезли в карман за папиросами.

Положение и в самом деле было серьезное. Шли, шли и теперь, пожалуйста, поворачивай назад.

Стыд, позор!

Глеб подошел к обрыву, измерил взглядом расстояние до последней площадки.

— Ты куда? — вскрикнул Лука.

Но было уже поздно. Расставив руки, прижимаясь к гранитной стене, Глеб медленно двинулся по карнизу.

Один шаг, второй, третий... И вдруг камень, который Глеб нащупал ногой, качнулся и с грохотом полетел вниз.

В душе Глеба что-то оборвалось. Он стоял, прижавшись к стене, и всем телом чувствовал черную страшную глубину пропасти. Еще минута, еще несколько секунд, и он сорвется и полетит с карниза.

Неужели он может умереть?

Он умрет, а все остальные останутся — и Лука, и Варя, и Колька Пухов, и даже злобный и никому не нужный козел Алушкина Филька...

Нет, Глеб умирать совершенно не хотел.

Он постоял еще немного и, собравшись с силами, снова пошел по карнизу — медленно, не сгибая ног в коленях, ощупывая сапогом каждый камешек и каждую впадину.

До площадки оставалось всего несколько коротких шагов. Но Глеб уже не мог идти, как прежде. В душе у него все kloкотало от нетерпения и предчувствия скорой победы. Он на секунду оторвал руки от стены и прыгнул вперед.

— Ур-ра! Ур-ра! Ур-ра!

А дальше было уже совсем просто. Глеб поднялся вверх, свернул направо и очутился на большой, припорошенной снегом площадке.

— Бросайте веревку! — крикнул он вниз. — Сейчас я вас вытащу.

Лука погрозил ему в ответ кулаком, но все-таки бросил длинную, прочную веревку. Глеб привязал ее к ножке приземистого шиповника, попробовал — выдержит ли — и опустил другой конец стоящим внизу.

Скоро все поднялись на площадку.

Будто на ладони, лежали перед ними озаренные неярким солнцем горы.

Во весь свой рост подымались над холмистой цепью Три Монаха.

Два монаха были одеты, будто старики-нищие, в серые, заплатанные разноцветными лоскутами подрясники и старые потертые скуфейки. Они стояли рядом хмурые, недовольные и что-то шептали друг другу.

Третий монах — высокий и стройный, как юноша, гордо смотрел на своих товарищей из-под белой снежной шапки и, казалось, говорил: «Нет, святая братия, мне с вами не по пути, у меня другая дорога».

Давно, еще в лесном поселке, слышал Глеб легенду о Трех Монахах.

Два старых и один молодой монах жили в горах. Днем эти святые бухали господу богу поклоны, а ночью, когда все утихало вокруг, пили водку и заедали курятиной, которую приносили им крестьяне.

Молодому монаху надоело бить поклоны и обманывать людей. Встал он на заре и решил уйти к людям — пахать землю, рубить лес и вообще жить, как все.

Но чуток старческий сон. Проснулись монахи и тотчас смекнули, в чем дело.

— Убьем! — сказал один монах.

— Убьем! — как эхо, повторил другой.

Старые разбойники не успели свершить свое черное дело. Горы разверзлись, и почти у са-

мых ног монахов забурлила, заклокотала широкая и быстрая река. С тех пор старые, угрюмые монахи стоят на одном берегу, а молодой и непокорный — на другом.

Глеб смотрел из-под ладони на Трех Монахов.

Когда-то очень давно тут и в самом деле бушевала горная река. Сейчас берега ее осыпались, меж гольцов пробивались трава и невысокие, в руку толщиной, березки.

Лучшего места для железной дороги не найти. Не надо ни туннелей, ни просек. Все тут давным-давно готово...

Глебу снова захотелось крикнуть «ура». Он уже было открыл рот и набрал в грудь побольше воздуха, но тут посмотрел на Георгия Лукича и передумал.

Мрачное, холодное выражение застыло на лице Вариного отца. Георгий Лукич повернулся к Луке и сказал:

— Пойдемте! Я им теперь покажу точку с запятой, я им покажу сердечный привет!

Глава пятнадцатая

Глеб страшно устал после похода. Но все-таки он не лег спать, а пошел к Варе. Надо же рассказать Варе. Что ни говори, а Варя друг...

Варя слушала Глеба, раскрыв рот. В больших круглых глазах ее попеременно отражались и радость, и удивление, и тот страх, который еще совсем недавно испытал Глеб, когда пробирался по горному карнизу.

Глеб рассказал Варе про поход по-военному кратко, без ненужных пустых подробностей. Глеб не умел размазывать, как другие, про пауков-музыкантов, про то, как всходит и заходит солнце, и в каких шапках были Три Монаха.

Но все равно рассказ получился яркий.

Варя ни разу не перебила Глеба. И только тогда, когда Глеб перебрался по карнизу и все уже было в порядке, Варя вдруг ни с того ни с сего вздохнула и спросила:

— Глеб, ты знаешь, кто такой Демин?

Глеб только плечами пожал.

Он думал, что будет совсем иначе.

Варя выслушает его и скажет: «Глеб, ты почему так мало рассказал? Ты расскажи больше. Я люблю, когда про такое рассказывают».

И вот, пожалуйста, — человек рисковал жизнью, а тут — никакого внимания... Он ей про одно, а она совсем про другое...

— Не знаю я никаких Деминых, — мрачно

ответил Глеб. — Очень мне нужны твои Демины!

— Глеб, ты зачем так говоришь? — воскликнула Варя. — Ты так не говори! Иван Демин это мамин брат. И сумка эта тоже его, на сумке написано «И. Д.» Ты разве забыл, Глеб?

Глеб посмотрел на Варю, как на сумасшедшую.

— Ну и заливаешь! Всё сказала или еще что-нибудь выдумашь?

— Я, Глеб, не заливаю. У меня мама сама Демина и геолог тоже Демин.

— Хо-хо, таких фамилий на свете сколько хочешь! А потом, может, это совсем и не Демин, а Дегтярев. Там же на сумке только «И. Д.» написано... У нас в школе был один Дегтярев...

— Не, Глеб, это не Дегтярев. Это Демин. Мне папа сам сказал. У нас и фотография Демина была. Папа Луке отдал...

Глеб посмотрел на Варю и хлопнул себя ладонью по лбу.

В самом деле, он видел у Луки какую-то фотографию. Сначала Лука рассматривал эту фотографию один, а потом с Сережей Ежиковым.

Но Глеб думал, что это просто какой-нибудь приятель Луки.

— А больше ты про Демина ничего не знаешь? — с надеждой спросил Глеб.

Варя украдкой посмотрела на Глеба — в самом деле он интересуется или просто так, подковыривает?

— Я всё, Глеб, знаю, — сказала она. — Ты, слушай, я тебе сейчас расскажу.

Подумала минутку, поглядела куда-то вдаль своими круглыми, как копейки, глазами и начала рассказ.

Давно-давно, еще в первые годы войны с фашистами, в тайгу вышли на особое задание два человека — старый и совсем молодой, с комсомольским значком на гимнастерке.

У этих людей не было за плечами боевых винтовок и не было у них страшных тяжелых гранат. У них были только полевые сумки, только карты да чуткие, с мерцающими стрелками, компасы.

Старый и молодой геологи отправились в поход, чтобы найти среди таежных дебрей и болот самый короткий и самый верный путь для будущей железной дороги.

Много дней и много ночей шли люди по далеким глухим местам. Изредка на их пути встречались охотничья заимка или старая, вросшая в землю, избушка лесного объездчика. Но геологи были рады и этому. Поедут вместе с хозяином сухарей, напьются чаю

с терпким брусничным листом, сверят карту с компасом и — дальше.

В пути застала геологов зима.

Вокруг стало неприветливо и пусто. Улетели прочь птицы, поворочался, повздыхал и уснул до самой весны медведь. Только стреканет иногда из-под куста заяц да мелькнет вдалеке рыжая лиса-огневка. Но патроны давно кончились, а голыми руками зайца не возьмешь. И питались геологи только горькой корой деревьев, только мерзлыми, сморщенными ягодками болотной клюквы.

Одна беда шла за другой. В самый разгар пути заболел старый геолог. Сел на растрескавшийся сосновый пенек, посмотрел на товарища тусклым взором и сказал:

— Нет больше моей мочи. Иди сам...

И верно, не зря говорят, что человек видит свою смерть. В тот же день молодой геолог похоронил друга и пошел дальше один.

Он мог бы вернуться домой, но он не сделал этого. Только люди с мелкой, как деревянная плошка, душой отступают от намеченной цели.

Геолог шел и записывал в свою тетрадку все, что видел вокруг, рисовал коченеющими пальцами карту и на ней тоненькую извилистую линию будущей дороги.

Он смотрел на эту тоненькую, бегущую вдоль гор и распадков ниточку и думал о большой, шумной и веселой дороге, которую скоро проложат люди в этих местах. И казалось ему — уже грохочут по тайге колеса и гулкое эхо катится из края в край по лесным просторам, по широким, засыпанным снегом распадкам...

Геолог совершенно выбился из сил. А тут еще как назло прохудился валенок. Нога начала мерзнуть, болеть, а потом вдруг утихла совсем.

Он снял валенок, хотел обмотать ногу рубашкой, но тут же понял: теперь это уже не поможет... Он вырубил толстую палку и, опираясь на нее, снова побрел вперед, от дерева к дереву. Геолог шел до самых сумерек. Ночью он развел костер, завернулся покрепче в тулуп и уснул.

Когда он проснулся, костер уже догорал. Крохотные синие лепестки пробежали на своих тонких ножках по черным поленьям, гасли и снова вспыхивали уже в другом месте.

Геолог хотел подбросить в костер новые поленья, но так и не смог сделать этого. Рука его бессильно упала в снег...

Глеб выслушал грустный рассказ про геолога и обиженно сказал:

— Ты зачем выдумываешь? Лучшего не могла выдумать, да?

Но Варя ничего не ответила Глебу. Только отвернулась и украдкой вытерла рукой заблестевшие глаза.

Сумерки накрыли тайгу черным платком. Зататакала передвижная электростанция — «пеэска». В тайге вспыхнули и замерцали сквозь ветви деревьев электрические огоньки.

Подул холодный, пахнувший зимой и метелями ветер. С неба посыпались легкие, юркие снежинки.

Глеб проводил Варю до «конторы» и пошел домой.

У Глеба гудели от усталости ноги, ломило в пояснице, но уснул он все равно не скоро.

Лежал, смотрел в маленькое, синевшее в темноте окошко и думал про Демина, про то, что случилось много лет назад в сибирской тайге...

Утром Глеб проснулся и, конечно же, сразу вспомнил про Демина и про фотографию. Наверно, эта фотография и до сих пор лежит в чемодане Луки, и если Глеб посмотрит, ничего страшного не будет.

Лука всегда роется в Глебовом ящике из-под консервов и всегда выбрасывает оттуда очень нужные и ценные вещи. Недавно, например, Лука выбросил сорочки яйца, которые Глеб хранил там еще с весны, и две шестеренки — одну тракторную и одну неизвестно от чего.

А Глеб ничего выбрасывать не будет. Он только посмотрит и снова положит фотографию на место.

Глеб подошел к кровати и вытащил большой, запылившийся от соломенной трухи чемодан. В этом чемодане Луки всегда был какой-то особый, строгий порядок. Справа лежали обернутые газетой учебники и старые тетрадки, слева — чистые, наглаженные рубашки, галстук, которого Лука никогда не носил, и свернутые кругляшками носки.

Глеб запустил руку под эти рубашки и вытащил шкатулку, которую Лука сделал из гладкого, отполированного до черного сияния эбонита.

Замка у шкатулки не было. Глеб отвернул ногтем медный крючок и открыл крышку. Фотография лежала сверху.

Глеб увидел совсем молодого паренька с комсомольским значком на гимнастерке.

У Демина было круглое, по-солдатски простое и мужественное лицо.

Темные, сомкнувшиеся на переносице брови, коротко подстриженные волосы, гимнастерка с отложным воротничком, как носили в первые годы войны.

Иван Демин смотрел на Глеба строгим, изучающим и в то же время добрым взглядом.

В этом взгляде не было ни упрека, ни обиды. Геолог смотрел на него и, казалось, говорил:

— Ну что ж, Глеб, здравствуй, я рад, что познакомился с тобой!

Глава шестнадцатая

Как-то очень быстро всё переменялось в тайге.

Еще недавно около красных вагонов стучали топоры лесорубов, а теперь в глубь освещенной солнцем просеки тянулось высокое земляное полотно.

Вдоль полотна стояли, будто часовые, полосатые километровые столбы, а вверху задумчиво и тихо гудели телеграфные провода.

Окутанный паром путеукладчик клал на полотно тяжелые, прикрепленные к шпалам рельсы. Подхватит краном целое звено, опустит на землю и едет по этим рельсам дальше.

На взгорке виднелись из-за сосен станция, водонапорная башня с жестяным флажком на крыше и рядом с ней черная, похожая на букву «Г», колонка для заправки паровозов.

Глеб тоже строил эту станцию. Сначала он прибавал к стенкам дранку, чтобы лучше держалась и не отваливалась штукатурка, а потом красил голубой масляной краской окна и двери.

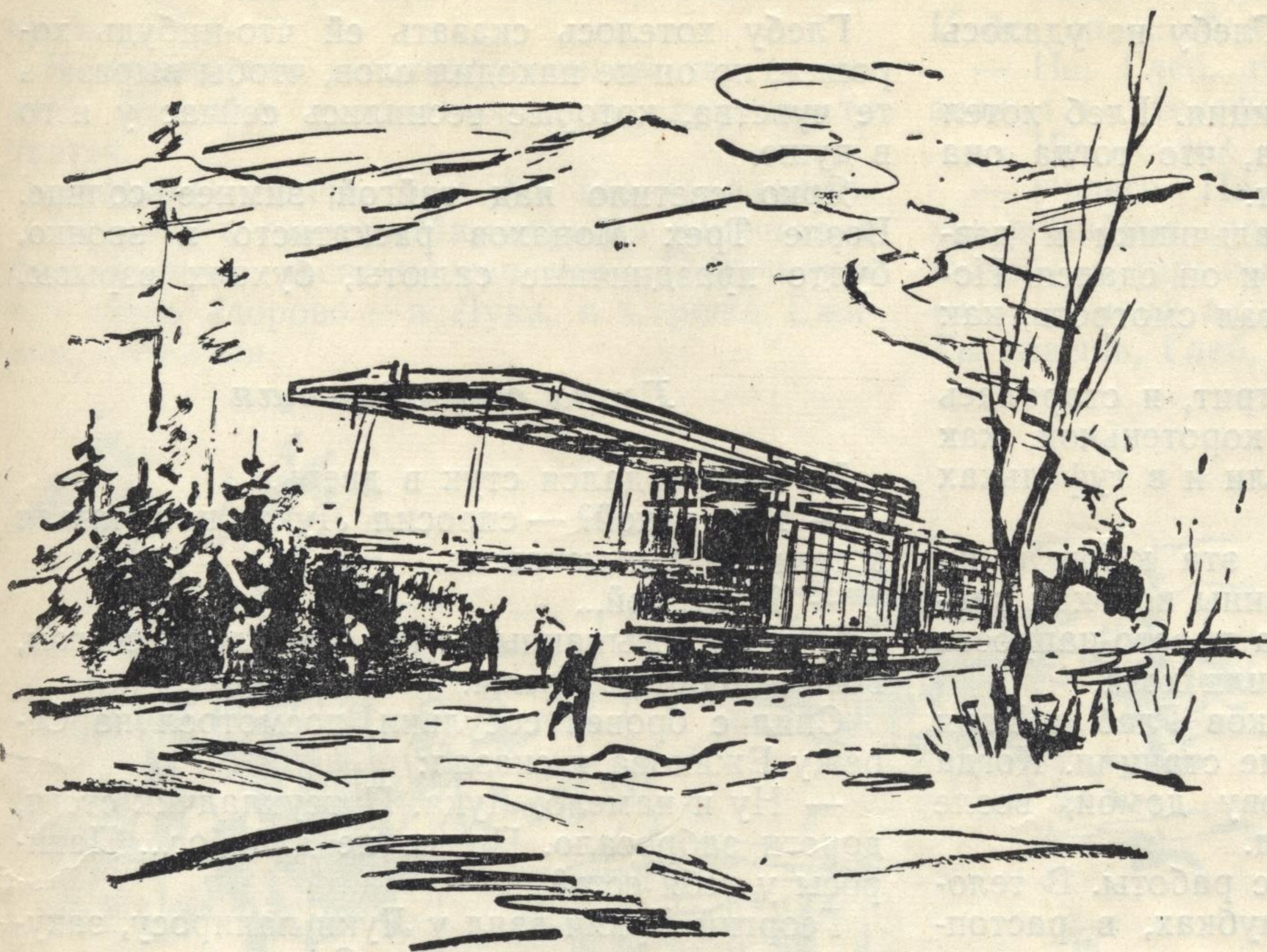
Лучше этой работы и не придумать. Окунешь кисть в банку, подождешь, пока стечет вниз тонкая густая струйка, и тут же нанесешь на деревянную планку быстрый, точный и нежный мазок.

И вмиг все преобразится. Погаснут, будто угольки, смуглые, налитые смолой и солнцем сучки, исчезнут узоры и тоненькие трещины. Планка станет голубой и чистой, как легкое весеннее небо над бором.

Старая школьная гимнастерка Глеба промаслилась и стала жесткой и блестящей, как зеркало. Тронешь ее рукой, отколупнешь ногтем тонкую голубую пластинку, и вдруг вспомнишь всё — как вылавливал бревна из реки, как прибавал дранку, как мыл вместе с Варей высокие, заляпанные известью окна...

Жаль, что теперь нечего уже прибавать и красить. На станции все давным-давно готово — и зал для пассажиров, и касса, и буфет, где будут продавать твердую копченую колбасу, пироги с груздями и сладкое ситро.

Станцию хотели было уже открыть, то есть сдать ее приемочной комиссии, но так до сих пор и не открыли. Задерживала все дело какая-то телеграмма и картина, которую тайком от всех рисовали на станции.

Глебу никак не удавалось проникнуть на станцию и посмотреть эту таинственную картину. Окно в комнате, где рисовали картину, было закрыто газетой, а в двери всегда торчал ключ. Между этим ключом и замком оставалась только узенькая, как лезвие ножа, щелочка.

И что это у Георгия Лукича и Луки за мода — всё секреты и секреты. Как будто бы он съест их картину!

Долго Глеб ждал, долго терпел, но все-таки дождался своего...

Как-то вечером Лука пришел от Георгия Лукича и сказал Глебу:

— Ну, Глеб, завтра не задерживайся в школе. Завтра будем открывать станцию.

Глеб даже подпрыгнул от радости в кровати. Но Лука ничего больше Глебу не рассказал — ни про картину, ни про телеграмму.

— Ложись спать, — приказал он. — Много будешь знать, скоро состаришься.

Глеб принципиально не лег. Он сидел в кровати и смотрел на Луку убийственным, испепеляющим взглядом.

Но Луку взглядом не прошибешь. Лука или бронированный, или железобетонный. Если что-нибудь сказал — значит, точка.

Хоть ты его убей, переиначивать не станет.

Лука выключил свет, а сидеть просто так и таращить глаза в темноту было вообще бессмысленно.

Глеб накрылся одеялом, повернулся немного и уснул.

Утром у Глеба замерзла спина. Он свернулся кренделем, подоткнул со всех сторон одеяло и стал дышать открытым ртом — хы, хы, хы.

Но даже и это не помогло. Холод проникал в каждую щелочку. Щипал, покалывал, кусался тоненькими, злыми зубами. Глеб помучился еще немного и решил накрыться поверх одеяла телогрейкой Луки.

Он вскочил с кровати, но тут взглянул мимоходом в окно и ахнул: в тайге зима. Белая, пушистая, настоящая сибирская зима.

— Ты чего так рано? — спросил Лука.

Глеб вспомнил вчерашнюю обиду, хотел

промолчать, но не выдержал — так хорошо и радостно было у него сейчас на душе.

— Там зима, Лучок, ты посмотри!..

Лука встал с кровати, обнял Глеба за плечо и тоже начал смотреть в окно. Разве уснешь, если там зима...

...Варя ожидала Глеба возле ворот школы. Едва Глеб спустился с пригорка и пошел вдоль прясел по узкой, протоптанной по снегу тропе, Варя помчалась к нему навстречу. Подбежала радостная, запыхавшаяся.

— Глеб, у нас открывают станцию!

— Хо-хо, лучше тебя знаю!

— Нет Глеб, ты не так знаешь. Я лучше знаю. Мне папа сам по телефону звонил. Только я, Глеб, ничего не услышала. Я взяла телефонную трубку, а там какая-то женщина говорит: «наклонитесь вправо, дышите ровнее». Я начала дышать, а потом поняла, что это радио.

— А как же ты про открытие узнала? — перебил Глеб Варину болтовню.

— Я, Глеб, узнала. Я телефонистку спросила. Телефонистки, знаешь, какие. Они всегда раньше всех всё знают!

Телефонистки! Варю ни одна телефонистка не переплюнет. Куда там!

Уроки в этот день тянулись страшно долго. От нудного утомительного ожидания у Глеба заболела и шея, и спина, и зубы, которые, вообще-то говоря, у Глеба никогда раньше не болели.

Но даже и после уроков Глебу не удалось сразу уйти домой.

У Вари снова была репетиция. Глеб хотел уйти один, но Варя сказала, что тогда она тоже бросит все и тоже уйдет.

На Глеба напустились мальчишки и девчонки из балетного кружка, и он сдался. Пошел в зал, сел в уголке и стал смотреть, как танцует Варя.

Варя знала, что Глеб смотрит, и старалась изо всех сил. Она была в коротенькой, как заячий хвост, юбочке из марли и в туфельках с прямым твердым носком.

Глебу не понравились ни эта юбочка, ни эти танцы. Настоящие балерины вон как танцуют, а Варя не танцевала, а просто-напросто прыгала по сцене, как заяц или коза.

Из-за этих козлиных скачков Глеб и Варя чуть не опоздали на открытие станции. Когда они прибежали сломя голову домой, возле станции уже толпился народ.

Строители пришли прямо с работы. В телогрейках, коротеньких полушубках, в растоптанных валенках. Они вполголоса говорили о своих делах и поглядывали на новую таежную станцию. Над толпой покачиваясьплыли легкие, синие дымки от папирос.

Станция сегодня была какая-то вся праздничная — светлая, пахнувшая смоляным тесом и еще не везде просохшей краской.

Глеб пробрался поближе и увидел самое главное и неожиданное...

Над входом, чуть-чуть повыше круглых электрических часов, висел большой портрет. Молоденький паренек с комсомольским значком на гимнастерке смотрел на Глеба строгим, изучающим и в то же время добрым взглядом.

— Ну что ж, Глеб, — говорил этот взгляд, — здравствуй, я рад, что познакомился с тобой...

Так вот, оказывается, какую картину рисовали тайком от всех на станции!

— Тише, товарищи, тише! — услышал Глеб голос Георгия Лукича.

Георгий Лукич подошел к главному входу станции, взмахнул над головой какой-то бумажкой.

— Товарищи, мы получили телеграмму... Нашей таежной станции по просьбе лесорубов присвоено имя отважного геолога Ивана Демина!..

Георгий Лукич хотел продолжать, но тут все зашумели, захлопали в ладоши. Сильнее всех хлопали Глеб и Варя.

Рядом с Глебом, с ребенком на руках, стояла Варина мать. Она смотрела на портрет Демина и вытирала платочком заплаканные глаза.

Глебу хотелось сказать ей что-нибудь хорошее, но он не находил слов, чтобы выразить те чувства, которые теснились сейчас у него в душе.

Ярко светило над тайгой зимнее солнце. Возле Трех Монахов раскатисто и звонко, будто праздничные салюты, бухали взрывы.

Глава семнадцатая

Ночью раздался стук в дверь.

— Кто такой? — спросил Лука, нащупывая в темноте выключатель.

— Я, открой...

В вагон, осыпанный с ног до головы снегом, вошел Георгий Лукич.

Снял с бровей сосульки, посмотрел на Сережу Ежикова и сказал:

— Ну и намело, Лука. ПUTEукладчик стоит, дороги забросало. Прямо не дай бог... Папиросы у тебя есть?

Георгий Лукич взял у Луки папиросу, закурил и снова посмотрел на Сережу.

Услышав разговор, проснулся Сережа. Открыл сначала левый, потом правый глаз и шумно зевнул.

— Ну и спать охота, просто как из пушки, — сказал он, сбрасывая одеяло. — Снова машины разгружать?

Сережа уже привык к ночным побудкам. Недавно в речку свалился с откоса бульдозер, а вчера и позавчера десятиклассники разгружали машины и прятали бумажные мешки с цементом, чтобы они не расквасились за ночь от снега.

Узнав, в чем дело, Сережа надел свой синий с «молнией» посередине комбинезон и начал не торопясь, по-хозяйски, наматывать на ноги портянки.

Глеб знал, что Лука все равно никуда его не пустит, и поэтому даже не встал с кровати. Лука и Георгий Лукич подождали, пока Сережа оденется, и ушли.

Глеб бросил в печь несколько поленьев и снова полез в постель.

Утром буран утих.

Глеб позавтракал на скорую руку и вышел на крыльцо.

Снегу за ночь намело до самых дверей. Пушистые сугробы накрыли и высокую поленницу дров, и бочки с бензином, и черный замасленный трактор возле «конторы». Вокруг — ни звука, ни шороха. Наверное, все отправились в Ушканью падь, где работали теперь путеукладчик и бульдозеры.

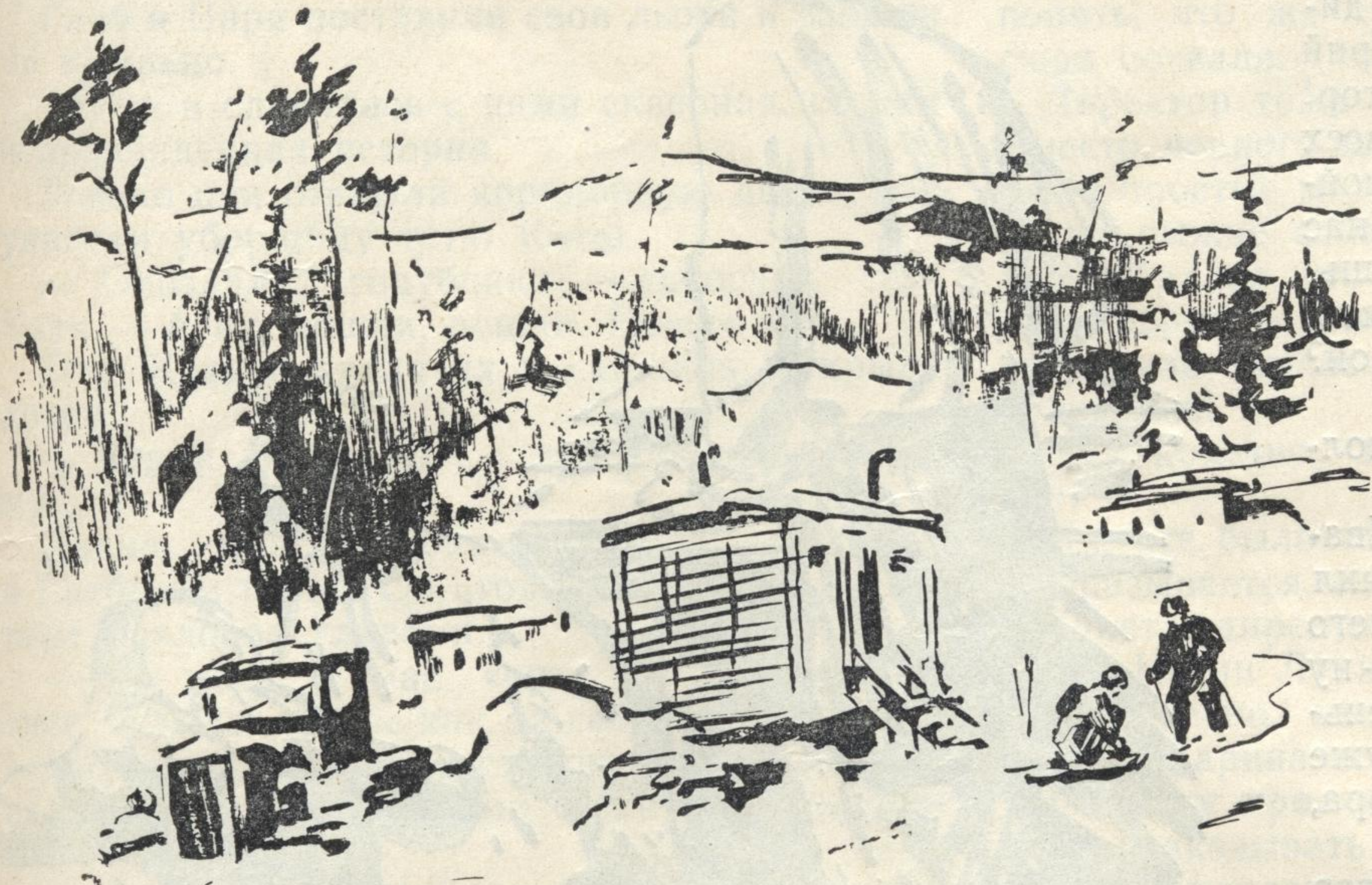
Глеб подумал, что просеку сегодня рубить не будут. Какая тут просека — вон сколько

за ночь наворочало! Ни проехать, ни пройти.

И почему это десятиклассникам так не везет? То одна неприятность, то другая, то третья...

Казалось, теперь-то у них все наладилось.

Недавно в газете «Магистраль» напечатали фотографию десятиклассников. Получились все очень здорово — и Лука, и Сережа Ежиков, и Зинуля.

Глеб тоже хотел сняться вместе со всеми, но фотограф турнул его, и поэтому на карточке вышли только левое ухо и краешек заячьей шапки. Но всё равно, все сразу узнали, что это его личное ухо.

Варе, конечно, было очень завидно, но она тоже сказала:

— Это, Глеб, твое ухо. У тебя ухо на волнушку похоже.

Теперь, после снегопада, все полетит вверх тормашками. Десятиклассники не выполняют нормы, и Георгий Лукич снова начнет пачкать мелом красную фанерную доску...

Глеб посмотрел еще раз вокруг, надел через плечо сумку с учебниками и стал примерять коротенькие, подбитые оленьей шкурой лыжи.

Таких лыж ни у кого не было — широкие, легкие, быстрые, как ветер.

Скрипнула дверь, и на крылечке «конторы» появилась Варя.

— Глеб, иди сюда, у меня, Глеб, необыкновенная новость! — крикнула Варя.

У этой девчонки всегда какие-нибудь новости. Если ее посадить в погреб и погреб запереть железным замком, все равно что-нибудь разнюхает.

— Знаю я твои новости, — буркнул Глеб. — И без новостей как-нибудь проживу.

— Не, Глеб, ты ничего не знаешь. Папа звонил по телефону директору леспромхоза.

— Ну и что?

— Ничего. Папа говорит: «У нас «чп» — чрезвычайное происшествие, пришлите нам людей», а директор говорит: «У меня у самого «чп», у меня людей нет. Я сам задыхаюсь». Ты знаешь, Глеб, зря папа отдал Драндулета директору. Такой хорошенький был Драндулетик...

Глеб даже зубами закрипел от злости.

Балаболка! Даже смотреть на нее и то противно.

Глеб приладил крепления, взмахнул палками и пошел размашистым охотничьим шагом прочь.

— Глеб, ты зачем сердишься? — крикнула Варя. — Ты не сердись, Глеб!

Но Глеб пошел еще быстрее. Чш-ш, — шумел под лыжами снег, — чш-ш.

Глеб долго петлял меж деревьев и выбрался наконец на берег реки.

Справа, там, где кончалась гряда островерхих кедров и начинался редкий березняк, залегла меж снегов Ушканья падь. Над сугробами виднелась решетчатая стрела путеукладчика, там и сям мелькали, будто горошины, крохотные фигурки строителей.

Глеб приложил руку к бровям, стал разыскивать Луку. Но куда там — разве найдешь среди этих крохотных, абсолютно одинаковых горошин!..

За холмами вспыхивали на солнце лопаты. Слышалось глухое, прерывистое урчание. Видимо, рабочие заводили и никак не могли завести замерзший за ночь бульдозер.

— Глеб, подожди! Подожди-и, Глеб!

Глеб обернулся и увидел Варю. Расставив палки, будто крылья, Варя мчалась с пригорка. Мальчишеская шапка ее сидела на затылке, по ветру мотались из стороны в сторону светлые и прямые, как солома, волосы.

— Подожди-и, Глеб!

Варя обогнала Глеба и вдруг круто затормозила и стала поперек дороги.

— Ты, Глеб, зачем убегаешь? Так, Глеб, товарищи не делают!

Варя подошла к Глебу еще ближе и тихо, как выдают большую тайну, сказала:

— Знаешь что, Глеб, давай пойдем к директору школы...

Глеб ждал от Вари какой угодно чепухи, только не этого.

— Ты с ума сошла? — спросил он.

— Не, Глеб, я не сошла. Сам ничего не придумаешь, а сам говоришь... Придем к директору и скажем: «Юрий Иванович, товарищ директор! Вы сами обещали повести всех на экскурсию. Давайте пойдем на стройку сегодня. У нас сегодня «чп». Ты думаешь, директор не поймет? Он, Глеб, все поймет. Он знает, какой? Он у нас добрый...

Добрый! Лучше бы уж молчала!

Директор школы Юрий Иванович только недавно закончил институт. Посмотришь на него со стороны и подумаешь — ну что это за директор? Худенький, курносый и на лице, уже совсем некстати для директора, веснушки.

Но на самом деле директор был человеком серьезным. Даже чуть-чуть строже, чем надо. Как чуть что — директору все известно.

— А ну, зовите его ко мне в кабинет!

Глеб уже имел счастье лично беседовать с директором.

Однажды Глеб пристраивал к лыжам новые крепления и поэтому опоздал в школу на пятнадцать минут. Из-за этих пятнадцати минут Юрий Иванович пилил Глеба целых полчаса.

Глеб вспомнил баню, которую задал ему директор, и наотрез отказался идти к нему.

— Ищи другого дурака, — сказал он. Обошел Варю сторонкой и снова покатился вниз, к темневшим на изволоке избам.

Но разве от Вари просто так отвяжешься! Варя снова обогнала его и снова загородила дорогу.

— Ты, Глеб, трус. Я думала, ты не трус, а ты, оказывается, трус...

Трудно сказать, почему он всё-таки согласился. Скорее всего у Глеба был такой сговорчивый характер. А к тому же Глеб подумал

мал-подумал и решил, что он и в самом деле не прав. Не съест же их в конце концов директор!

Глеб и Варя вышагивали на лыжах и обсуждали, как все это у них получится. Сначала

в кабинет директора войдет Глеб, а за ним — Варя. Глеб поздоровается и начнет рассказывать грустным голосом про «чп».

Директор выслушает, посмотрит на Глеба, на Варю и спросит:

— А вы не выдумываете, это в самом деле так?

И тогда к столу директора подойдет Варя.

— Не, Юрий Иванович, мы не выдумываем, — скажет Варя. — Зачем нам выдумывать? Мы правду говорим...

В общем, директор поверит, что они не врут, и дело будет в шляпе. А как же иначе? Иначе не может и быть!

С этими мыслями, чуть-чуть робея от предстоящей встречи с директором, и подошли Глеб и Варя к школе.

У забора стоял длинный ряд лыж — и охотничьих, и обыкновенных покупных, и совсем маленьких, на которых ходят первоклашки.

Глеб и Варя поставили свои лыжи и взошли на крыльцо.

Тут-то и случилась с ними скверная, совсем непредвиденная история.

Только они открыли коридорную дверь, как увидели уборщицу тетю Катю.

— Опоздали, голубчики? — спросила тетя Катя. — А ну, пошли, пошли. Нечего тут...

Тетя Катя подвела их к кабинету, открыла дверь.

— Юрий Иванович, прогульщиков привела!

Давно приготовленные слова застряли в Глебовом горле. Он стоял в кабинете директора и хлопал глазами.

— Я, мы... у нас «чп»... у нас кругом снег, — выдавил кое-как из себя Глеб.

Директор отложил в сторону классные журналы, поправил пальцами дужку роговых очков.

— Бабкин Глеб, ты опаздываешь не первый раз. Снег выпал везде, но все вовремя пришли на урок. Я буду говорить с твоим братом...

Директор хотел сказать еще что-то такое, но за спиной у Глеба вдруг послышались какие-то подозрительные иканья и всхлипывания.

— Варя! В чем дело? — недовольно спросил директор. — Почему ты икаешь? Пойди выпей воды.

— Не, я не икаю, — пробормотала Варя, не отнимая рук от лица, — Это я так плачу...

Директор назвал их лицемерами, выставил за дверь и сказал, что снова будет говорить с ними на перемене.

На уроке Глеб ничего не слушал. Сидел и уныло смотрел в окно.

«Ну и пусть, — безрадостно думал он. — Ну и пусть...»

На перемену Глеб не пошел. Сидел, как и прежде, не отрывая глаз от окна, и ждал каждую минуту беды.

Все случилось точно так, как Глеб предполагал. Дверь класса распахнулась и дежурный по школе отчетливо и как-то зловеще сказал:

— Глеб Бабкин, тебя вызывает директор!

В кабинете директора полно людей.

Тут и учителя, и секретарь комсомольской организации Толя Шустиков, и старшая пионервожатая Света Молчанова, и даже школьный плотник дядя Саша.

Все шумят, суетятся и совсем не слушают друг друга.

Глеб стал посреди кабинета и никак не мог понять, что же тут происходит и зачем его сюда позвали.

Директор тоже казался каким-то странным. Вместо черного шевиотового костюма на нем были простые матерчатые брюки, свитер, а на ногах рыжие собачьи унты. На Крайний Север собрался, что ли?

И вдруг в Глебовой голове как молния сверкнула мысль — это же они на стройку собрались!

Ну, конечно, какое может быть сомнение!

Да, все было точно так, как подумал Глеб.

Оказывается, когда Глеб и Варя вышли из кабинета, директор начал звонить на стройку Луке. Но ни Луки, ни Георгия Лукича директор, конечно, не нашел. В «конторе» была только Варина мать. Она рассказала Юрию Ивановичу про «чп» и попросила его не особенно наказывать Глеба и Варю.

Зачем наказывать? Если бы они и в самом деле были лицемеры, тогда другое дело...

Несколько минут назад Глеб Бабкин был никто. Просто Глеб Бабкин и все. А сейчас нет. Сейчас Глеб стал самым настоящим проводником.

Ну да, Юрий Иванович так ему и сказал:

— Глеб Бабкин, ты поведешь всех на стройку. Надеюсь, ты хорошо знаешь дорогу?

Хо-хо, и еще как знает! Лучше Глеба тут никто ничего не знает.

Глебу хотелось выскочить из кабинета на одной ножке или покатиться колесом, как акробат в Иркутском цирке. Но он не стал делать этого. Раз ты проводник, значит, проводник!

Возле школы все разобрали лыжи и начали строиться в отряды.

Сначала десятый класс, потом девятый, потом восьмой, потом седьмой, потом шестой класс — Глебов.

Но Глеб шел не со своим классом. Проводник Глеб шел впереди всех. Впереди секретаря комсомольской организации Толи Шустикова, впереди старшей пионервожатой Светы Молчановой и даже впереди самого директора школы.

Многим было завидно, но никто Глебу не сказал ни одного слова. Все прекрасно понимали, что это за фигура — проводник.

И только Варя чуть-чуть испортила Глебу отличное настроение. Ей, видите ли, не понравилось, что Глеб идет впереди всех и показывает всем дорогу. Отчаянная девчонка, никого не спросив, оставила свое место, обогнала всех и пошла махать по целине вдогонку Глебу.

Глеб услышал скрип лыж за спиной, обернулся и сердито крикнул:

— Назад! Куда лезешь!

Но Варя даже и не думала выполнять приказание. Она догнала Глеба и пошла рядом — ухо в ухо.

Ну, что ты с ней сделаешь! Глеб только плюнул в сторону и снова налег на палки.

Но Варя не отставала от Глеба ни на шаг. Глеб сделает шаг, и Варя сделает шаг. Кто проводник, а кто просто так — не поймешь...

Солнце уже давно выкатилось из-за горы и теперь светило прямо в глаза. Яркое, чистое, будто бы выкованное из какого-то никому не известного холодного, слепящего металла.

Лыжники въехали вслед за Глебом на косогор. Задержались на секунду и, забыв о своем проводнике, понеслись вниз, к Ушканьей пади...

...Справа за холмом послышался гул моторов и тяжелый, шлепающий лязг бульдозеров. Остро запахло бензином и перегоревшим машинным маслом.

Через несколько минут показалась стрела путеукладчика, а затем все остальное — ползающие по глинистой насыпи бульдозеры, экскаваторы и тарахтящая изо всех сил «пеэска».

В стороне, за крутой грядой снега, дымил маневровый паровоз, который подвозил к путеукладчику рельсы. В кабине путеукладчика было пусто. Видимо, машинист и его помощник ушли вместе со всеми расчищать путь маневровому паровозу.

Ну да, так и есть. Из траншеи, которая тянулась от путеукладчика к паровозу, то и дело вылетали огромные глыбы снега. Стал-

кивались друг с другом, рассыпались по сторонам, будто фонтаны. И тогда в воздухе вспыхивала и сразу же гасла разноцветная снежная радуга.

Ребята прошли еще немножко и увидели Георгия Лукича. Он стоял на краю траншеи и махал им рукой.

— Папа-а! — закричала Варя. — Папа-а! Это мы сюда пришли. Мы все сюда пришли!

И тут школьники побежали к траншее.

В середине её, будто в огромной шахтерской штольне, работали лесорубы. Тут были и Лука, и Сережа Ежиков, и Зинуля, и все остальные.

Лука работал без полушубка. Гимнастерка на его плечах взмокла и дымилась, как на печке.

Глебу стало очень жаль Луку. Этот сумасшедший ни капельки не бережет себя. Разве ж можно вот так — раздетым!

Каждому классу дали свой отдельный участок — отсюда и досюда. Глебову классу достался самый трудный участок. Снегу на рельсы намело столько, что даже смотреть страшно.

Но Глеб твердо решил — пока не закончит, пока по рельсам не покатит паровоз, он отсюда ни за что не уйдет. Пускай остальные, как хотят, а он не уйдет. Глеб взял лопату, поддел глыбу ноздреватого, уже слежавшегося снега и швырнул в сторону.

Это только вначале может показаться, что снег бросать легко.

Но это только так кажется.

Швырнешь пятнадцать — двадцать лопат, и у тебя уже все ломит, болит и противно ноет. И кажется, на лопате не снег, а комок тяжелой, мокрой земли, слитки железа.

А тут еще вдобавок Глебу попала лопата с корявой, неудобной ручкой.

Если бы порядочная лопата, было бы еще ничего. Не первый раз. Но этой, просто-таки дурацкой лопатой Глеб сразу же натер на руках волдыри.

Сначала на пальцах выскочили красные пятки, потом эти пятки побелели, вздулись и лопнули. Но все равно Глеб не подал вида, что ему больно. У Луки еще не так болела рука, — и то молчал.

Глеб снял полушубок и снова начал швырять наверх комья снега.

Так его!

Так его!

Так его!

Прошел час, и директор крикнул, чтобы все вылезали из траншеи, отдохнули и погрелись возле костра.

Около березок на расчищенной от снега площадке жарко пылали огромные круглые чурбаки. С деревьев, тронутые теплом костра, звеня, осыпались белые хрупкие льдинки.

Возле тепла руки у Глеба заныли еще сильнее, и он не знал, как унять боль. То приложит к рукам втихомолку снега, то засунет их в карманы.

Боль была такая сильная, что Глебу казалось, будто у него сейчас все болит — и ноги, и голова, и зубы, и даже ногти, которые, как известно, никогда у людей не болят, потому что они бесчувственные.

И тут в голову Глеба пришла мысль — отправиться к Луке и попросить, чтобы он что-нибудь сделал с этими несчастными руками. Перевязал их бинтом или смазал йодом. Наверняка у них тут есть брезентовая сумка с красным медицинским крестом посередине.

Глеб хотел было уже идти к брату, но тут Лука сам появился у костра.

Сел возле Глеба на бревно, как-то очень загадочно улыбнулся и спросил:

— Ну что, лицемер, как дела?

Лицо у Луки было совсем не злое, а, наоборот, доброе и приветливое. Он, Лука, очень редко бывает таким...

Глеб понял, что Лука разговаривал с директором и уже знает, как директор прогнал их с Варей вон.

И тут, неизвестно почему, руки у Глеба стали болеть меньше.

Глеб снова взял свою неуклюжую с корявой ручкой лопату и снова начал швырять снег.

Так его!

Так его!!

Так его!!!

Лука стоял на краю траншеи, не торопясь докуривал папиросу, смотрел на Глеба и наверняка думал, что Глеб совсем не лицемер, не капиталист и не узурпатор...

Глава девятнадцатая

Когда работаешь, когда у тебя впереди хорошая, большая цель, время быстро летит вперед.

Отшумели в тайге метели, и снова заглянула сквозь ветви деревьев синими застенчивыми глазами весна.

Днем таяли на солнцегреве снега, и быстрые ручьи, грохоча и спотыкаясь на камнях, неслись к черной, разлившейся по логам и распадкам реке.

Но зима не хотела сдаваться без боя. Откуда ни возьмись, набегут вдруг на небо серые, тяжелые тучи, и снова сыпет в черную ледяную воду мелкий, липкий снег.

Далеко ушла от красных вагонов просека. Даже на ночь не возвращались порой лесорубы к теплему печному огоньку. Там работали, там варили сами себе похлебку и там же спали. Одни в брезентовых палатках, другие — просто так. Бросят на землю охапку сосновых лап, разведут рядом костер и спят, не снимая валенок и полушубков.

Еще месяц-другой, и прости-поощай красные вагоны.

По Северной дороге, оглашая гудками при- молкшие чащи, помчатся тяжелые товарные

составы, блеснут окнами и скроются вдали быстрые пассажирские поезда.

Лесорубам попался самый последний и самый крепкий орешек. Вдоль берега тянулась стена могучих лиственниц и корабельных сосен с пересохшими до самых макушек ветками.

Пока такую лиственницу или сосну сваляешь, не раз умоешься соленым потом.

Глеб чуть не каждый день ходил к лесорубам.

Федосей Матвеевич раздобыл Глебу топор. Маленький, ладный, с гладким березовым топориком.

Поработаешь часик-два, и домой.

Лука, как видно, примирился с этим. Только однажды подозрительно посмотрел на Глеба из-под густых широких бровей и сказал:

— Нахватаешь ты, Глеба, двоек в школе!

Хо-хо, «нахватаешь»! У Глеба в дневнике сплошные пятерки. Не только сам уроки выучит, еще и Варе поможет.

Глебу хотелось хоть разик заночевать вместе со всеми в тайге.

Глеб приставал-приставал к Луке и все-таки добился своего.

— Ладно, ночуй, — согласился Лука. — А только случится что, — пеняй на себя.

Но разве Лука знал, что случится именно в эту ночь!

Нет, этого никто не знал...

Глеб проснулся среди ночи и вдруг услышал, как где-то неподалеку тихо и вкрадчиво плещется вода.

Глеб бросил в догорающий костер несколько полешек, подумал и пошел в чащу.

В темноте все отчетливее слышался шум воды. Этот загадочный шум доносился с той стороны, где было старое, давно пересохшее русло реки.

Неужели река снова ожила?

Глеб прошел немного и тут все понял. Впереди сверкал под луной широкий речной простор.

Старое русло, кольцом огибавшее тайгу, кипело, kloкотало; черная холодная вода выплеснулась из берегов и теперь, затапливая на своем пути кустарники, разливалась, будто море, по сонной ночной тайге.

— Лука-а! — крикнул Глеб. — Лука-а!

Не чувствуя под собой ног, Глеб помчался к своим.

— Лука-а! Лука-а!

Глеб растолкал Луку и рассказал ему, в чем дело.

— Буди ребят, — сказал Лука. — Только тихо. Без паники.

Дольше всех пришлось повозиться с Димкой Кучеровым. Накрыв голову полушубком, Димка вслепую лягал всех, кто осмеливался подойти к нему. С трудом привели Лорда в чувство.

Димка протер глаза ладонью и плачущим голосом сказал:

— Л-лорды, что же это такое? Дайте мне спокойно умереть.

Но волянил и вздыхал Димка не долго. Узнав, что переполненная весенней водой река прорвалась в старое русло и теперь все они очутились на острове, Димка моментально раздумал умирать.

Лесорубы обошли вокруг весь остров. Всюду была вода. Живое черное кольцо с каждой минутой затягивалось все уже и уже. Река наступала на остров со всех сторон.

Они вновь пришли к палатке.

Лука разгреб веткой догорающий костер. Вокруг, озарив на миг лица людей, разлилось жаркое огненно-красное сияние.

— Братцы, а где же наш Димка? — спросил Лука, прикуривая от маленького, стынувшего на глазах уголька.

Все принялись кричать.

— Димка-а!

— Димка-а-а!

— Димка-а-а-а!

Но тайга не откликалась. Только по-прежнему слышался глухой сдержанный плеск разгулявшейся реки.

И вдруг откуда-то с вышины донесся слабый, заикающийся голос.

— Л-лорды, я т-тут...

Глеб задрал голову и увидел Димку. Скрючившись в три погибели от страха и стужи, Димка сидел на верхушке толстой, корявой лиственницы. Внизу валялись брошенные при отступлении валенки и полушубок.

— Слазь! — кратко крикнул беженцу Лука.

Димка опустился чуть-чуть пониже, охватил лиственницу, будто клещами, длинными ногами.

— Л-лорды, т-там в-вода, я б-боюсь.

После долгих уговоров Димка сполз на землю и тотчас полез в полушубок.

— Л-лорды, я з-замерз, разведите к-костер.

Но какой там костер! Вода шумела уже совсем рядом. По ложбинкам затекали на поляну яркие, как лесные ящерицы, ручейки.

Что же делать? Забраться, как Димка, на лиственницу?

Но хорошее дело «забраться»! А полушубок и валенки?

Разве в полушубке влезешь?

Замерзать на дереве или тонуть ни с того ни с сего в реке никто не хотел.

На поляне, не смолкая ни на минуту, стоял тревожный гул голосов.

Это еще счастье, что с ними был такой решительный человек, как Лука. Он решил все очень просто и очень быстро.

Вырубить из тонких березок жерди и привязать к двум стоящим рядом лиственницам. Одна жердь справа, а другая слева.

На таких полатях не только сидеть, на таких полатях, если хочешь, танцевать можно.

На поляне закипела работа. Прошло каких-нибудь полчаса, и высотные дома были готовы. Жерди привязали к лиственницам гибкими березовыми ветками, а вместо перин постелили пышные и мягкие сосновые лапы.

Сначала лесорубы побросали в новые квартиры полушубки и валенки, а потом, подсаживая друг друга, полезли сами. В каждой квартире разместилось по четыре человека.

Но лучше всех, пожалуй, устроились Лука, Сережа Ежиков, Зина-Зинуля и Глеб. Лука прикрепил к деревьям еще пару жердей, и теперь у них получилось что-то очень похожее на кресло или длинный диван со спинкой.

Ребята ожили. Послышались веселые шутки.

Но вот луна ушла за деревья, и от этого в тайге стало как-то сразу тихо и грустно. Сколько сидеть им еще на деревьях — день, два, а может быть, целую неделю?

Только вчера Федосей Матвеевич привез продукты, и теперь, наверное, о лесорубах вспомнят не скоро. Пока то да се, как раз ноги от голода протянешь или бабахнешься ночью с дерева.

Вода беспрепятственно разливалась по тайге. С неба посыпал мелкий снежок.

Где-то далеко, за темным гребешком леса, вспыхивали зарницы.

Глеб присмотрелся и понял, что это вовсе и не зарницы. Это вспыхивали быстрые, как

молнии, отни электрической сварки на строительстве железнодорожного моста.

Тайга жила своей новой, хорошей жизнью.

Лязгая гусеницами, стаскивали с просек тяжелые сосны трелёвочные трактора; бил ковшом в мерзлую землю экскаватор, а еще дальше, видимо, у Трех Монахов, пыхтели маневровые паровозы.

И оттого, что рядом была жизнь, рядом были свои близкие, родные люди, у Глеба стало немного легче на душе. Глеб запахнул покрепче полушубок, склонил голову на плечо Луке и незаметно уснул.

Проснулся Глеб перед рассветом. Вокруг все было бело от снега. Рядом с Глебом, на том месте, где был Лука, сидела Зина-Зинуля и тихо всхлипывала.

На жердях лежала аккуратно сложенная одежда Луки и старые, подшитые войлоком катанки.

— Лука! — вскрикнул Глеб. — Лучок!

Зинуля притянула к себе Глеба, прижалась к его лицу мокрой щекой.

— Не бойся, Глеба... ты не бойся...

Глеб ни о чем не спрашивал Зинулю. Сидел рядом с ней и смотрел в ту сторону, куда уплыл Лука.

Застигнутые водой, проплыли на большой черной коряжине двое серых обליнявших зайчишек; оставляя за собой длинный волнистый след, мелькнула и скрылась за деревьями лиса-огневка.

Над тайгой поднималось солнце. Зарумянились макушки сосен и лиственниц; будто угольки, загорелись на березах жухлые прошлогодние листья.

Грустная, примолкшая сидела рядом с Глебом Зинуля. Тревога и ожидание застыли на ее осунувшемся, усыпанном веснушками, лице.

Глебу было очень жаль Зинулю, хотелось сказать, что теперь он на нее не сердится. И если Лука равнодушен к ней, пускай так и будет. Он ничего не имеет против...

Но что это? Вдалеке, там, где сливались воедино новое и старое русло реки, слышалось прерывистое татаканье мотора.

— Наши! — тихо вскрикнула Зинуля. — Это наши!

И тотчас на деревьях поднялся шум и гам.

— Наши!

— Наши!

— Наши!

Не находил себе места от радости Димка Кучеров. Дрыгал своими длинными ногами, воинственно размахивал над головой огромной, как сорочье гнездо, шапкой.

— Лорды! Бледнолицые братья! За нами плывет пирога!

— Та-та-та, — неслось в ответ. — Та-та-та, та-та-та...

Виляя меж деревьев, к десятиклассникам шла моторная лодка.

Глава двадцатая

— Димку стригут!

— Димку стригут!

Эта весть мгновенно облетела весь поселок.

Никто не хотел верить, что Димка расстанется с длинной поповской шевелюрой.

— Неужели стригут?

— Пропать на месте, если вру!

Глеб и Варя прибыли первыми на это потешное зрелище. Закутанный простыней, Димка сидел посреди поляны на низенькой табуретке и покорно ждал своей участи.

Сережа Ежиков, который наловчился в последнее время стричь и брить, как настоящий

парикмахер, не торопился. Он ходил вокруг Димки, пощелкивая портновскими ножницами, примеривался, откуда отхватить клоч.

— Чего ты ходишь? Стриги! — взмолился Димка.

Сережа зашел справа, поддел расческой густую пепельно-рыжую прядь.

— Вас под полечку?

— Стриги-и! — простонал Димка.

Чик-чик-чик, — неторопливо защелкали ножницы. — Чик-чик-чик...

Сегодня Сережа Ежиков стриг как-то странно.

Вначале он обработал правую половину головы, затем подумал, ткнул Димке под нос мыльной кисточкой и обрил узенький курчавый ус.

— Ты как стрижешь? — подозрительно спросил Димка, выпутывая руки из-под простыни.

— Сиди-и,— протянул Сережа.— Как умею, так и стригу.

Сережа чикнул еще несколько раз ножницами, отошел в сторону и начал придирчиво смотреть на свою работу.

И тут толпа, обступившая Димку, охнула, застонала и начала хохотать.

Аха-ха-ха! Охо-хо-хо! Глеб подобрался поближе, глянул на Димку и тоже залился неудержимым смехом. Уже слезы выступили на глазах, уже кололо в животе, а он все хохотал и хохотал.

Перед Глебом сидело два Димки. Если зайти слева — длинногровый, с курчавым нахальным усиком, а справа — отлично подстриженный, выбритый и чем-то очень приятный и симпатичный человек. Два разных и в то же время похожих друг на друга Димки смотрели на собравшихся и, казалось, говорили:

— Л-лорды, что же он со мной делает? Вы слышите, л-лорды!

Сережа сжалился над Димкой. Он остриг вторую половину головы, сбрил остатки усов, еще раз внимательно осмотрел Димку со всех сторон и хлопнул его по спине.

— Ну, теперь готово, иди...

Димка с радостью сбросил с себя простыню, отряхнулся и тут же поторопился уйти подальше от любопытных глаз.

Расстался Димка со своей красотой не случайно.

Вчера Димка получил телеграмму из далекого пограничного города. Ничего страшного в телеграмме не было. Димкин отец сообщал, что приедет на праздник открытия дороги.

И все же Димка перетрусил. Он ходил по лесному поселку, заглядывал в глаза всем и говорил:

— Л-лорды, вы меня не продавайте. Я вас прошу, л-лорды.

А между тем, Лука вовсе и не отправлял письма Димкиному отцу.

Глеб собственными ушами слышал, как Лука говорил Сереже Ежикову:

— Давайте подождем. Может, Димка исправится. Жаль мне его, дурака.

Да, пожалуй, десятиклассники поступили правильно. Что ни говори, но это уже был не прежний шалопай...

Праздник, которого с нетерпением ждали и Глеб, и все остальные, был уже на носу.

К этому дню готовились везде — и в лесном поселке, и возле Трех Монахов, и далеко-далеко, у берегов синей широкой Лены.

Но самый большой и шумный праздник затевался там, где построили первую таежную

станцию. Туда не попадешь. Туда только самых лучших рабочих пригласили.

У Вариного отца уже лежала в столе паечка ярких красных билетиков. Справа — силуэт Ленина, а посередине ровными строгими буквами написано:

«Дорогой товарищ!

Управление строительства приглашает вас на торжественное открытие Северной железной дороги».

Такого билетика ему, конечно, не дадут. Разве Глеб — дорогой товарищ?

Когда Георгию Лукичу что-нибудь надо, так Глеб у него и дорогой, и золотой, и какой хочешь. А теперь нет, теперь Глеб не дорогой...

Удрученный неясностью, которую готовило ему будущее, Глеб по целым дням не выходил из вагона, листал старые, давно прочитанные книжки.

«Пускай Лука сам едет, — думал он. — Раз он дорогой, пускай едет...».

Особенно тяжело было Глебу в последний, предпраздничный день.

Глеб завалился спать засветло. Лежал и с тоской вспоминал все обиды, которые причинили ему Лука и прочие люди.

Обид накопилась целая куча — и больших, и маленьких, и совсем крохотных, о которых Глеб давно забыл, а теперь вдруг вспомнил. Ярko, отчетливо, будто было это только вчера.

Нет, не везет ему в жизни, совсем не везет...

Пришли откуда-то Лука и Сережа Ежиков. Лука отвернул краешек одеяла, участливо спросил:

— Глеб, ты что?

— Ничего... я спать хочу.

Лука прошелся по вагону, пошелестел на столе бумажками и снова спросил:

— Глеба, ты сердишься на меня?

Глеб зарылся носом в подушку, не ответил. Как будто бы Лука не видит, как будто бы он слепой!

Долго Глеб мучился, страдал втихомолку и наконец, забытый всеми на свете, уснул.

А красный вагон знал свое дело. Подождал немного, скрипнул тормозами и тронулся в далекий, бесконечный путь.

«Так-так-так, так-так-так, — застучали колеса. — Так-так-так, так-так-так».

Сегодня вагон шел по какой-то новой, незнакомой дороге. Впереди — ни станции, ни полустанков, ни крохотных будок путевых обходчиков с зелеными огородами и островерхими стожками сена вокруг.

Глеб слышал сквозь сон однообразный негромкий разговор колес:

«Довольно спать, довольно спать, довольно спать».

Он подчинился этому тихому, требовательному голосу.

«Я уже не сплю, я уже не сплю, я уже не сплю», — ответил Глеб.

Но странное дело, колеса не утихали. Покачиваясь из стороны в сторону, вагон продолжал свой путь.

Что же это такое? Может быть, это ему только кажется, что он не спит? Нет, во сне так не бывает. Глеб отчетливо слышал и стук колес, и протяжный гудок паровоза, и чей-то тихий, сдержанный разговор в вагоне.

Глеб отслонил одеяло и теперь уже окончательно понял, что он не спит. Это была не сказка и не сон. Красный вагон мчался вперед по новой таежной дороге. Напротив Глеба сидели на кровати Лука, Сережка Ежиков и Зина-Зинуля.

Они смотрели на Глеба, как заговорщики, и улыбались.

— Ур-ра! — крикнул Глеб. — Ур-ра!

— Быстрее одевайся, — сказал ему Лука. — Скоро приедем.

Вагон и в самом деле замедлял ход. Встречный ветер уже едва-едва колыхал коротенькую занавеску на квадратном окне.

Через несколько минут паровоз остановился и все вышли из вагона. Вдалеке, возле большой незнакомой станции, Глеб увидел деревянные трибуны и толпы людей вокруг. Над тайгой неслись звуки оркестра и веселый разноголосый гул голосов.

Глеба и Луку пропустили вперед, на самую главную трибуну.

На трибуне Глеб к своему удивлению увидел Варю.

Варя стояла рядом с Георгием Лукичем и смотрела туда же, куда и все — на высокую, украшенную флажками и еловыми ветками, арку.

Поперек арки, надуваясь пузырем, висел красный кумачовый лозунг:

«Пламенный привет строителям Северной железной дороги».

На трибуне было много знакомых Глебу людей. Вон директор их лесной школы, вон завуч Таисия Андреевна, а вон секретарь райкома комсомола, который вручал десятиклассникам красное знамя, какой-то генерал и отец Димки Кучерова с орденами и медалями на кителе.

Глеб принялся изучать других своих соседей, но в это время Варя толкнула его в бок и сказала:

— Глеб, ты чего не смотришь? Ты смотри!

За березовой рощей показался пышный, как облако, паровозный дымок. Шел первый на Северной дороге пассажирский состав.

Все ближе и ближе...

Огромный черный паровоз нырнул под арку, будто под мост, и покатил к трибунам.

— Ур-ра! — закричали вокруг.

— Ур-ра!

— Ур-ра!

Глеб тоже хлопал в ладоши вместе со всеми и тоже, не щадя сил, кричал «ура».

Будто прислушиваясь к этому невероятному шуму и грохоту, паровоз медленно прокатил

вдоль трибуны. Он был весь разукрашен флажками, цветами, зелеными, струящимися по ветру ветками.

А вот и первый вагон. Его только что помыли. На крыше и стенках сверкали ослепительным огнем быстрые, бегущие вслед за поездом зайчики.

Первые пассажиры приветливо махали руками, платками, кричали строителям «ура».

Один вагон, второй, третий...

В окне четвертого вагона Глеб увидел Федосея Матвеевича.

— Здорово, паря! — крикнул Федосей Матвеевич, когда вагон поравнялся с трибунами. — Здорово, паря!

Все обернулись и стали смотреть на Глеба.

А Федосей Матвеевич, который уезжал куда-то далеко, на новую стройку, яростно размахивал над головой потертой кожаной фуражкой и кричал:

— Здорово, паря! Здорово, паря!

Счастливыми, затуманившимися от слез глазами провожал Глеб своего старого друга и еле слышно шептал:

— Прощайте, Федосей Матвеевич, прощайте, дорогой!

Если бы не Варя, Глеб так бы ничего больше и не увидел. Варя дергала его за рукав, толкала под бок, стараясь привести в чувство, бесцеремонно и требовательно пинала коленкой.

— Глеб, ты смотри! Ты смотри, Глеб!

Нет, Глеб никогда, ни за что на свете не забудет того, что увидел он сейчас.

Посреди новенького зеленого состава катил разукрашенный ярче всех их, красный товарный вагон. Кто-то украсил его стены венками из таежных жарков, нежными, как зеленое пламя, ветками березы и темными, строгими метелками кедра.

Сколько дней и сколько ночей провел Глеб в этом старом скрипучем вагоне, сколько передумал мальчишеских дум, сколько радости, надежд и сомнений было связано с ним!

Не отрывая глаз, смотрел Глеб на свой красный вагон. Теперь он был для него дорожкой всего на свете.

Ленинград — «Космос»

Фото О. Василевского

ДОРОГАЯ РЕДАКЦИЯ!

Я хочу спросить, почему у нас нет ни стадиона, ни катка. Нам негде заниматься спортом.

Роберт Николаевский,
село Стрункино Называевского района Омской области

Роберт! Тебе отвечают пионеры 63-й дружины Ленинграда.

Миша Украинский:

Наша школа находится на окраине города, в Новой деревне. До этого года нам тоже негде было по-настоящему заниматься спортом. Стали думать, где бы построить стадион. За школой, у железной дороги, был большой заболоченный пустырь, весь заваленный камнями, досками, металлическим ломом. На пустыре и решили сделать футбольное поле...

Олег Козловский:

Решить-то легко, а вот сделать... Одних только столбов от фундамента пришлось вынуть из земли около пятидесяти. А «техника» у нас была такая: лопаты, ломы да носилки.

Игорь Козырин:

Мне кажется, у ребят из Стрункина большие возможности. Машины в совхозе есть, тракторы — тоже, среди школьников и водители найдутся. Надо обратиться к старшим — они обязательно помогут. Вот мы, например, собрали семьдесят кубометров кирпича, чтобы делать щебенку для беговых дорожек, а дробить кирпич нечем. Пошли к строителям. Попросили хорошенько и получили кувалды.

Витя Соколов:

По-моему, дело ясное. Нечего ждать, Роберт, когда кто-то придет и построит вам стадион. Беритесь за работу сами. А если не будет получаться, напишите нам — поможем советом.

ЭПСИЛОН ЭРИДАНА — ЗЕМЛЯ

Советский ученый, кандидат физико-математических наук М. Агрест предполагает, что нашу планету посетили необычайные гости.

Когда это могло случиться?

Очень давно, потому что никаких достоверных сведений об этом не сохранилось. Но вместе с тем — когда человечество уже существовало. По всей вероятности, тысячи или десятки тысяч лет назад.

На чем они прилетели?

На ракете. На гигантском космическом корабле, способном развивать околосветовую скорость.

Откуда?

Из населенного мира далекой звезды. Далекой, потому что в Солнечной системе, кроме Земли, нет, видимо, планеты, на которой обитают разумные существа.

Где приземлились?

Возможно, в районе Мертвого моря, на Ближнем Востоке. Именно там найдены остатки загадочных древних сооружений.

Одно такое сооружение находится в горах Антиливана, в городе Баальбеке: площадка на холме возле храмов, сложенная из каменных плит весом около двух тысяч тонн каждая. Даже сегодня на Земле не существует подъемного крана, который поднял бы такую плиту. Как же это могли сделать жители древности?

Плиты не вырублены на месте, их затащили наверх из каменоломни, с подножия холма. Одна плита до сих пор лежит внизу, будто строители внезапно бросили всё и ушли...

Может быть, гости из Космоса пожелали воздвигнуть здесь обелиск в память о себе? Может быть, они не успели построить его, а позже люди возвели на этом месте храмы?

Кстати, Баальбек когда-то назывался Гелиополисом — «Городом Солнца»... Случайно ли возникло это «космическое» название?

Есть ли еще следы их пребывания на земле?

Как будто, есть.

1. *Тектиты* — таинственные стеклообразные камни. Никто никогда не видел, чтобы они падали на Землю. А между тем радиоактивные изотопы алюминия и бериллия, обнаруженные в них, свидетельствуют, что тектиты не возникли на Земле, а попали на нее «откуда-то»: Земле несколько миллиардов лет, а тектитам — не больше нескольких миллионов.

Не могут ли тектиты быть остатками неведомых аппаратов, которыми космонавты «ощупывали» Землю, кружась над ней прежде чем опуститься? Ведь места находок тектитов опоясывают земной шар почти правильным кольцом...

2. *Памятники древнего искусства*. В пустыне Сахаре (недалеко от Антиливана!), на скалах плато Тассили французские ученые недавно обнаружили «картинную галерею». На рисунках — фигуры мужчин и женщин, зверей и птиц, охоты и танцев — и среди этих фигур — «загадочная картинка»: гигант в странной одежде, как две капли воды похожий на современный скафандр, в шлеме, напоминающем водолазный.

Возможно, это просто жрец в маске. А если нет? Где мог видеть первобытный художник такой скафандр?

3. *Древние религиозные предания*. В них говорится о сошествии на Землю «богов» или «сыновей бога», о человеке по имени Енох, который был ими взят живым на небо.

Сказки! Выдумки!

В сказках почти всегда содержится зерно истины...

4. *Древние научные трактаты*. Изучая их, иногда удивляешься: откуда в далекие-далекие времена ученые знали о некоторых вещах больше, чем было тогда возможно?

Например, около 1600 года датский астроном Тихо Браге открыл «вариацию Луны» — отклонение Луны от правильного пути, вызванное различной силой притяжения Солнца в разных точках лунной орбиты.

И вдруг оказалось, что вариация Луны описана... за полтысячелетия до Браге, в X веке, в трактате арабского астронома Абу-ль-Вефы.

У Абу-ль-Вефы не было не только точных инструментов, а даже часов со стрелками, без которых расчет движения Луны попросту немислим. И все же...

А ведь такие «несообразности» можно объяснить тем, что среди людей сохранялись отголоски сведений о небе, которые передали им когда-то посланцы Космоса!..

Как узнать, действительно ли они прилетели?

Нужны поиски.

Путь первый

Одна из ближайших к Земле звезд, планеты которой, по предположению ученых, могут быть населены разумными существами, находится

в созвездии Кита и названа греческой буквой тау. Другая — в созвездии Эридана и обозначена греческой буквой эпсилон.

Американские астрономы решили попытаться поймать радиосигналы с Тау Кита и Эпсилона Эридана. Если на планетах этих звезд существует высокоразвитая наука, то ее деятели должны обратить внимание на наше Солнце точно так же, как мы обратили внимание на их звезды. И если общество разумных существ развилось там раньше, чем на Земле, то и техника у них достигла гораздо больших успехов. Может быть, канал межзвездной связи давно создан инопланетными обитателями, и они лишь ждут, когда мы «выйдем» навстречу им своими радиосигналами?

Немало пройдет времени, прежде чем будут пойманы сигналы наших братьев по разуму и — тем более — послан им ответ. Радиоволны от Тау Кита или Эпсилона Эридана идут больше одиннадцати лет...

Но когда люди Земли установят межзвездные радиосвязи, ответ на наши вопросы, несомненно, придет. Жители других миров сообщат нам по цепочке обо всех космических рейсах всех разумных существ, где бы они ни обитали...

Путь второй

Не теряя времени, искать следы гостей из Космоса у нас на Земле.

Пусть историки изучат еще множество древнейших преданий — а вдруг в них сохранились гораздо более важные сведения о «посланцах неба»?

Пусть археологи займутся поисками тайников, устроенных космонавтами, — вдруг в этих тайниках и доныне хранятся ценнейшие научные сведения, оставленные нам в наследство? Может быть, эти тайники скрыты на таких глубинах под землей или под водой, до которых мы еще не сумели добраться?

Пусть физики и радиохимики исследуют загадочные памятники древности, — а их немало, начиная от колоссальных египетских пирамид и кончая таинственным столбом чистого железа в Индии, — пусть точно установят их возраст, поищут поблизости следы работы атомных двигателей...

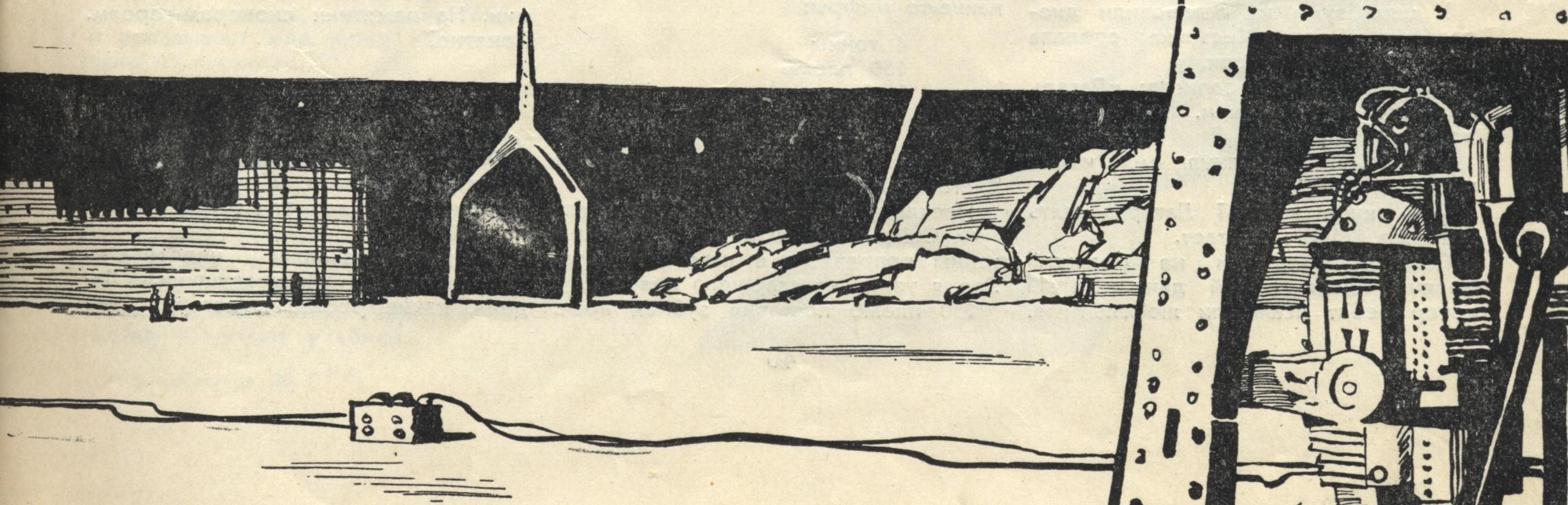
То, о чем мы рассказали, — только ничтожная крупица догадок одного человека. А если многие ученые мира сообща возьмутся за поиски?

Зачем это нужно?

Затем, чтобы еще раз доказать: нет пределов человеческому разуму!

Беседу с М. М. Агрестом записали П. Галкин, М. Чернин

Рисунки Б. Власова

Пионер закаляется

ТРИ ДНЯ В ЛАГЕРЕ

Утром в редакции зазвонил телефон. Редактор снял трубку. Далекий голос произнес: «Говорит пионерлагерь «Победа». Готовимся к спартакиаде. Приезжайте».

Редактор вызвал Кадрика, Кисточку и Нескладушкина. Они выслушали задание, сели на мотоцикл и срочно выехали в лагерь. Несколько часов спустя друзья были на месте.

У шлагбаума их остановили дневальные. Здесь Кисточка сделала свой первый набросок.

А Нескладушкин записал: «Лагерь забором не окружен. Ходи, куда хочешь. Здорово!»

Дневальный заглянул ему через плечо:

— А куда ходить? Лагерь — пять гектаров. Места хватает.

Палатку поставили на большой поляне около белой дачи. Целый вечер ребят осаждали любопытные.

Когда стемнело и в дачах погасли огни, устроили совещание. Нескладушкин встал посередине и голосом самого главного редактора сказал:

— В нашем распоряжении три дня. Лагерь большой — работы много. С утра — по отрядам. Вечером собираемся здесь.

ВЕЧЕР ПЕРВЫЙ

— Ну как? — спросил Нескладушкин.

— Порядок, — ответил Кадрик и показал готовую фотографию: Витя Иванов лезет по шесту.

А Нескладушкин раскрыл свой блокнот, и ребята увидели в нем какие-то цифры:

4 тонны
150 пломб
2:0
 $25 \times 10 \times 500 = ?$

— Что это такое? — спросили Кисточка и Кадрик.

Нескладушкин хитро подмигнул: — Сейчас объясню. На четыре

тонны поправятся в лагере ребята. Это я узнал от старшего повара.

150 пломб поставил зубной врач.

Что такое 2:0? С таким счетом выиграли последнюю встречу лагерные футболисты.

А теперь решите задачу. Сколько заработают ребята на ломке березовых веников, если каждый должен наломать 25 веников, один веник стоит 10 копеек, а в лагере 500 человек?

— 1250 рублей, — сказал Кадрик.

— Ставлю пять. Завтра утром пойдем помогать ребятам.

— А зачем веники? — спросила Кисточка.

— На корм скоту, — объяснил Нескладушкин и многозначительно добавил:

— Витамины.

— А деньги на что?

— В фонд пионерской организации. На памятник пионерам-героям. Понятно?

ВЕЧЕР ВТОРОЙ

Все пахло березовым листом: и одежда, и волосы, и руки. Кисточка морщилась: у нее от работы болели пальцы.

— Труд закаляет человека, — успокоил ее Нескладушкин. — Видела, какие ребята в лагере? Здо-

ровые, ловкие. Я сегодня искал хоть одного незагорелого. С ног сбился, пока нашел. Думал — он из принципа не загорает, а ему врач не разрешил.

Кадрик долго возился в походной фотолаборатории. Наконец он принес влажный снимок.

— Хорошо ребята тренируются, — сказала Кисточка. — А я сегодня видела человека, который готовится к спартакиаде теоретически. Захожу в белую дачу. В комнате сидит мальчик. На столе у него книги, под столом тоже книги. Я спрашиваю: «Ты кто?» Он говорит: «Я Марик».

— А почему ты к спартакиаде не готовишься?

— Я готовлюсь, — отвечает Марик и показывает мне книгу «Олимпийские чемпионы».

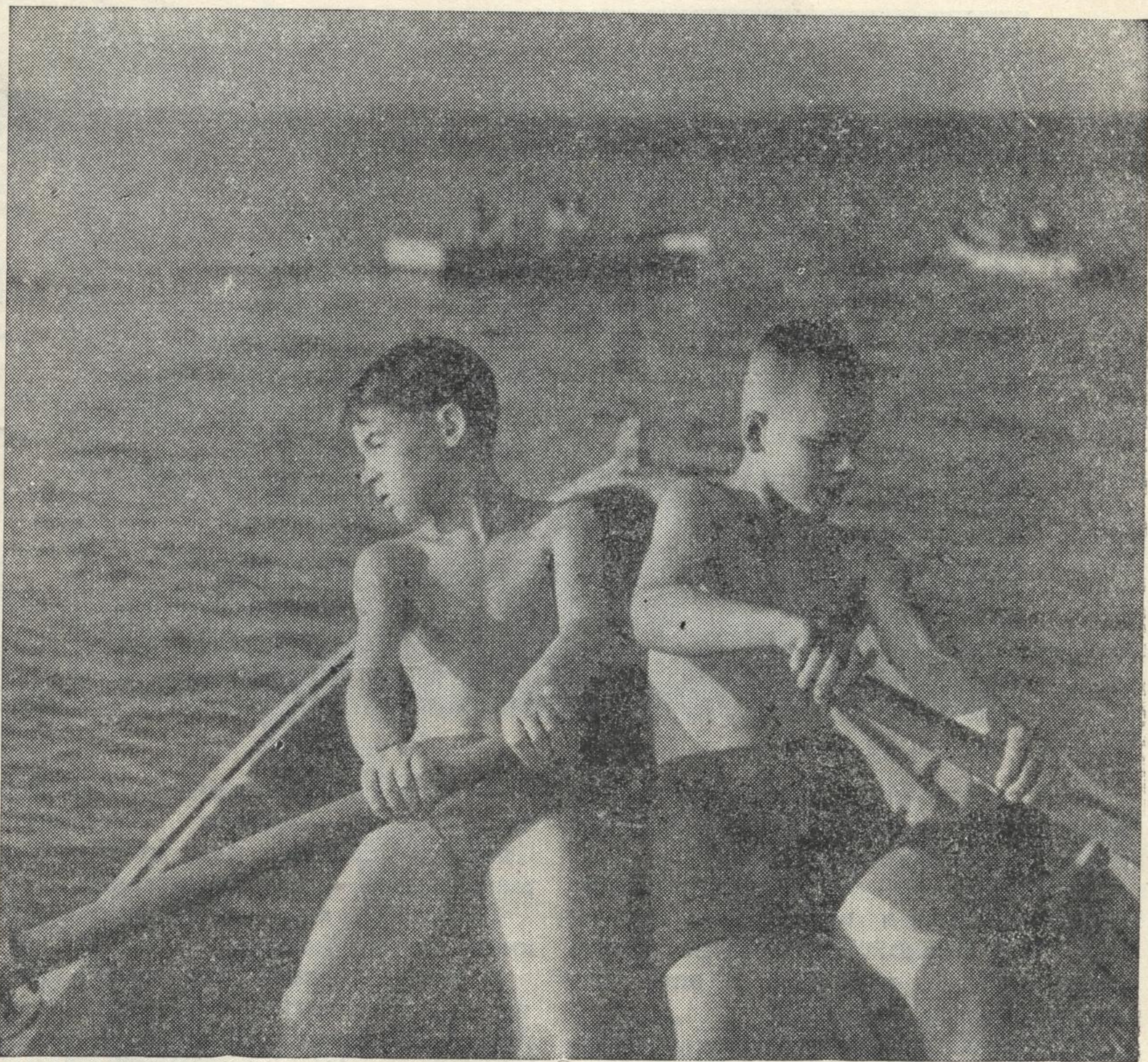
И Кисточка тут же нарисовала спортсмена-теоретика.

Вдруг зазвонил полевой телефон.

— Кто у аппарата? — спросил Нескладушкин.

— Дежурный по девятому номеру «Костра», — донеслось из трубки.

— Нужен снимок. Срочно. Идея такая: уже в лагере ребята думают о школе. Например, сидят на скамейке и читают учебник...

Нескладушкин хотел что-то возразить, но в трубке затрещало, и связь прервалась.

ВЕЧЕР ТРЕТИЙ

Стемнело. Ребята сидели в палатке. Гудели комары. Кадрик рассказывал, а Нескладушкин записывал. «Целый день я бегал по лагерю в поисках учебника. Все было напрасно. В библиотеке нет, у вожатых нет, даже у Марика, которого все зовут профессором, не оказалось. О школе пока тоже никто не вспоминает.

После обеда на восточной аллее я наткнулся на мальчишку, который сидел на скамье и грыз карандаш. Перед ним лежала «Арифметика».

— Как тебя зовут? — спросил я мальчишку.

— Вить, — ответил тот, не вынимая карандаша изо рта.

— Ты любишь задачи решать?

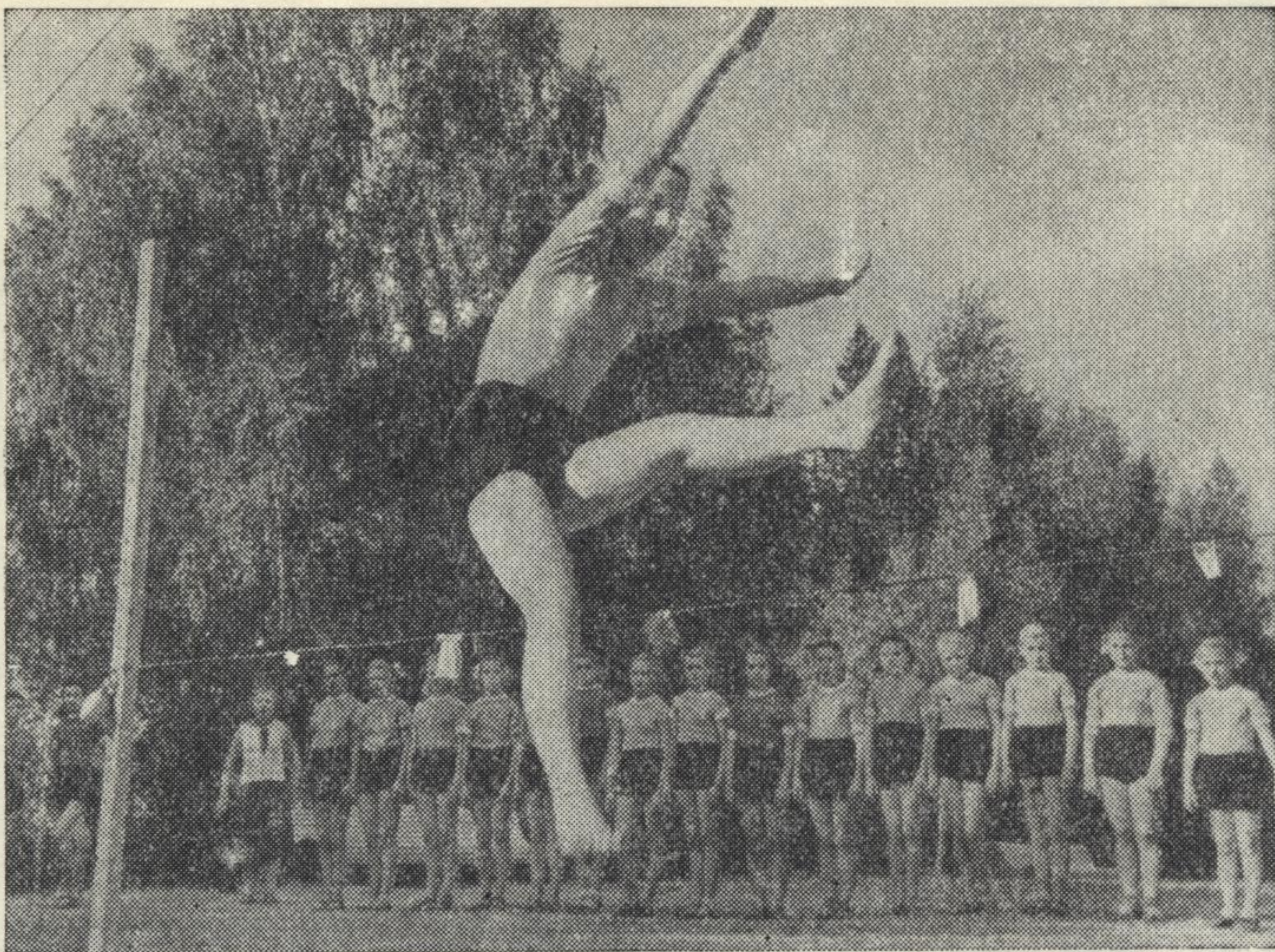
— Не...

— А примеры?

— Не...

— А чего ж сидишь? Все в футбол, а ты сидишь?

— Я двоечник, — сказал Витя, вынув изо рта карандаш. — У меня переэкзаменовка...

Кадрик взял у Нескладушкина блокнот, прочел, вздохнул и сказал:

— Все верно. Так и было. Пусть дежурный не сердится. Я зато ему такой снимок привезу!

И Кадрик показал друзьям фотографию самого спортивного отряда в лагере, восьмого.

— А теперь слушайте, — сказал Кадрик. — Приказ по лагерю.

Приказ по лагерю «Победа» от 20 июля за № 10.

За чистоту и порядок в корпусе, за отличную дисциплину на линейках, показательную работу в колхозе и отличные спортивные успехи — сдачу норм на значок БГТО всем отрядом — объявить благодарность и вручить переходящий вымпел 8-му отряду.

— А я сегодня целый день была на пирсе, — сказала Кисточка. — Красота! Утром над озером туман плывет, вода прозрачная.

Смотришь вниз, а на дне — улитки ходы. Тишина...

И вдруг — горн: та — та, та, та — та, та... Подъем! С горы посыпались ребята с полотенцами, мыльницами, щетками... И начальник лагеря — Михаил Александрович — тоже пришел. Разделся — и в воду. Смотрю,

у него правая рука по локоть ампутирована. Один мальчишка другому шепчет: «Гляди, начальник-то с полруки плывет. А ты с двумя боишься».

— А как он руку потерял? — тихо спросил Кадрик.

— В апреле 1945 года под Данцигом, в самом конце войны...

— А у нас в лагере, — сказал Кадрик, — был вожатый. Его прозвали Бэс. Знаете почему? Он каждое утро строил нас и говорил: — Бэс разрешения никуда ходить нельзя. Бэс разрешения нельзя купаться, бэс разрешения нельзя играть в футбол...

— Здесь не так, — сказал Нескладушкин. — Здесь у всех есть работа. А на работу разрешения спрашивать не надо.

Поздно вечером Нескладушкин записал в свой блокнот:

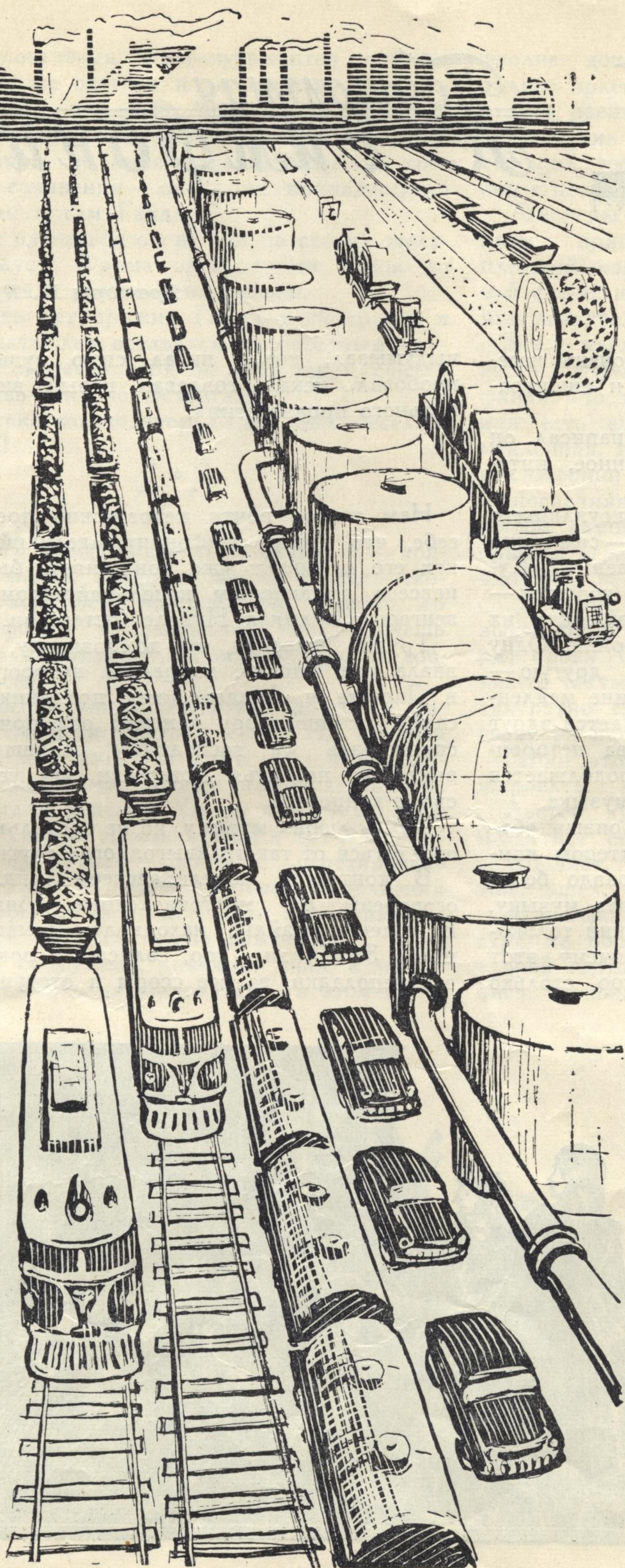
Три дня отряд трудился наш, Спортивный делал репортаж. Закончен труд. Пора домой. А жаль. Ведь лагерь мировой!

Нескладушкин подумал, зачеркнул слово «мировой» и написал: «замечательный».

Утром весь лагерь провожал друзей. Их здесь уже успели полюбить. Проводы были очень трогательные. Вернувшись домой, Кисточка по памяти нарисовала это незабываемое событие.

Знаешь ли ты,...

...ЧТО в течение минуты электронная машина успевает произвести несколько миллионов математических операций, ротор газовой турбины — 10 000 оборотов, сверхскоростной самолет пролетает полсотни километров, а космическая ракета проложит путь в пространстве, равный расстоянию от Москвы до Ленинграда.

...ЧТО в последнем году Семилетки минута станет еще «длиннее». На шахтах ежеминутно будут добывать 1175 тонн угля, на нефтепромыслах — 456 тонн нефти; доменные печи дадут 133 тонны чугуна. Чтобы перевезти все это, потребуется целый железнодорожный состав.

...ЧТО для всей продукции одной минуты 1965 года надо будет подать столько составов, сколько вместит крупный железнодорожный узел.

...ЧТО 998 000 киловатт электроэнергии, произведенные только за одну минуту 1965 года, смогут заменить труд половины населения земного шара за то же время.

...ЧТО каждую минуту 1965 года будет добываться столько газа, что в течение века его хватило бы на приготовление пищи семье из нескольких человек.

...ЧТО на бумажных комбинатах страны ежеминутно будет выпускаться столько бумаги, сколько надо для издания 5000 годовых комплектов журнала «Костер».

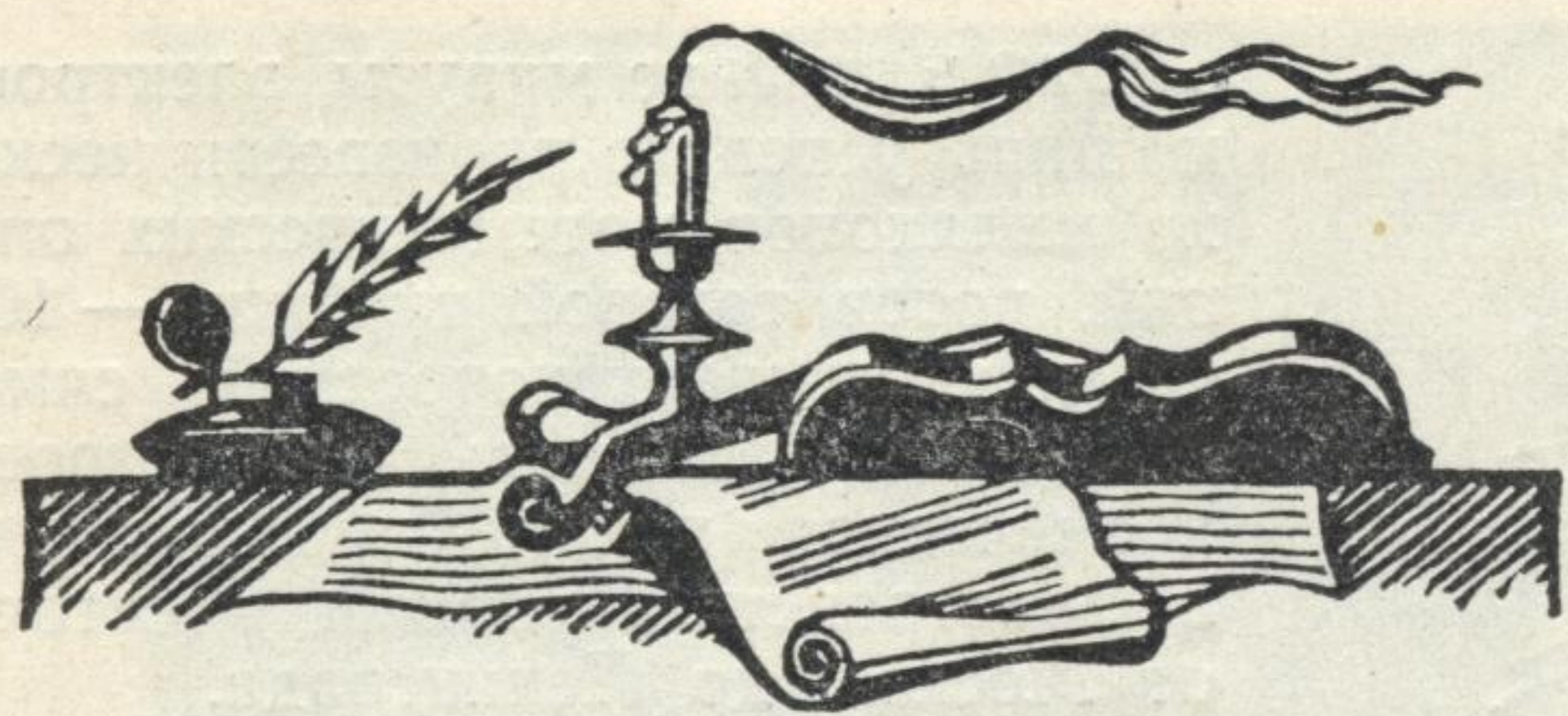
...ЧТО с конвейеров часовых заводов каждую минуту будет поступать 67 пар часов.

...ЧТО типографии нашей страны каждую минуту 1965 года будут выпускать 3000 книг — этого хватило бы на большую школьную библиотеку.

...ЧТО каждую минуту из морей, океанов и рек будут вылавливать почти 9000 килограммов рыбы. Столько весит рыболовецкий баркас с оснасткой.

...ЧТО на ткацких фабриках страны за одну минуту соткут столько ткани, что ее хватит на дорожку длиной в двадцать километров.

...ЧТО пока ты читал эту страничку, прошло пять минут. За это время с конвейеров автомобильных заводов сошло пять автомашин, а в 1965 году за это же время сойдет восемь разных автомобилей.

Прощальная Симфония

Галина Левашева

Гравюры Н. Кузнецова

Композитор Иосиф Гайдн был очень веселым человеком. Такой же веселой и жизнерадостной была его музыка.

Почти в каждой симфонии — а написал он больше ста — есть что-то неожиданное, интересное, смешное.

То он изобразит в симфонии неуклюжего медведя, то кудахтанье курицы — симфонии эти так потом и называют: «Медведь», «Курица», то закупит разных детских игрушек — свистулек, трещеток, рожков и включит их в партитуру своей «Детской» симфонии. Одну его симфонию называют «Часы», другую — «Сюрприз» за то, что там, в середине медленной, тихой и спокойной музыки раздается вдруг очень громкий удар, а затем снова неторопливо, как ни в чем не бывало, продолжается спокойная, даже какая-то важная музыка.

Все эти выдумки, все эти «сюрпризы» объяснялись не только веселым характером композитора. Тут были и другие, гораздо более важные причины. Гайдн начал писать музыку, когда произведения в форме симфонии только-только начали появляться. Вот почему этот замечательный немецкий композитор столько

выдумывал, когда писал свою музыку, — он пробовал, искал, создавал новый вид музыкального произведения.

* * *

Нам теперь почти невозможно представить себе, что «отец симфонии», «великий Гайдн», как его называли уже при жизни, был всего-навсего придворным капельмейстером австро-венгерского князя Николо Эстергази.

Трудно поверить, что композитору, которого знала вся Европа, концертов которого ждали в Париже и Лондоне, как праздника, этому самому композитору каждый раз приходилось спрашивать «у господина» разрешения на выезд из поместья Эстергази для устройства своих концертов.

Князь любил музыку, но не настолько, чтобы отказаться от такого «выгодного» слуги.

В контракте капельмейстера Гайдна были оговорены его многочисленные обязанности. В ведении Гайдна находилась домашняя капелла Эстергази — хор, солисты и оркестр. За все неполадки, за все ссоры и отступления от

правил поведения слуг-музыкантов отвечал Гайдн. Он же отвечал и за качество исполнения музыки, так как был дирижером. Он должен был сочинять любую музыку по требованию князя, не имея никаких прав на собственные сочинения — они тоже принадлежали князю, как и сам Гайдн.

И даже одеваться он не мог по своему желанию и вкусу. Форма одежды — от чулок до парика — была установлена князем.

Тридцать лет прожил Гайдн у Эстергази и все тридцать лет оставался «крепостным слугой». Так называл себя он сам, таким считал его и князь Николо Эстергази.

И все-таки композитор Гайдн был веселым человеком!

* * *

Одна его симфония — «Прощальная» — кончается музыкой, которую можно назвать скорее грустной, чем веселой. Но именно об этой симфонии вспоминается, когда хочешь рассказать о Гайдне — жизнерадостном и добром человеке.

Музыкантам князя Эстергази долго не давали отпуска и не платили денег. Их «папаша Гайдн» не мог добиться этого никакими мольбами и просьбами. Загрустили оркестранты, а потом стали роптать. Уж на что умел Гайдн ладить со своими музыкантами, а тут и его перестали слушаться — работать, репетировать стало трудно. А князь требовал исполнения новой симфонии на предстоящем празднике.

И Гайдн написал новую симфонию.

Что это за музыка, князь не знал, а может быть, и не очень интересовался — в этом-то он

вполне доверял своему капельмейстеру. Но только оркестранты вдруг проявили необыкновенное рвение к репетициям...

Наступил день праздника. Князь заранее сообщил гостям о новой симфонии, и теперь они с нетерпением ждали начала концерта.

Зажжены свечи на пюпитрах, раскрыты ноты, приготовлены инструменты... Вышел плотный, коренастый «папаша Гайдн» в парадной форме и свеженапудренном парике. Симфония зазвучала...

Все с наслаждением слушают музыку — одна часть, другая... третья... наконец, четвертая, финал. Но тут оказалось, что у новой симфонии есть еще одна часть — пятая и притом медленная, грустная. Это было против правил: в симфонии полагалось писать четыре части, и последняя, четвертая, должна быть самой живой, самой быстрой. Но музыка прекрасная, оркестр играет очень хорошо, и гости снова откинулись на спинки кресел. Слушают.

...Грустит и как будто немного жалуется музыка. Вдруг... Что такое? Князь гневно хмурит брови. Один из валторнистов отыграл какие-то такты своей партии, закрыл ноты, затем аккуратно сложил свой инструмент, потушил свечу на пюпитре... и ушел!

Гайдн этого не замечает, продолжает дирижировать.

Льется чудесная музыка, вступает флейта. Флейтист сыграл свою партию, так же, как валторнист, закрыл ноты, потушил свечу и тоже ушел.

А музыка все продолжается. Никто в оркестре не обращает внимания на то, что уже второй валторнист, а за ним гобоист, не торопясь, спокойно покидают сцену.

Одна за другой гаснут свечи на пюпитрах, друг за другом уходят музыканты... Что же Гайдн? Неужели не слышит? Неужели не видит? Видеть Гайдну, правда, довольно трудно, так как в то время, о котором идет речь, дирижер сидел лицом к публике, спиной к оркестру. Ну, а слышал-то он, конечно, прекрасно.

Вот на сцене уже почти совсем темно — остались только два скрипача. Две маленькие свечки освещают их серьезные, склоненные к смычкам лица.

Вот какую удивительную «музыкальную забастовку» придумал Гайдн! Конечно, это был протест, но такой остроумный и изящный, что князь, наверное, позабыл возмутиться. И Гайдн победил.

Написанная по такому, казалось бы, случайному поводу «Прощальная» симфония живет до сих пор. До сих пор оркестранты, один за другим, покидают сцену, и оркестр звучит все тише, все слабее: все так же замирают одинокие скрипки, и в сердце закрадывается грусть.

Да, он, конечно, был очень веселым человеком, «великий Гайдн», и такой же была его музыка. И то, что придумал композитор, чтобы помочь своему оркестру, можно назвать шуткой, музыкальным намеком. Но сама музыка не шутит. Она грустит.

Не всегда было весело капельмейстеру Гайдну.

Н. Сладков

ДЕВЯНОСТО СТУПЕНЕК ВВЕРХ

Рисунки Е. Захарова

Лес не любит шума. По лесу — ходите, не бегайте. Смотрите, а не глазейте. Не старайтесь поскорей увидеть и услышать, — старайтесь, чтобы вас не увидели и не услышали. Помните: вокруг вас невидимые чуткие уши и зоркие глаза. В лесу видит и слышит тот, кто сам невидим и неслышим.

Бесполезно ходить по лесу большими группами. Не бойтесь быть с природой наедине. В лесу нельзя быть несамостоятельным.

Лес вас будет не только учить, но и переучивать. Вы вдруг узнаете, что «противная» лягушка — очень полезное животное, а красавица-бабочка, — например, капустница, — опасный вредитель. Вам говорили,

что скворцы — полезные птицы, а вы собственными глазами увидите, как скворцы грабят сады и клюют зерно в снопах. Вы слышали, что в Китае во-

воробьев уничтожают наравне с крысами: такой большой вред приносят там воробьи посевам риса. И вдруг вы увидите, что в нашем лесу воробьи все лето выкармливают своих птенцов гусеницами и насекомыми, то есть приносят большую пользу. Вам, может быть, доведется увидеть, какими огромными стаями собираются воробьи там, где развелось много зловредных гусениц. Как же тут быть?

Наблюдая, вы поймете главное: не всякий, кто «противен», — враг, и не всякий, кто красив, — друг. Не бывает в

природе только вредного или только полезного животного. Важно, что преобладает: вред или польза.

Когда вы во всем разберетесь сами, вам смешны станут рассказы о том, что бородавки на руках — от жабы, что летучая мышь намеренно садится на голову человека и сосет кровь. Или о том, что сумеречная птица козодой высасывает молоко у коз. Или, что веретенница — самая ядовитая змея, и от укуса ее умрешь до захода солнца. Что аист, обиженный хозяином двора, приносит в клюве головню и поджигает двор. Что конский волос оживает в реке и вливается в тело купальщика.

Суеверия эти порождены нелюбознательностью людей. А как просто проверить! Хоть десять жаб возьми в руки — не появится ни одной бородавки.

Но слизь жаб, попав на слизистую оболочку, вызывает раздражение. Посади летучую мышь на голову, — она ничего тебе не сделает. Козодой в сумерках кружит над стадом не ради молока, а ради ночных насекомых, которых вспугивают козы и коровы. А веретеница не только не ядовитая, но она даже не змея. Это безногая ящерица, не опасная и очень полезная. И аист никогда не был поджигателем.

Чем больше вы будете узнавать лес, тем больше и больше будете убеждаться в том, что лес человеку не враг, а друг.

Открывателю нужен особый глаз. А глаз глазу рознь. Один глаз отличает только съедобное от несъедобного. Все съедобное он примечает, все несъедобное выпадает из поля его зрения. Такой никогда не станет открывателем. Такой и в лесу — только потребитель. Он приходит в лес, чтобы взять. Такие не любят лес, и лес не любит таких.

Лес любит умелые руки. В лесу придется начинать с начала: учиться руками брать. Стоит взять не так, и могут быть большие неприятности. Попробуйте-ка взять как попало пчелу, шершня или змею!

Возьмете ящерицу за хвост, и... хвост останется у вас в руках, а ящерица убежит. Возьмете бабочку за крылышки, и бабочка уже непригодна для коллекции: пыльца на крылышках стерлась.

Руки должны действовать уверенно, быстро, но осторожно. Видели, как работает фокусник? Ловкими пальцами достает он из пустого кулька цветы, мышей и голубей. Вот так и ваши руки, если станут умелыми, начнут, как будто из ничего, «доставать» для вас лишнее свободное время, вкусный обед, удобный ночлег, редких животных. А это для каждого исследователя много значит!

АВГУСТ — СТРАНА ПОСПЕВАЮЩИХ ПЛОДОВ

Там, где в Июне были цветы — сейчас плоды, ягоды, семена. В лесу, раздвигая мох, лезут грибы. На полях и огородах поспевает урожай. Все летние труды людей обернулись плодами.

И вот тут-то начинаются жалобы ваших летних друзей — птиц. Честные и полезные труженики: дрозды, грачи, воробьи, скворцы, голуби становятся ворами. В полях и садах люди выставляют страшные пугала, но птицы скоро перестают их бояться. Для устрашения вешают убитого грача или ворону — птицы не устрашаются. Ставят хлопущки, трещотки, вертушки — ничто не помогает!

Вот тут-то и помогут вам ваши летние наблюдения.

Вспомните птичий разговор. Стоило одному дрозду или скворцу подать сигнал тревоги, и вся стая испуганно улетала. А что, если сделать такую дудочку, которая бы в точности воспроизводила тревожный птичий крик? И приспособить ее так, чтобы дул в дудочку не человек, а ветер? Или, может, стоит записать крик тревоги на пленку магнитофона и включить пленку через усилитель? Точно таким способом на одном аэродроме отделились от чаек. Чаек на аэродроме было так много, что они стали мешать

самолетам взлетать и садиться. Тогда на аэродроме начали включать пленку с записью тревожного крика чайки: птиц сдувало, как ветром!

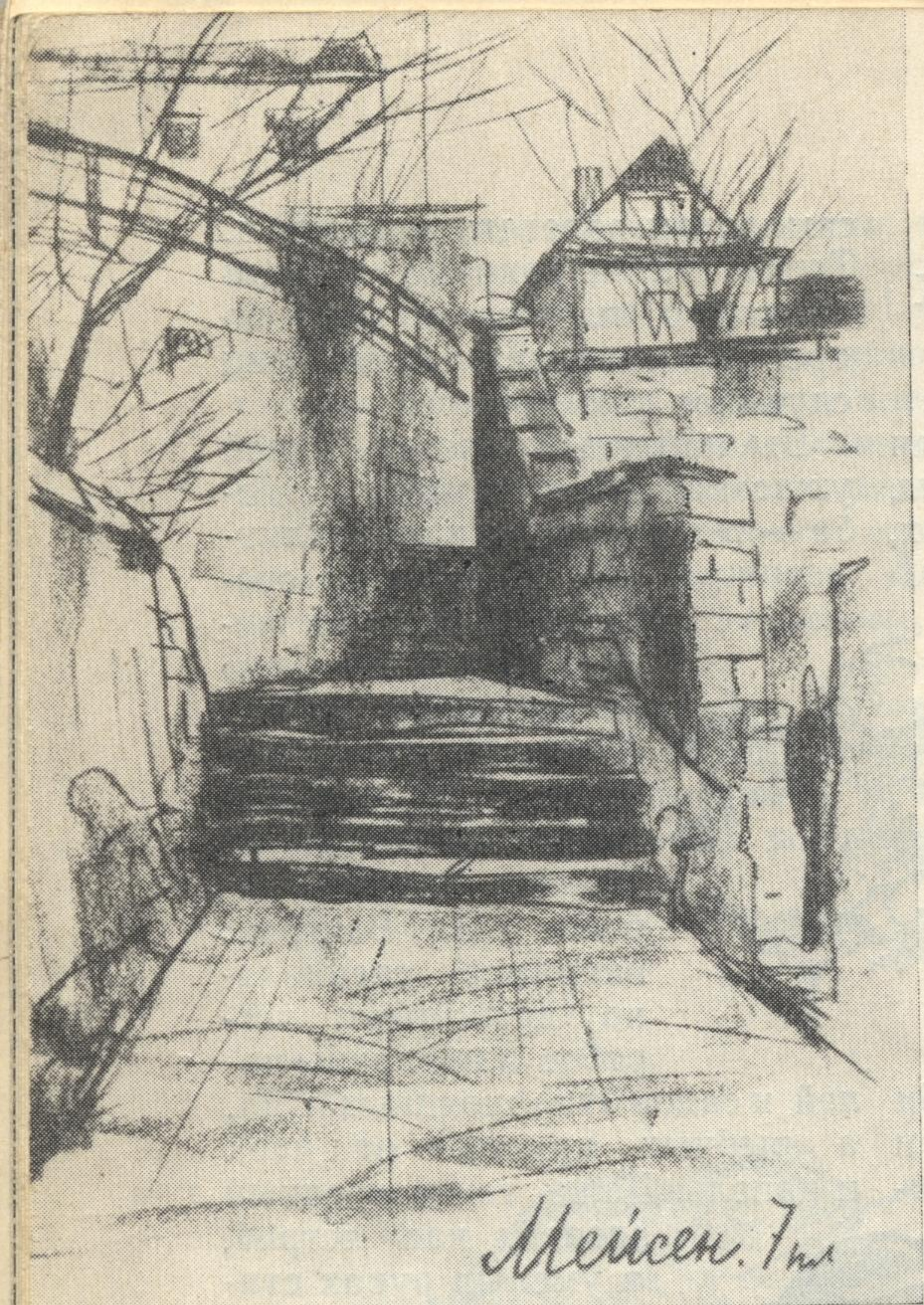
Вы наблюдали летом, какой ужас нагоняют на птиц ястреба — тетеревятник и перепелятник.

А что, если сделать из ястреба чучело и выставить его на видном месте? А может, и чучела не нужно, достаточно выпилить из фанеры силуэт ястреба? В Венгрии, например, специально дрессируют ястребов для охраны полей и садов от зерноядных птиц, а рыбных прудов — от чаек и цапель. Даже такой вредный злодей, как ястреб, в умелых руках становится полезнейшей птицей! Дело чести каждого любителя природы сохранить урожай и уберечь птиц. Для того, чтобы убивать птиц, ума много не надо.

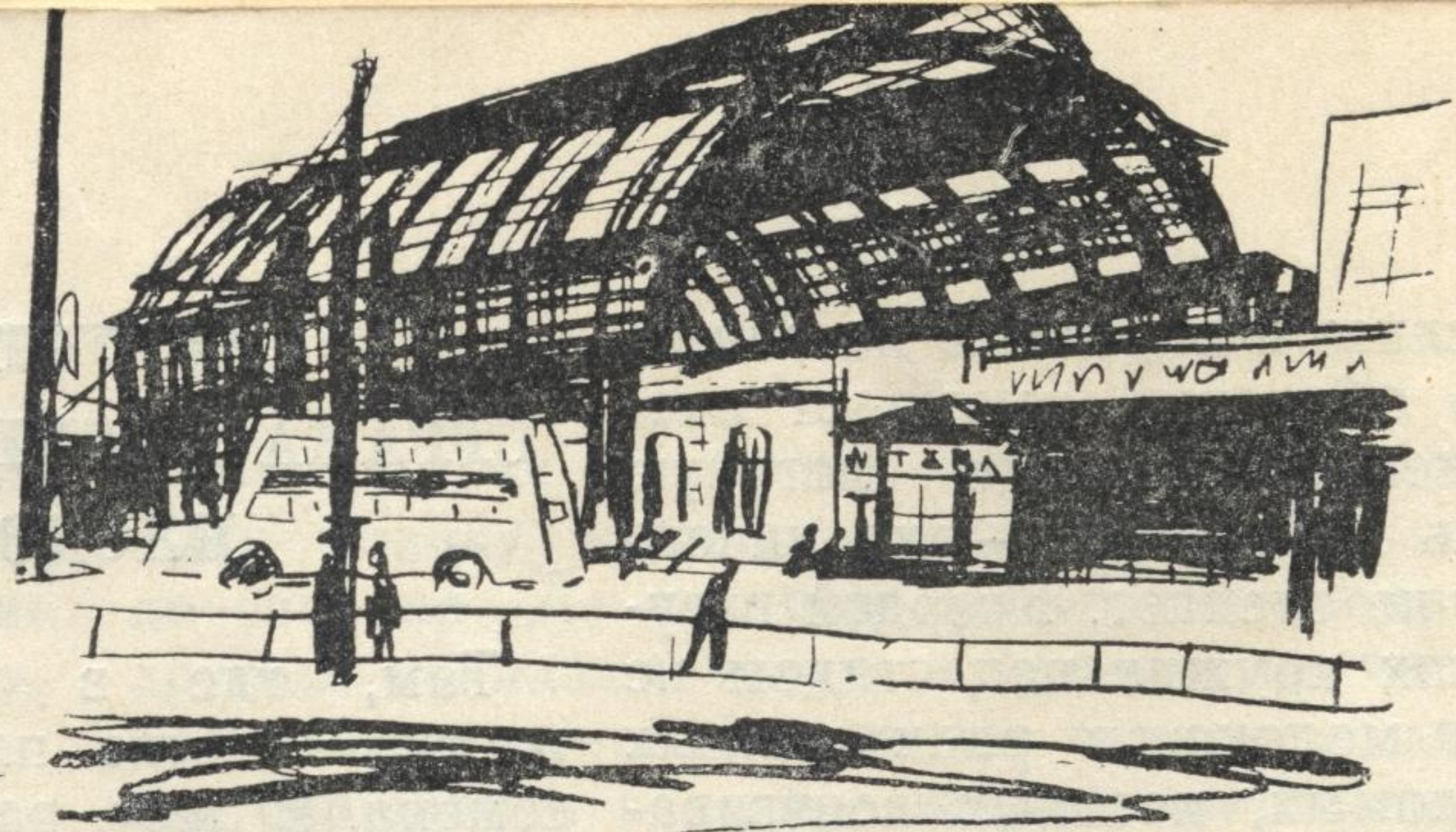
А вот чтобы выход найти, — тут придется поработать головой.

Путешествие подходит к концу. Пройдено три страны — ИЮНЬ, ИЮЛЬ, АВГУСТ — сделано много открытий, собраны разные коллекции. Лес теперь для нас не просто зеленый хаос. Лес полон тайн: мы только чуть-чуть приподняли самый краешек зеленого занавеса, только краем глаза заглянули в его зеленый мир. Всё у нас впереди! Но мы поняли главное: покорять природу — это не значит уничтожать ее. Покорять — значит узнавать. А потом и переделывать.

Мейсен. 7м

Вокзал в Берлине — наша первая остановка. Здесь мы познакомились с молодым берлинским художником Вольфрамом Шубертом. На долгое время он стал нашим бессменным гидом.

На весь мир знаменит своим фарфором Мейсен. Мы побывали на родине немецкого фарфора и познакомились с его прекрасными мастерами.

Эти ребята — жители портового города. Здесь же, в Ростке, сделаны цветные рисунки, вы их видите на вклейке журнала.

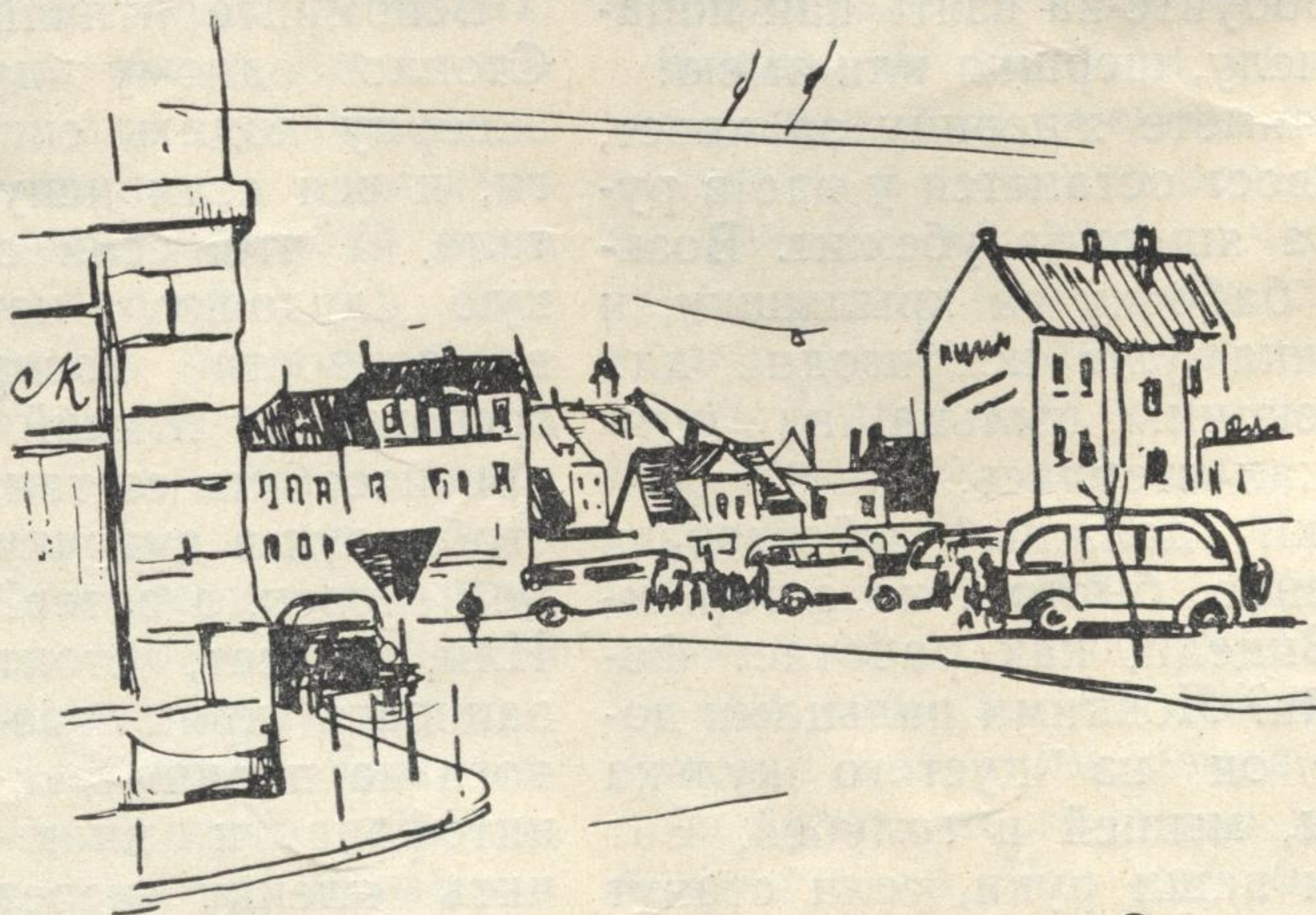
Мы были в ГДР

Из альбома художника Д. Боровского

Наше путешествие по Германской Демократической Республике длилось тридцать дней. Это и много и мало. Много — потому что велик список городов, где мы побывали: Берлин, Росток, Эрфурт, Лейпциг, Веймар... Мало — потому, что в каждом городе остались друзья, а прощаться с ними нелегко.

Может быть, в моей зарисовке Кведлинбурга и вы увидите «кусочек» средневековья: причудливый изгиб узенькой улицы, островерхая черепичная крыша...

В «немецкой Венеции» — Эрфурте — мы провели два дня. Вечером в зале филармонии я сделал портрет виолончелиста.

— Не сяду, не сяду... — повторял Валенка, показывая мне язык. Но я то знала, что он сейчас во всю разревется.

Тогда в дело вмешалась наша мама.

— Если Шурик согласится, — сказала она, — то можно купить и «Орленка». Но Валенка должен обещать, что на будущий год станет лучше учиться.

Мама посмотрела на меня, как бы спрашивая, что я скажу. Но что мне было делать с этим упрямым спорщиком?! И мама меня поняла.

— Ну, так обещаешь? — спросила она.

— Ну, — буркнул Валенка, что должно было означать: «да», и так кивнул головой, что можно было подумать — теперь запоет лучше всех в классе.

На другой день после покупки «Орленка», велосипед вместе со всеми другими вещами, которые были нужны на даче, погрузили на грузо-такси. Знаете, такое, с шахматными клеточками на дверцах? Бума я взяла на поводок, а Курнаву посадили в корзину, из которой ей ничего не было видно.

Конечно, и я и Валенка ехали в кузове. Какой нам интерес сидеть в кабине? То ли дело сверху. Смотри вокруг сколько хочешь. И кого мы обгоняем, видим, и кто впереди, и по сторонам, и кто сзади тащится...

Папа тоже был с нами в кузове. Он сидел верхом на стуле. Когда машину подкидывало на булыжной мостовой, — подпрыгивал и папа на стуле, и казалось, он едет не на машине, а скачет в своем плаще и шляпе верхом на коне. Бум высовывал мохнатую голову над кабиной и лаял на всё, что попадалось навстречу. В корзине жалобно попискивала Курнава. Наверно, она спрашивала, долго ли ее еще там будут держать.

Кубик № 5 и баба Ника

Наша дача называется «стандартным домиком». Таких домиков в Сосновой роще несколько штук. Все они одинаковые и все похожи на большие кубики, разбросанные по лужайкам. В свое время кубики, наверное, забыли покрасить, а на стенах масляной краской нарисовали такие огромные номера, что их можно рассмотреть с самолета.

Домик-кубик № 5, который стоит недалеко от забора — наш. У нас комната и веранда, и кухонька величиной с трамвайную площадку. Это половина домика, а другую половину занимает папин знакомый Борис Борисович, который с ним вместе служит в институте. Но Борис Борисович приезжает на дачу только по воскресеньям, да и то редко, а на той половине домика живет бабушка Вероника Аристарховна с маленькой внучкой Маргариткой. Маргаритка называет свою бабушку баба Ника, и мы все ее тоже так называем, потому что уж очень долго говорить: «Ве-ро-ни-ка А-рис-тар-хов-на».

И чего только не возит с собой на дачу баба Ника! Тут и ванночка, и таз, чтобы купать Маргаритку, и ковшик, чтобы ее обливать, и термометр в деревяшке, чтобы ее не простудить. Не забудет баба Ника и уличного термометра. А всяких разных кастрюль, сковородок, плошек, мисок, горшков — не сосчитать. Есть и бочонок, чтобы насолить грибов, если выпадет грибное лето, и тазик, и банки для варенья, если будут дешевые ягоды. Потом еще, наверное, сто штук толстеньких, как поросята, мешочков, на которых чернильным карандашом написано: «Рис», «Манка», «Толокно», «Греча». Везет баба Ника с собой и швейную машину, и разные метлы, швабры, обметалки. Не забудет прихватить из города и штук пять лампочек, — вдруг перегорят. Есть и керосиновая лампа, — если

потухнет электричество, и целая пачка длиннющих свечей, на случай, если сломается лампа...

Нам папа говорит, будто шестеро отважных мореплавателей на «Кон-Тики» только потому и не взяли ее с собой, что не знали о том, что в Ленинграде живет такая баба Ника, — иначе обязательно бы назначили своим завхозом.

Так или иначе — мы живем на даче

Как говорит папа, когда мы уже расположимся в своей половине и напьемся чаю. Утром — мы еще не успеваем проснуться — он уезжает, а мы с мамой остаемся на все лето.

Ребята все старые знакомые. Во-первых, Борька Скутальковский, которому в этом году исполнилось 13 лет. Он очень вытянулся, и поэтому заважничал, заявил, что, кроме волейбола и пинг-понга, ни во что играть не станет. Во-вторых, моя лучшая летняя подружка Танечка Чашкина. В-третьих, Нолька. Он крикун, задира и главный Валенкин компаньон во всех штуках и выдумках. В-четвертых, еще две сестренки — Лина и Зина Чики. Я уж не знаю, откуда у них взялась такая маленькая фамилия, но так и есть. Чик — и все.

А по соседству, в новом желтом доме, который еще пахивал лесом, поселился Люсик с мамой и бабушкой. Так звали мальчика с толстыми прямыми ногами и головой, как розовый шарик, на котором нарисовали глаза и губки. Ходил Люсик очень медленно и ни на кого никакого внимания не обращал. Правда, Люсику и обращать внимание на что-нибудь было некогда, потому что его мама и бабушка целый день не спускали с Люсика глаз и непрерывно о нем заботились.

Начиналось с утра. Мама толстяка выходила во двор и почему-то оттуда его будила.

— Люсик, вставай! — кричала она. — Лю-синь-ка-а, вставай, детка!

Из дома никто не откликался.

— Лю-у-сик, встава-а-й. Знаешь, сколько времени?

Но Люсика, видно, не интересовало время. Тут на помощь маме являлась бабушка — старушка в очках, которая всегда что-нибудь терла или молола. Бабушка сходила со ступенек веранды и тоже подавала свой голос:

— Лю-си-ик, мама говорит, чтобы ты вставал. Ты слышишь, Люся?

Люсик по-прежнему и слышать ничего не хотел, и тогда мама и бабушка начинали петь двумя голосами:

— Вставай, Лю-у-ся-а, — тянула одна.

— Люси-и-к, мама велит вставать, — объясняла другая.

— Пора уже, Люси-и-к!

— Ты слышишь, пора, Люсинь-ка-а?

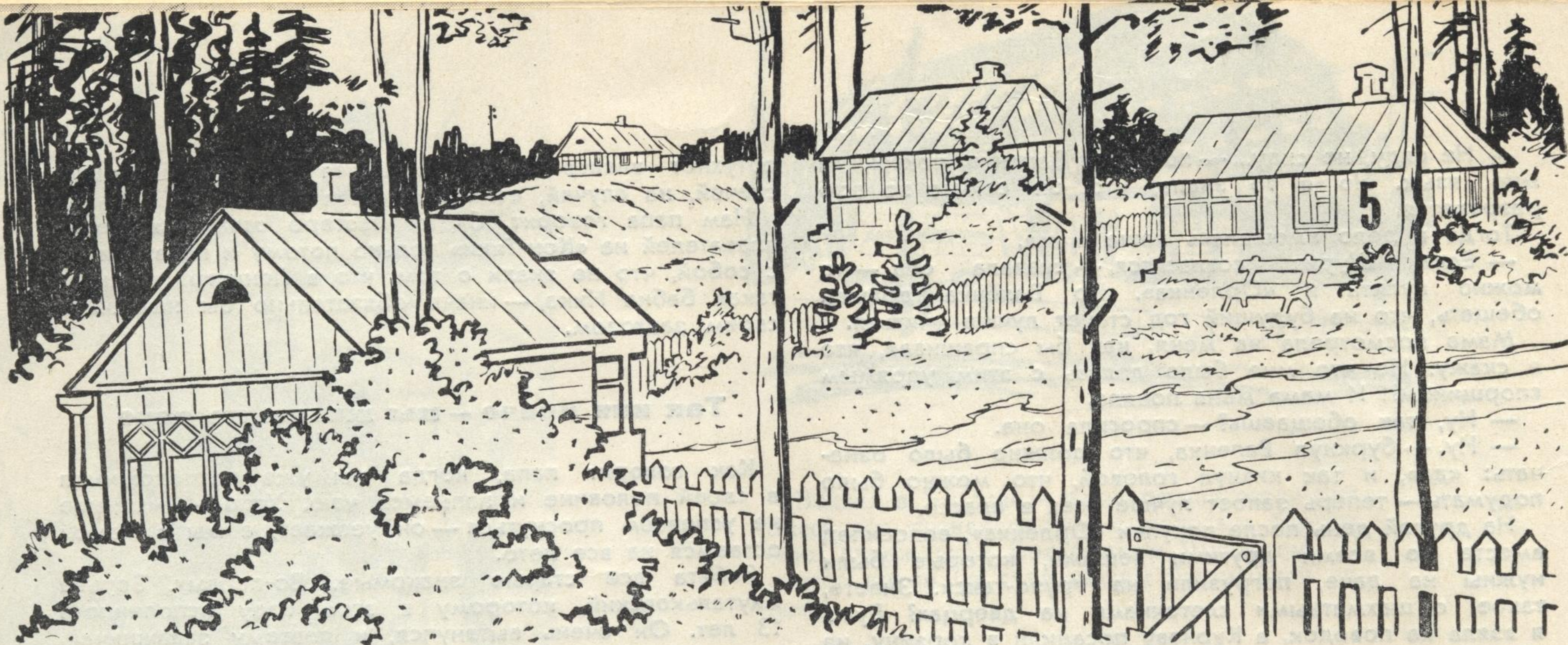
Наконец во дворе появлялся заспанный Люся с полосатой простыней на плече. Медленно, как только мог, он приближался к умывальнику и потом долго стоял возле него, почесываясь.

— Люсик, ты моешься? — кричала из дома мама.

— Люсинька, мама ждет, — мойся скорее! — помогала ей бабушка.

После завтрака Люсик забирался в глубину дачного двора за сарай и, встав на свои круглые колени, пускал по луже голубую пластмассовую лодочку. При этом он так сильно дул на воду, что было страшно, как бы Люсик не лопнул. Но долго ему сидеть у лужи не давали. Скоро на ступеньках опять появлялась его мама.

— Люсик, я готова. Идем гулять, — звала она. — Люси-и-к, ты слышишь?

В окне показывалась бабушка.

— Лю-у-сик, мама говорит, что ждет тебя, — переводила она.

Днем мама и бабушка кормили Люсика на веранде. Мы всегда знали, что у них на обед. Потому что или мама громко требовала, чтобы Люсик доел борщ, или бабушка упрашивала послушаться маму и съесть творожники. Люсик сперва мычал и не соглашался, а потом начинал реветь.

Но самое главное начиналось вечером, когда Люсика отправляли спать. Люсик должен был ложиться в девять часов. Люсина мама говорила, что иначе он нарушит режим и не поправится. Хотя куда было Люсику еще поправляться? Его и так вполне хватило бы на трех мальчиков.

Сперва Люсика уговаривали идти спать по-хорошему. Люсик не шел. Потом бабушка почти плакала, усовещая его. Но и это не действовало на толстяка. Он не двигался с места. Тогда мама Люсика начинала грозить ему всякими наказаниями, какие только можно было придумать. Она даже обещала сдать его в какую-то «колонию». Но Люсик, видно, этой колонии не очень-то пугался, потому что по-прежнему стоял у забора и плевал через него на улицу.

— Люсик, ты станешь когда-нибудь человеком? — выходила из себя его мама.

— Не собираюсь, — бурчал Люсик.

Заканчивалось все тем, что мама спускалась во двор и, поймав Люсика, волокла его в дом. Люсик упирался, старался зацепиться то за забор, то за дерево, а однажды нарочно свалил умывальник.

После криков мамы, жалобных упрасиваний бабушки и долгого вечернего воя на желтой даче наконец становилось тихо и все соседи облегченно вздыхали: Люсик спал.

Мы и Люся

Все это происходило как раз в тот час, когда нужно было идти спать и нам с Валенкой. Раньше мы под разными причинами, хоть минуток на десять, а оттянем время, когда следует лечь в постель, а теперь чуть что мама говорит:

— Неужели вы хотите быть похожими на Люсика?

Вообще все стало трудней. Начнет, например, Валенка за завтраком дуть губы и отворачиваться от геркулесовой каши, — мама обязательно скажет:

— Посмотри на себя в зеркало. Ну совсем — Люсик.

Только донесется из желтой дачи рев, — мама говорит:

— Очень похоже на вас, очень.

Спать нам теперь приходилось идти, как только нас крикнут с улицы. Есть, хоть давишься, а нужно было всё. Нельзя же, в самом деле, хоть чем-то походить на этого толстяка. А тут еще приехал папа, послушал, как за забором мама и бабушка уговаривали Люсика, посмеялся и сказал:

— Ну, абсолютная карикатура на нашего Валенку. Как похоже!..

Валенка надулся.

— Ничего совершенно похожего нет.

В конце концов Валенке все это надоело, и он сказал мне, что примет против Люсика меры. Однажды, когда толстяк из желтой дачи пускал за сараем свою лодочку, Валенка подошел к забору, подтянулся на нем и крикнул:

— Эй, иди сюда!

Люсик поднял голову:

— Что тебе, мальчик?

— Я не мальчик, а Валенка или Валена. Иди сюда. Есть дело.

Соседский толстяк поднялся на ноги и неуверенно пошел к забору. В руках он держал свою лодочку.

— Тебя как зовут? — спросил Валенка.

— Люсик.

— А по-настоящему? Это девчонское имя.

Люсик пожал плечами.

— Это они меня так называли.

— Кто?

— Мама и бабушка.

— А ты не откликайся. Тебя как по-взрослому?

— Леонид.

— Вот ты и скажи, что ты Леонид. В крайнем — Ленья. И никаких Люсиков нет. Это у тебя что?

— Лодочка.

— Дай-ка сюда... Не лодочка, а шлюпка. К ней надо парус сделать или подвесной моторчик, и пускать не тут, а в запруде возле плотины. Хорошо бы в нее еще белую крысу посадить.

— А у тебя есть крысы?

— Нет. В Ленинграде была одна, да я ее на цейлонскую марку выменял. Перелезай к нам. Мы шалаш для партизанского штаба строим.

Но Люсик через забор лезть не стал, а обошел кругом через две калитки.

На следующий день был дождь. Люсик принес маленькие блестящие карты в коробочке и показал всем, как раскладывается пасьянс, которому научился от своей бабушки. Но пасьянс было раскладывать несколько не интересно, и Борька Скутальковский сказал, что уж если никто не умеет играть в шахматы,

то лучше поиграть в «дурака» или забить «козла» в домино. К Люсику он отнесся с большим презрением и заявил, что мы вообще зря позвали его к себе в компанию. Но воображать перед Люсиком Борьке долго не пришлось. Вскоре Люсик, который отнес домой бабушкины карты, вернулся с шахматами и два раза подряд обставил Борьку. Третью партию Борька не доиграл. Он смешал фигуры и заявил, что поддавался нарочно и играть не хочет. Но никто ему не поверил, и он ушел, заложив руки в карманы, а Нолька свистел ему вслед. Тут мы все увидели, что этот Люсик не такой уж никудышный мальчишка.

Он стал ходить к нам каждый день и играл с нами в «Партизаны и фашисты». Он всегда был у нас эсэсовским генералом, которому связывали руки, а потом допрашивали его в шалаше. Люсик хотел быть партизаном или разведчиком, но Валенка и Нолька сказали, что таких толстых партизан не бывает.

Но не думайте, что с тех пор, как Люсик начал играть с нами, о нем стали меньше заботиться его мама и бабушка. Каждые десять минут со стороны соседской дачи слышалось:

— Люсик, ты где? Что вы там делаете?

Только уйдет Люсиная мама, — на крылечке веранды появлялась его бабушка с ложкой и кастрюлькой в руках:

— Люсик, мама волнуется, — визгливо сообщала она. — Чем вы там заняты? Лю-си-и-к, почему ты не откликаешься?

— Он не может! Он военный преступник. Его сейчас будут расстреливать, — кричали ей ребята.

Люсиная бабушка, наверно, не слышала, что ей отвечали.

— Только осторожно, — предупреждала она и опять уходила на дачу. Но вскоре за забором появлялась мама Люсика и звала:

— Лю-си-и-к, Лю-сик, где ты там? Пора молоко пить, Люси-и-к!

Теперь мы уже знали, что больше от него не отстанут. Валенка и Нолька поскорей расстреливали Люсика, и он уходил домой.

Однажды Люсик играл с нами и хотел залезть на дерево, где сидел и кричал Тарзаном Нолька. Но сук не выдержал веса Люсика и сломался. Люсик свалился на землю, больно ударился, да еще на лету ободрал себе до крови ногу. Правда, он не ревел, а только приложил к ране листок подорожника и перевязал ногу платком. Он не сразу ушел домой, а продолжал играть с нами, хотя больше уже никуда не лазил. Но зато, когда он вернулся на желтую дачу, и бабушка и мама узнали о том, что с Люсином случилось днем, — поднялась страшная паника. Бабушка вприпрыжку побежала в аптеку. Люсик выл так, что было слышно и на других улицах. Но плакал Люсик совсем не от боли. Он ревел от того, что о нем опять заботились. Люсик отказывался что-либо есть и пить и брыкался. Ему мерили температуру и клали компресс на ногу.

На другой день Люсику, хотя с ним ничего и не случилось, не разрешили играть с нами, и он опять пускал свою лодочку в луже.

Наши дела и заботы

Но вообще-то у нас и без толстого Люсика было столько всяких дел, что времени ни на что не хватало.

Мы еще спали, когда приходила молочница. Потом мама снимала с гвоздя сумку и уходила на рынок. Я все это видела, но глаза опять слипались, и я снова засыпала. А наш Валенка и вовсе не открывал глаз. Разбудить его вообще-то было не легче, чем заставить ложиться спать. Мама уже возвращалась с базара, когда мы просыпались.

Мы вставали и по очереди мылись. А нас уже ожидал завтрак.

Вы знаете, просто удивительно, как медленно тянулось время за завтраком и как оно незаметно летело потом. Не успеешь и в лапту набегаться — мама уже зовет обедать. И всегда почему-то этот обед наступает тогда, когда так не хочется уходить с улицы. А тут еще иди мыть руки, а то и лицо.

Обедаем мы с Валенкой так быстро, будто у нас сейчас поезд уйдет, и не спорим, едим, что дадут.

И опять всю пошла игра. До того набегаясь, — ноги не ходят. Тут мне вдруг захочется покататься на велосипеде. И, странное дело, — так наш «Орленок» неделю стоит и скучает. А стоит лишь мне к нему притронуться, — обязательно и Валенке тут же приходит желание кататься, и он, не долго думая, уже хватается за руль. Ну и я, конечно, не уступаю.

— Чур, я первая!

— Ну да, еще чего?!

Я первый взял!

— Нет, я первая!

— Пуст!

— Не пуш!

В дверях появляется мама.

— Что у вас такое? Перестаньте сейчас же!

— Да, а что он... — не сдаюсь я.

— А что она... — босит Валенка.

Мама не на шутку сердится. Валенка готов меня прямо съесть. Но только я решаю уступить Валенкиному упрямству, как Валенка тоже бросает велосипед, и «Орленок» с грохотом и звоном падает на пол.

— Ну и катайся! Мне не очень-то и хотелось, — заявляет Валенка и удаляется с веранды.

— Катайся сам! — кричу я вслед. Кататься почему-то уже не хочется. А тут уже наступает время, когда нужно ужинать и пить чай. И как раз в эти минуты бывает так хорошо на нашей территории. Солнце, огром-

ное, красно-золотое, проглядывает сквозь стволы сосен. Ветер стихает, а тени делаются такими длинными — нельзя и поверить, что это твоя тень. Все вокруг становится оранжевым, а стекла веранды горят таким ярким пламенем, что кажется, за ними пожар. И совсем не верится, что уже настало десять часов. Но тут-то и требуют, чтобы ты ложился спать. К этому времени мама и бабушка Люсика открывали свое и Люсик тоже утих. Приходит время ложиться и нам, а тут только бы и почитать! Ночи светлые, можно и не зажигать электричества.

Валенка вдруг становится таким тихим, будто его вовсе тут нет. Возьмет книгу, уткнется в нее и усядется где-нибудь в уголке веранды. Но маму не проведешь.

— Валенчик, спать, — говорит она.

— Ну, чуточку, почитать, мамик... — жалобно упрашивает Валенка.

— Пора, — требует мама. — Читать надо было раньше.

Валенка вздыхает и идет к своей постели. Но он только хитрит, прячет книгу под подушку, и потом даже пытается читать под простыней. Но все его хитрости давно известны. Мама подходит к кровати и отбирает у него книжку.

— Все ясно, прекратите ваши фокусы, дорогой товарищ, — говорит она.

Делать нечего. Валенка опять вздыхает и, натянув простыню до глаз, отворачивается к стене.

С чего все началось

Мы уже давным давно жили на даче и очень к ней привыкли: казалось, и не было никакой Петроградской стороны и нашего темного двора-колодца. Бум чувствовал себя прекрасно. К вечеру он так уставал от всех своих дневных дел, что, вытянув ноги и высунув язык, как убитый, валился на пол веранды и даже не стучал хвостом, когда я проходила мимо. Курнава тоже была довольна дачей. словно в африканских джунглях, она лазила по деревьям и гонялась за птицами. Что касается нас с Валенкой, так тут и спрашивать нечего... В общем, всем очень даже хорошо жилось.

А потом все вдруг переменялось.

Однажды вечером почтальон на велосипеде привез телеграмму. Мама раскрыла ее, прочитала и говорит:

— Это от папы. Мне нужно срочно ехать в город. Меня вызывают в комитет женщин.

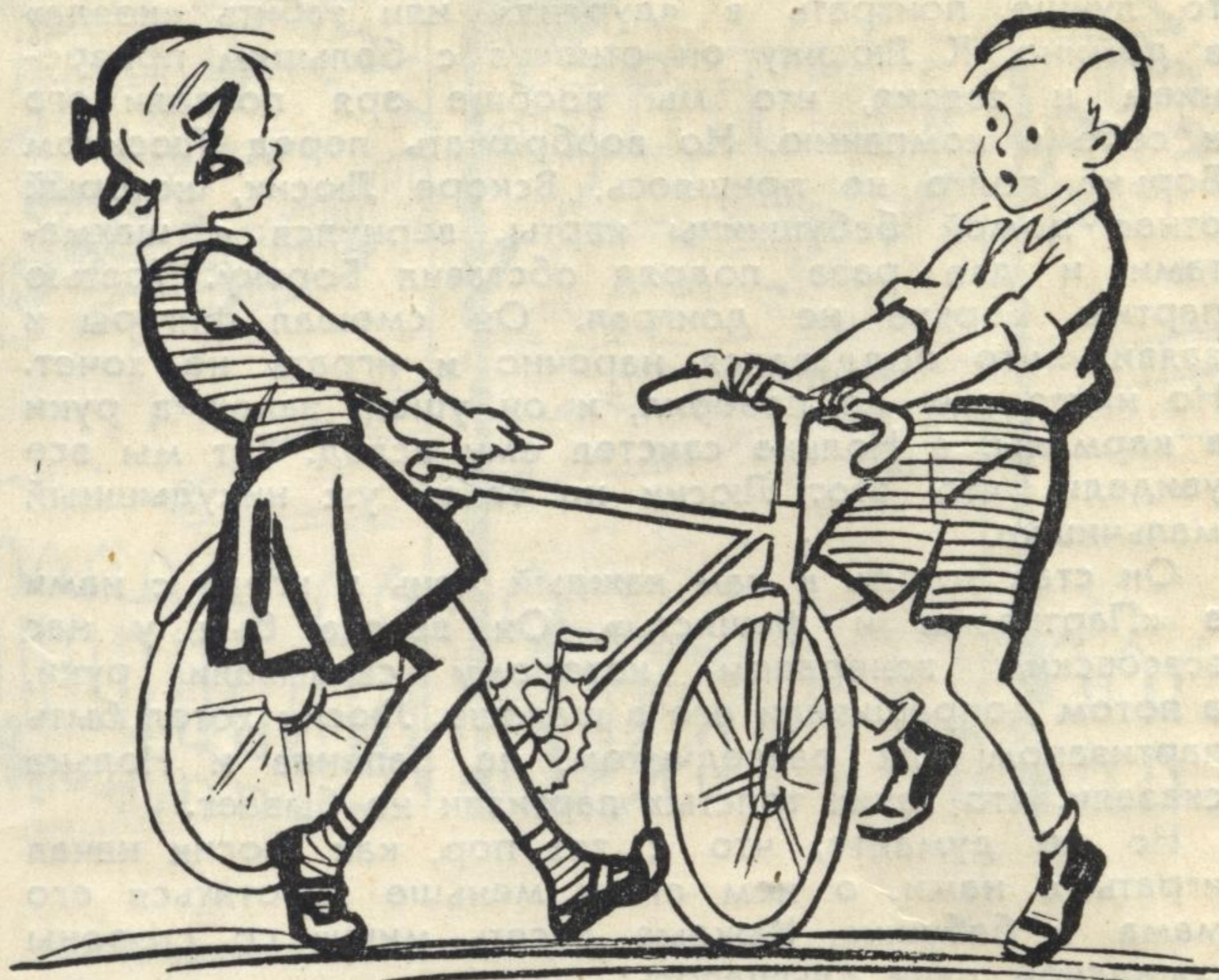
Дело все в том, что, хотя наша мама, с тех пор как появились мы с Валенкой, домохозяйка, но она была на войне, а теперь общественница и состоит в комитете борьбы за мир во всем мире. Маме часто присылают письма от других матерей из разных стран. Это очень на руку Валенке. Как придет какое-нибудь письмо, он сейчас же выключит у мамы конверт и сдирает с него марку. Всякими марками у него заклеена целая тетрадь. Есть даже одна африканская, и он ею так хвастает, что можно подумать — сам за ней в Африку ездил. Но мама хоть и называется общественницей, а на самом деле самая обыкновенная мама и ничем таким от других мам не отличается.

— Не знаю, что и делать, — говорит мама, — как вас одних оставить?

Я, конечно, молчу, потому что не люблю, когда мама уезжает, а Валенка, как всегда:

— Чего такого сверхъестественного? Если ненадолго — поезжай!

С вечера мама сварила суп, сделала котлеты и еще приготовила компот и рисовый пудинг. Бабу Нику попросила приглядеть за нами и, когда придет время, разогреть нам еду.

И вот мы, впервые в жизни, остались одни.

Валенка очень обрадовался такой свободе и сразу же заявил, что у него сегодня будет выходной от молока и чтобы я не воображала — он все равно слушаться меня не собирается.

Обедали мы в этот день, конечно, совсем не вовремя, потому что не хотелось уходить, пока не позовут обедать всех других ребят, а их звали в разное время. Позовут Борьку и Танечку, — Нолька и Чики останутся. Потом Чиков зовут, а Танечка уже вернется. Наконец пришла баба Ника и сказала, чтобы мы немедленно шли обедать или она расскажет маме, что мы за дети.

После обеда осталась грязная посуда. Я говорю Валенке:

— Давай вместе вымоем.

А он отвечает:

— Давай, лучше ты! Я не умею. Еще разобью.

И убежал, а я осталась. Мне стало обидно. Почему это пачкали вместе, а мыть я одна должна?! Но потом подумала: «Ладно уж, вымою, но попозже». Собрала все грязные тарелки, блюдечки и ложки, сложила их на кухонный стол и ушла играть с девочками.

Вечером, когда всех уже зазвали ужинать, мы с Валенкой вернулись и видим — наша посуда в кухне на столе прикрыта газетой. Подняла я газету, а посуда, как в сказке, по щучьему велению, вся вымыта и сухонько вытертая лежит.

— Здорово! — удивился Валенка. — Это ты, да?

Мне стало стыдно.

— Нет, — говорю, — это, кажется, баба Ника.

— Вот хорошо!

— Что же тут хорошего, когда чужая бабушка наши тарелки моет?

— А может, она их любит мыть?

— Ты думаешь?

Вечером явилась сама баба Ника и сказала, чтобы мы ложились спать, раз нашей мамы до сих пор нет. Баба Ника стояла до тех пор, пока мы не выпили по кружке молока и не стали раздеваться. Тогда она повернула выключатель, велела нам запереться и ушла. Валенка задвинул засов — и в постель.

Ну вот. Мы улеглись и читаем. Я свою книгу, Валенка — свою, конечно, про шпионов. Но долго нам читать не пришлось. Валенка так торопился узнать, скоро ли поймут диверсанта, что только и листал одну за другой страницы. Потом крикнул:

— Ага, попался, лазутчик!

— Не мешай, — сказала я.

Валенка немного полежал молча, потом говорит:

— Давай спать. Поздно.

Мне тоже хотелось уже спать, и мы загасили свет. В это время на улице зашумели деревья, и дождь забарабанил в окна нашей комнаты.

— Где же наша мама? — вздохнула я.

Валенка ничего не ответил. Он помолчал и спросил:

— Шурик, ты бы побоялась встретиться один на один с диверсантом?

— А какой он?

— Какой?! — Валенка тихо свистнул. — Каким хочешь прикинется. Может дядькой в шляпе, на вид, как артист. А захочет, бороду седую наклеит — будто старик.

— А как же его узнать?

— А никак не узнаешь. Только бдительный разведчик догадаться может, а ты никак. Вот будет рядом с тобой по улице ходить. В карманах револьвер и ампулы всякие, а ты никак не узнаешь. Прикинется добреньким, возьмет тебя за руку и заведет в катакомбы.

— В какие катакомбы?

— Обыкновенные. Диверсанты всегда с жертвами в катакомбах расправляются. Заведет и выстрелит из бесшумного пистолета.

Мне стало страшно.

— Валерка, — говорю, — а тут близко нет диверсантов?

— Откуда я знаю? Их всюду могут сбросить. Вот наступает ночь, они и спускаются с парашютом на землю. Потом закопает рацию и пойдет в населенный пункт «Н».

— В «Н»? А может и к нам сюда?

— Еще как. Особенно в плохую погоду. Диверсанты всегда в ветер, в дождь действуют.

— Ой, Валеночка, а если он у нас на территории приземлится?

— Сейчас вполне может. Потом придет, постучит и попросит побыть до утра.

— Я ни за что не пущу! Не говори мне больше ничего. Я спать не буду.

Валенка захохотал:

— А ты будь бдительна! С диверсантами нужно так держаться. Сделать вид, что ты ничего не заметил, а самому сразу в милицию.

— А если он тебя из бесшумного?

— Нужно разгадать и перехитрить врага. Прозеваешь и получишь нож в спину.

И тут мы услышали на улице чьи-то шаги.

Я вся затряслась.

— Валенка, слышишь?

— Слышу, — шепчет он.

— Зажги скорей свет!

— Зачем?

— Зажигай, а то я кричать буду!

Он вскочил и зажег свет. Шаги сразу стихли.

Мы опять загасили свет. Дождь за окном не утихал. Где-то у потолка запел свою тоненькую песню комар.

— Валенка, ты не спишь?

— Сплю.

— Не спи.

Я повернулась к стене. И вдруг я услышала, как скрипнула калитка и кто-то стал пробираться к нашему домику, потом взошел на крыльцо. Нет, это были не мамыны шаги. Те легкие, чуть слышные, а эти... И вдруг кто-то постучал в двери нашей половины. Я чуть не умерла со страха и села на кровати. Сквозь темноту вижу — напротив уже сидит Валенка и не мигая на меня смотрит.

— Валенка, слышишь? — шепчу я.

— Что?

— Стучали.

— Тебе показалось, — говорит он, а сам заикается. В это время застучали погромче. Проснулся и залаял Бум. Он всегда лает, если кто-нибудь дома. Хочет показать себя сторожем. А когда остается один — забирается под кровать и тихонечко там лежит, будто его и нет.

— Давай бабу Нику разбудим, — говорю я.

— Оружия нет, лучше молчать, — говорит Валенка. — Пусть думают, что здесь одна собака живет. — А у самого зуб на зуб не попадает.

Тут в двери застучали еще сильнее.

Тогда мы взяли и вместе крикнули:

— Кто там?

И вдруг такой знакомый голос:

— Это я, Шурик. Открой!

— Ой, папочка!

А Валенка сразу к двери.

— Я так и знал, что это ты. А она боялась, — думала, диверсанты.

— Какие диверсанты? — удивился папа.

И входит в комнату мокрый, в плаще с капюшоном, с портфелем и пишущей машинкой.

Один день без мамы

Утром, словно и не было дождливой ночи, снова светило солнце. Как только мы проснулись, папа провел совещание.

— Вот что, товарищи... дети, — сказал он. — Вы уже, надеюсь, вполне понятливые и самостоятельные люди?

Валенка кивнул.

— Мама наша уехала, — заявил папа.
 — Как так — уехала, куда?!
 — Спокойствие, — поднял руку папа. — Она уехала за границу, в Польшу, с делегацией женщин. Вы должны только гордиться, какая у нас мама.
 — Надолго? — спрашиваю я.
 — В Польшу, если на ТУ-104, так ерунда — три часа. В один день можно туда и назад слетать, — говорит Валенка.
 — Они ушли на пароходе — сказал папа. — Но всего на десять дней. Мама боялась вас одних оставить. Но я уговорил ее, сказал, что мы отлично справимся сами. Как по-твоему, Шурик, я правильно поступил?

— Правильно, — говорю я. А сама думаю: «Ой, как же это мы целые десять дней будем жить без мамы?!» Но тут папа меня успокоил.

— Видите, — говорит он. — Я привез машинку. Отпросился из института и взял работу сюда. Так, стало быть, справимся мы втроем? — и тут же сам ответил: — Безусловно... Ну, а теперь — с места за дело! Где тут у вас умываются?

Папа снял очки, и я повела его к умывальнику.

— Ага, прекрасно! — Но только он засучил рукава, намылил руки, как вода кончилась. Напрасно папа гремел носиком умывальника — оттуда перестало и капать. Я побежала к ведру: и оно оказалось пустым. Пришлось вылить остатки воды из чайника, чтобы папа смыл с рук пену.

— Где у вас тут берут воду? — спросил он.

— У водников. Мама оттуда носит.

— Ага, у водников. Понятно.

— Ты не думай. Это так детский сад называется. Хочешь, покажу?

Папа взял ведро, и мы пошли в сад водников за водой.

— Отличное утро, — сказал папа, когда мы вышли за калитку.

Утро и вправду было хорошее, свежее. Сквозь верхушки сосен проглядывало такое чистое небо, словно оно умылось дождем и выпало. Капельки на траве искрились маленькими бриллиантиками, а чуть пройдешь по ней, сандалии от росы становились черными.

— Все-таки далеко маме ходить за водой, — решил папа, когда мы возвращались.

Мылся он долго, как в городе. Фыркал и лил воду на затылок, шею и руки.

— Ну, — сказал папа, вытираясь, — поскольку наше утреннее совещание прошло в атмосфере полного взаимопонимания, теперь необходимо дружно приготовить завтрак... Напиться молока, что ли... Есть у нас молоко?

— Есть, есть! Нам молочница приносит, — закричали мы вместе.

— Прекрасно, — сказал папа. — На воздухе нужно пить молоко. Это старая врачебная истина.

Я отыскала кастрюлю с молоком. Папа нарезал хлеба. Вынули вчерашние, оставленные мамой, холодные котлеты.

— Чудесный завтрак, не правда ли? — спросил папа.

— Ага, главное, нету каши, — кивнул Валенка. — Но тут он отхлебнул молока из кружки и скривил страшную рожу. Молоко оказалось кислым. Я вспомнила, что мама не успела его вчера вскипятить.

— М-да, чуть кисловато, — согласился папа. — Как говорят в таких случаях ученые, начался процесс. Ну что же, есть выход. Из этого молока, по теории, должна получиться превосходная простокваша, и мы

уничтожим ее вечером. Поставим эти кружечки на солнце... Вот так, а сейчас займемся чаем. Тоже древний китайский напиток. Где чайник?

Я сбегала и притащила чайник.

— Наполним его, — сказал папа. Но оказалось, что воды в ведре уже нет. Это папа и Валенка вылили ее всю на себя, когда мылись. Папа взял ведро и, ни слова не говоря, опять отправился в детский сад к водникам.

Он наполнил чайник водой и хотел включить плитку, но мы объяснили, что электричество на даче с шести часов.

Папа пожал плечами и стал разжигать керогаз. Но как разжигается керогаз, папа не знал.

— Вот странно — сказал он. — С этими системами мне никогда не приходилось иметь дела. Вы не знаете, где инструкция?

Но где инструкция, мы не знали. Тогда в дело вмешался Валенка. Но у Валенки ничего не получалось. Я, конечно, сто раз видела, как мама разжигала керогаз, и решила помочь. Мы все трое

перемазались в саже и запахло керосином, а противный керогаз все не разжигался и лишь копил черным, вонючим дымом, от которого Валенка беспрерывно чихал и гасил пламя.

— Вот если бы это был двигатель внутреннего сгорания или электропечь, я бы знал, в чем тут загвоздка, а так... Но, вероятно, он испортился, — печально заключил папа, в десятый раз со всех сторон осматривая керогаз.

— Давайте позовем бабу Нику, — посоветовала я.

— При чем тут баба Ника? Тут не твоя баба Ника, а механик нужен, — сказал папа. Но бабу Нику он все-таки позвал. Папа хотел убедиться, что керогаз действительно сломался.

Баба Ника подняла керогаз, покачала его и сказала:

— Керосину мало, вот и не горит!

— Вы думаете? — удивился папа. — Все может быть. А ну, Шурик, есть у нас керосин?

— Есть! — крикнул Валенка и, опережая меня, кинулся в переднюю, где у нас стояла керосиновая банка, но вдруг застыл на месте, как статуя в парке. Он вспомнил, что вчера был четверг, и ему следовало сходить за керосином, а он и не подумал этого сделать.

— У нас керосин весь, — пробормотал Валенка.

— Ладно, я вам одолжу, — жалеючи вздохнула баба Ника.

Когда вода вскипела, папа крепко-накрепко заварил чай, высыпав в чайник чуть ли не полпачки. Мы все уселись за стол, и тут выяснилось, что пить чай не из чего, так как во все кружки и чашки, какие были у нас, мы разлили молоко, чтобы из него вышла простокваша. Пришлось опять пойти к бабе Нике и принести от нее посуду.

Часам к двенадцати мы все-таки напились чаю, и тогда папа сказал:

— Теперь следует заранее подумать и об обеде. Что бы нам такое приготовить на обед?

— Суп, — сказала я.

— Да, конечно, но какой?

— С мясом, — сказал Валенка.

— Понятно, — кивнул папа. — Значит, нужно мясо. Ну, а на второе?

— Котлеты! — говорю я.

— Мясные, — кричит Валенка. — Есть мясорубка.

— Предположим. Значит, опять-таки требуется мясо.

Нужно пойти и купить его. Ты что-нибудь понимаешь в мясе, Шурик?

— Мама ходила за мясом на базар.

— Вот и мы пойдем. Где сумка?

Я отыскала мамину базарную сумку, и мы пошли.

— Ничего, Валенку мы тоже заставим вносить свою лепту. Кто не работает — тот не ест, — сказал папа. — А вы как, Шурик, много помогали маме?

Я стала вспоминать, как мы помогали маме, и подумала, что мы не очень-то ей помогали. Иногда я ходила за хлебом, а Валенка за керосином. Но мама не особенно и требовала, чтобы мы ей помогали. Она только заставляла нас побольше есть и пить молоко. Вот и все.

— Это не по-товарищески, — сказал папа. — Теперь мы заведем другие порядки. — Он взглянул на часы. — Скажи, Шурик, а на базаре сейчас не перерыв?

— На базаре перерыва не бывает.

— Хотя да, тем лучше. Минуточку, Шурик! Необходимо знать, что творится на свете.

На стене клуба папа увидел газету, запертую в ящик с сеткой, как у крольчатника, устремился к нему и впился в нее глазами.

— Смотри, пожалуйста! — радостно вскричал он, разглядывая первую страницу. — Давно ли начали строить эту гигантину? Ты помнишь, ну каких-нибудь лет шесть назад? И вот она уже дала ток в Москву. Здорово, верно?

Я кивнула, хотя шесть лет назад мне было четыре года и мы с Валенкой еще и в детский сад не ходили.

Папа читал, чему-то посмеивался и медленно, как улитка, двигался вдоль газеты, а я все жарилась на солнце.

Я была уже готова заплакать от скуки, только крепилась. А папа вдруг принялся оглядывать всю газету сверху вниз. Наконец он заглянул в самый крайний угол ящика, пробурчал: «Так, понятно, «Зенит» опять продул», — и, взяв меня за руку, пошел прочь от газеты.

Мы купили картошки и еще три связки кореньев. Папа очень удивился, до чего дешевы коренья, и потому мы их купили сразу три связки.

— Теперь мяса, — сказал папа.

Мы пошли в магазин. Там, на прилавке, под стеклом лежало нарезанное кусками мясо, но почему-то никто из хозяек, которые были в магазине, его не брал.

— Что, неважное мясо? — спросил папа у одной старушки.

— Это не мясо. Это свинина, — ответила старушка.

— Понятно, — кивнул головой папа. Но, по-моему, он не очень-то понял, почему эта свинина — не мясо.

И вдруг папа воскликнул:

— Шурик, идея! Давай возьмем гуся. Смотри, какие симпатичные гуси и написано: «потрошенные». Купим гуся, соорудим рассольник, а на второе — гусь с картошкой... Чем плохо? Приличные ли гуси, дорогой товарищ? — спросил он у продавца.

— Выдающиеся гуси. Гуси первой категории, — отвечал он. — Вам покрупнее?

— Да так, нормального. Вы, как специалист, лучше разберетесь.

— Вот видный гусек, — продавец выхватил из кучи самого большого гуся, звонко похлопал его ладонью по пузу и, не дожидаясь папиного согласия, бросил на весы. — Всего-ничего... Без малого четыре килограммчика. — Он вынул из-за уха карандашик и стал считать, сколько нам нужно платить.

— М-да... — задумчиво промышал папа, но было уже поздно. Не мог же в самом деле он заставлять продавца вешать ему другого гуся. Папа отправился платить в кассу, и вскоре мы, с трудом затолкав гуся в сумку, двинулись к дому.

Дома я надела мамин прозрачный фартучек, а папа, наоборот, разделся до пояса, и мы стали готовить обед. Сперва мы решили начистить картошки. Пока мы ее чистили, папа рассказывал про то, как у них на войне был солдат, который замечательно чистил картошку. Потом он еще рассказал про кашевара, который варил для их роты такую удивительную пшеничную кашу, что казалось, будто она с мясом. Но когда мы посмотрели, что у нас выходит из чистки, то увидели: шелухи набрался полный таз, а картошки — едва кастрюлька.

— М-да, — покачал головой папа. — Потери великоваты. — Он, как редкий камень, со всех сторон оглядел очищенную им картофелину, от которой не осталось и половины. — Ничего. Зато качество отличное. В общем, нам хватит.

Мы покончили с картошкой и взялись за гуся. Мы выбрали самую большую кастрюлю, но гусь оказался слишком велик. Папа хотел затолкнуть гуся силой. Он вспотел и тяжело дышал, а гусь все равно не влезал в кастрюлю. Вдруг папа выпрямился и посмотрел на часы.

— Без двадцати три! Еще есть время! — Папа схватил веревочку и приложил к гусю, меряя его длину. Потом завязал узелок и воскликнул:

— Скорей за мной, Шурик!.. Мы еще успеем!

Тут он натянул рубашку и, застегиваясь на ходу, бросился на улицу. Я побежала за ним.

Встречные люди смотрели на нас во все глаза. Наверное, они думали, что мы что-нибудь стащили и теперь удираем.

Продолжение следует

Почетный
председатель клуба —
действительный
член Академии Наук СССР,
инженер-вице-адмирал
Ю. А. Шиманский

КАЮТ-КОМПАНИЯ. — Под теми же звездами. — У НАС
НА ПОЛУБАКЕ. — Морской словарь Кости Клотика. — Два
острова. — Азбука «Семафор».

ПОД ТЕМИ ЖЕ ЗВЕЗДАМИ

И. Бвятковский

Рисунки П. Лаврова

Представь себе: корабль направился из Ленинграда в Калькутту, а вместо этого попал в Нью-Йорк.

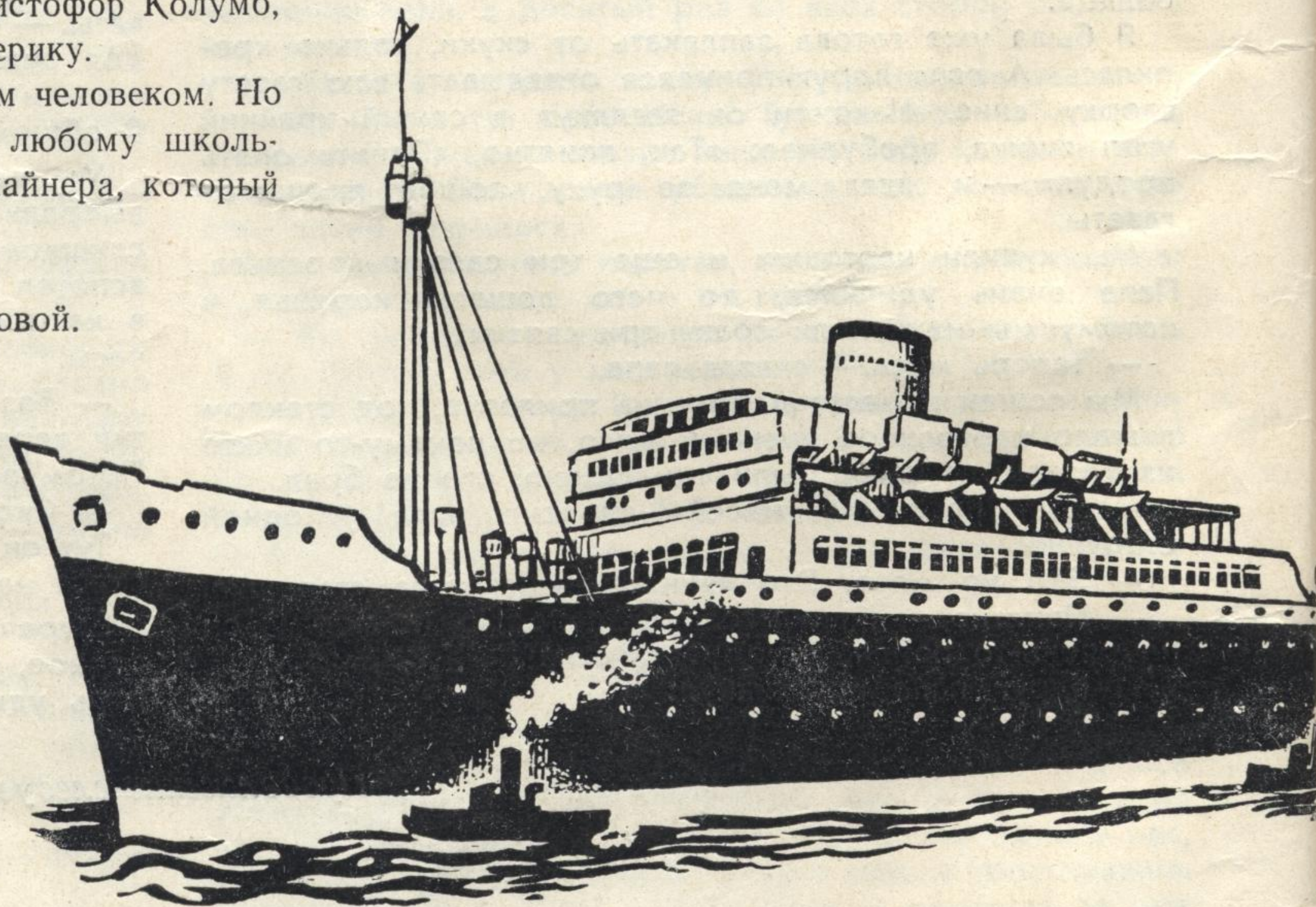
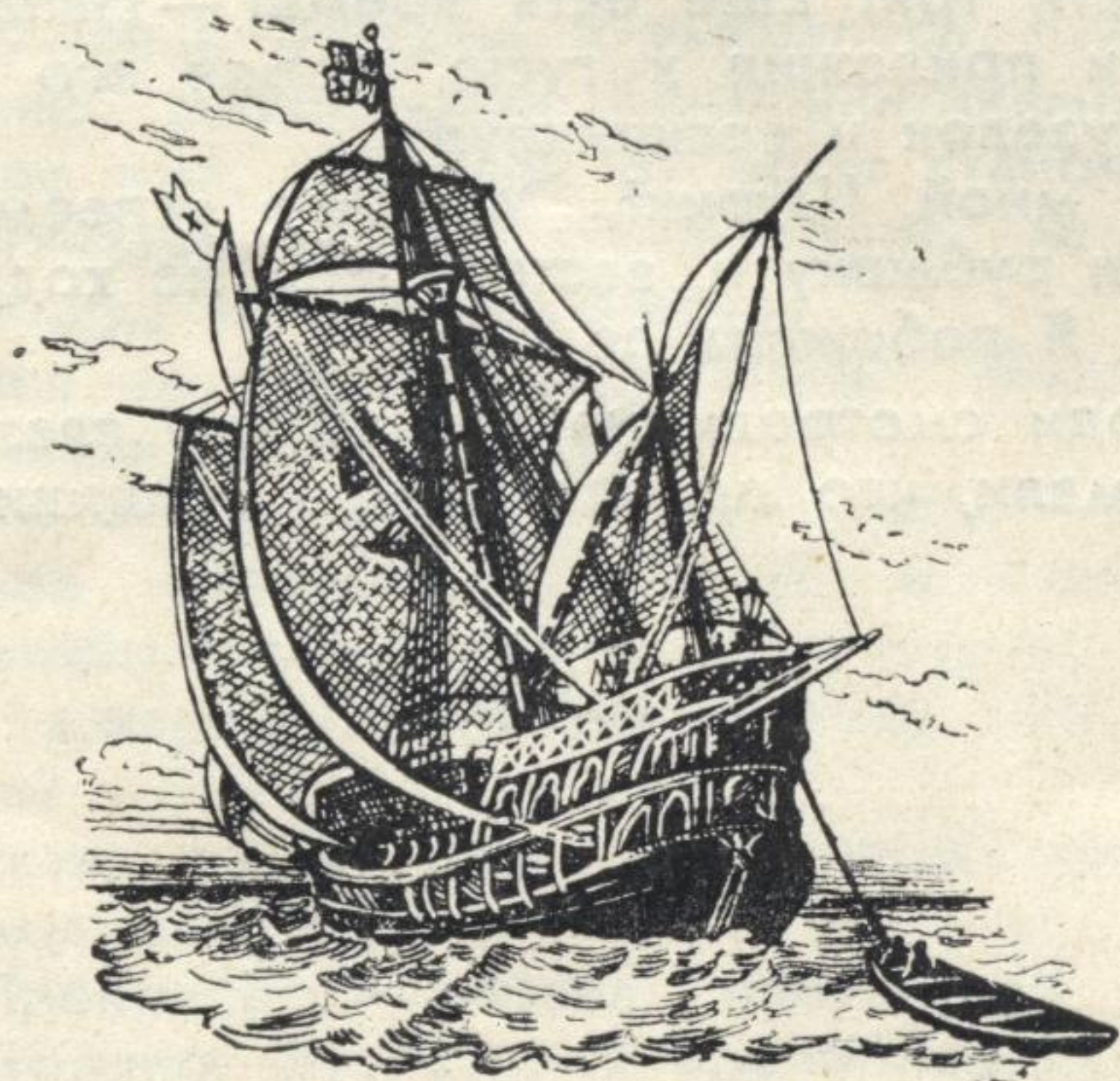
Кто поверит, что в наши дни возможна такая ошибка? А в конце XV века испанский мореплаватель Христофор Колумб, разыскивая морской путь в Индию, открыл Америку.

Для своего времени Колумб был образованным человеком. Но он не мог знать многого, что известно сейчас любому школьнику. И уж тем более штурману современного лайнера, который делает рейсы между Европой и Америкой.

Разные эпохи, разные корабли.

А океан все тот же. И те же звезды над головой.

Слушай.

Тонкие верхушки мачт гнулись, как тростинки. Порывы ветра туго надували паруса. Каравелла жалобно поскрипывала, раскачиваясь на океанской волне.

Моряки жадно смотрели вперед, стараясь обнаружить первые признаки при-

ближающейся земли: птиц, плавающие на поверхности воды стволы, ветви деревьев.

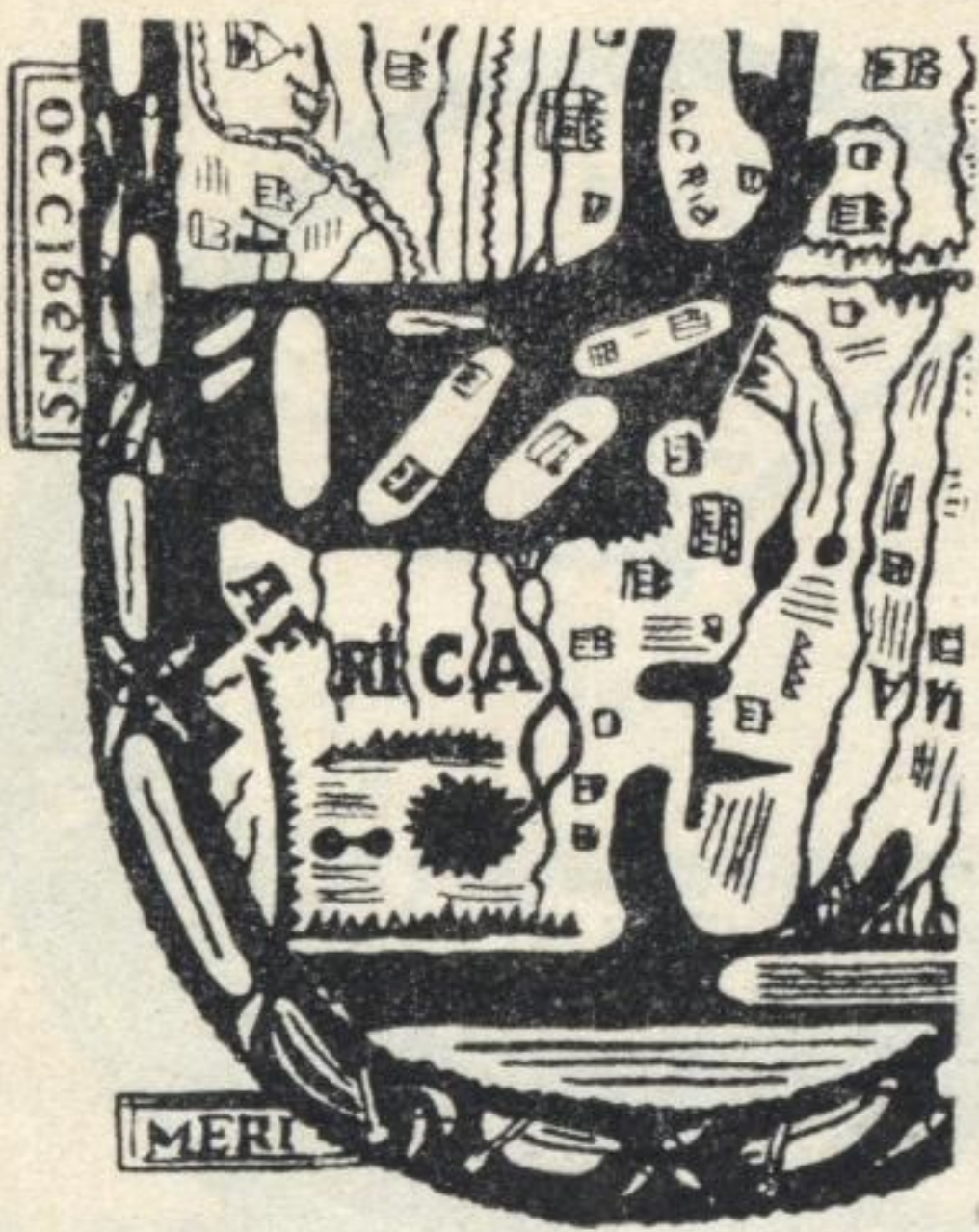
Какое расстояние прошла каравелла? Сколько еще предстоит пройти?

На эти вопросы Колумб не мог ответить.

Лайнер уходит в океан. Пенный бурун вскипает у его острого носа. Неутомимые чайки парят за кормой.

Штурманская рубка. Вокруг приборы. Им известно всё: скорость, расстояние, направление, глубина...

Ночь. Мягкий слабый свет падает на стол штурмана. Верхние плафоны выключены. Если человеку придется выйти из помещения, его глаза быстро освоятся с темнотой.

Примерно так выглядела морская карта XV—XVI веков.

Вы скажете: неужели это Атлантический океан? Сплошная фантастика!

Другой карты у Колумба не было.

Немного воды и гораздо больше суши — так представлял себе мореплаватель эту часть земли.

Современная морская карта мало похожа на свою древнюю предшественницу. Точная, подробная, она испещрена цифрами и знаками.

Спросит штурман у карты: какое дно — песчаное, илистое, каменистое? Нет ли мели? И карта ответит ему на языке условных обозначений.

От сухопутной морская карта тоже отличается. Меридианы и параллели нанесены на нее в виде прямых, взаимно перпендикулярных линий. Так удобнее прокладывать курс судна.

Когда капитану нужно было узнать скорость корабля, матрос бросал за борт лаг — деревянный треугольник, привязанный к длинному тросу — лаглиню.

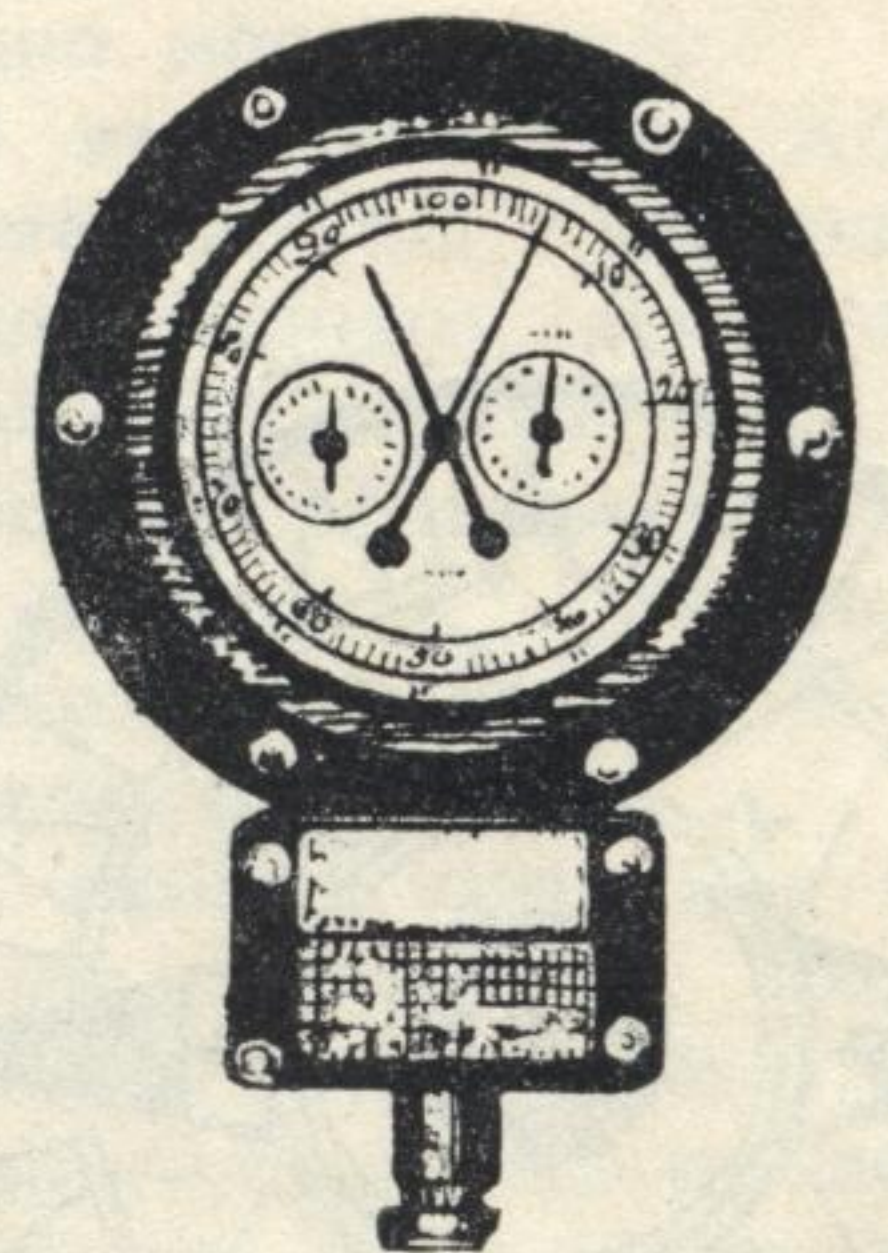
Лаг плавал вертикально и почти неподвижно, трос натягивался, и тогда его начинали травить.

— Раз, два, три... — считал матрос ввязанные в лаглинь узлы. Так продолжалось полминуты.

Расчет простой: сколько узлов — столько миль проходит судно в час.

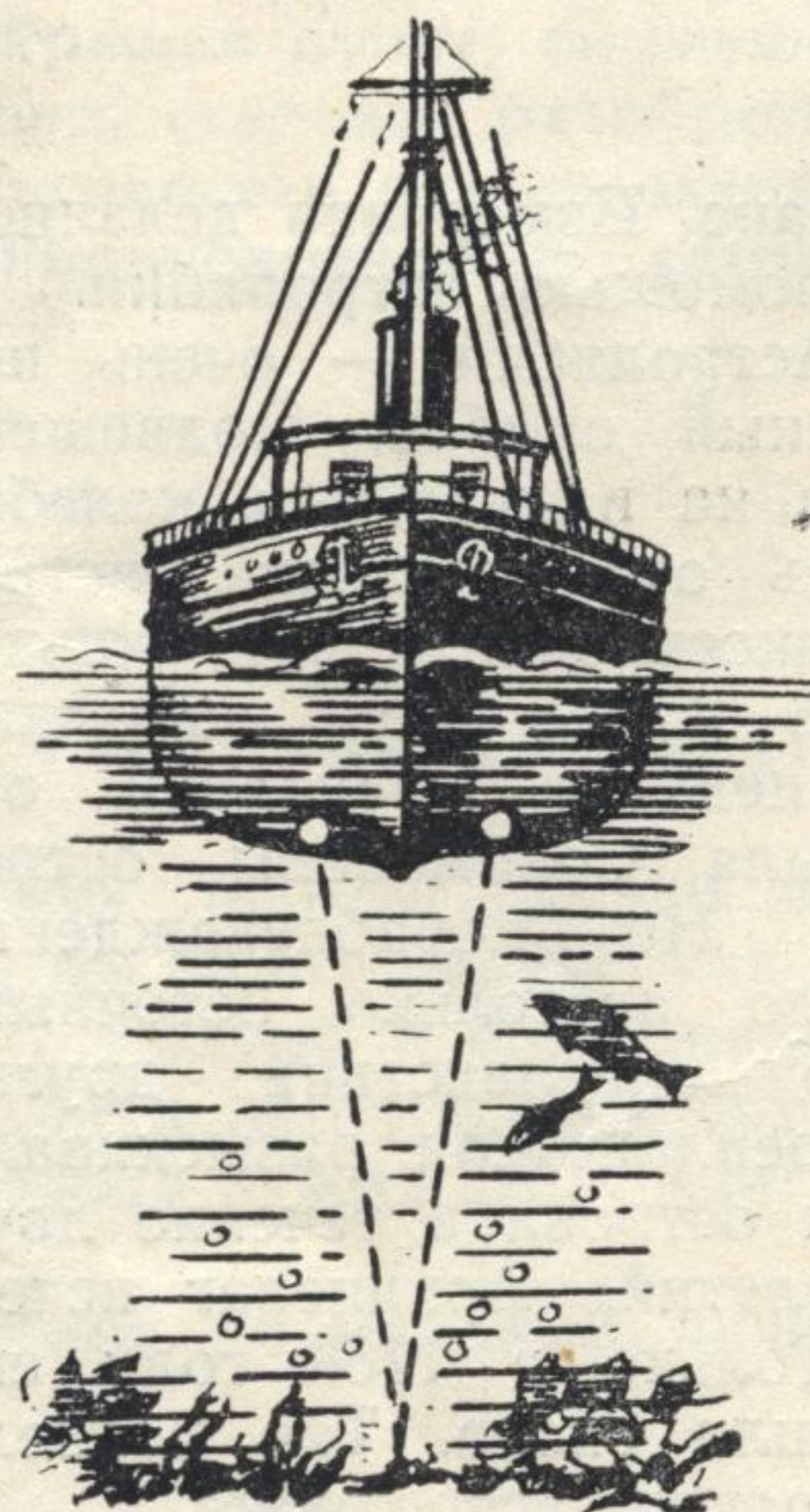
Над столом штурмана — прибор, указатель скорости. Стрелка колеблется у цифры 20. Двадцать узлов. Старинная единица измерения скорости сохранилась до наших дней. А способ ее определения совсем другой.

Современный лаг заставляет работать вода. Она вращает вертушку, выступающую за пределы днища или давит на мембрану манометра, установленную в носовой части судна. Давление воды на манометр и скорость вращения вертушки зависят от быстроты движения корабля.

Свинцовая гиря на длинном тросе — вот и все приспособление для измерения глубины.

Понятно, что такой лот был пригоден только для малых глубин.

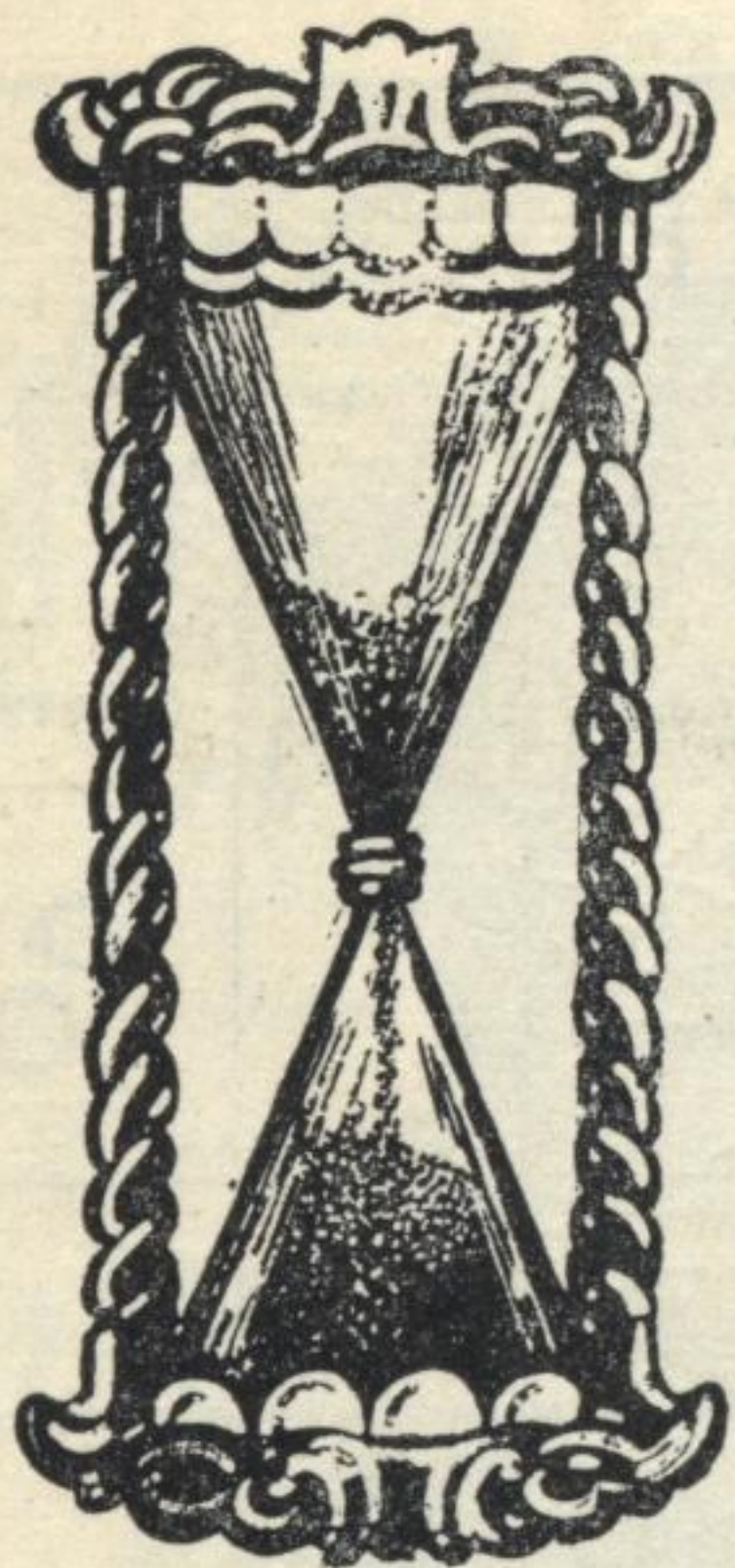

Тогда лот, теперь эхолот — прибор, который в любую минуту, в любой части океана быстро и точно определяет глубину. Об этом Колумб мог только мечтать.

Как же работает эхолот?

В днище судна врезаны два вибратора. Один излучает ультразвуковые колебания, другой улавливает эхо, пришедшее с морского дна. А приборы в штурманской рубке принимают сигналы.

Эхолот не только «слушает» глубину. Он может начертить рельеф того участка дна, над которым проходит лайнер.

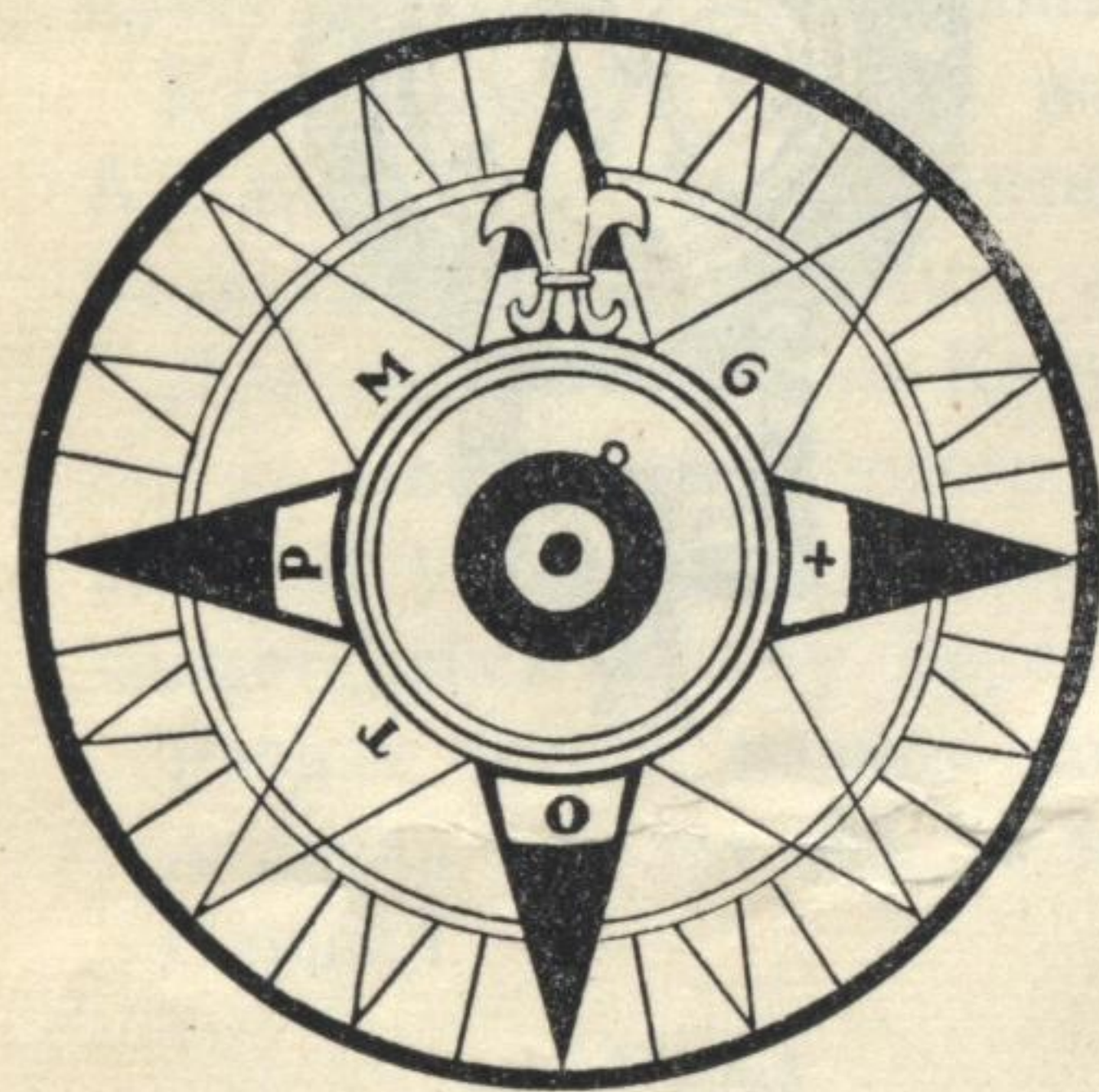
Который час?
На каравелле настоящих часов не было. Часовые ме-

ханизмы XV века не работали в условиях постоянной качки.

Мореплаватели могли отсчитывать только определенные промежутки времени с помощью песочных часов — склянок.

Медленно пересыпался песок из одной склянки в другую. Переворачивая часы, матрос ударял в колокол. По этому сигналу узнавали, когда заступать на вахту.

Мелодичный перезвон «склянок» и сейчас слышен на кораблях. Обычай «бить склянки» сохранился до наших дней.

Как определяли моряки, в какую сторону плыть? Им помогал старый друг мореплавателя — магнитный компас.

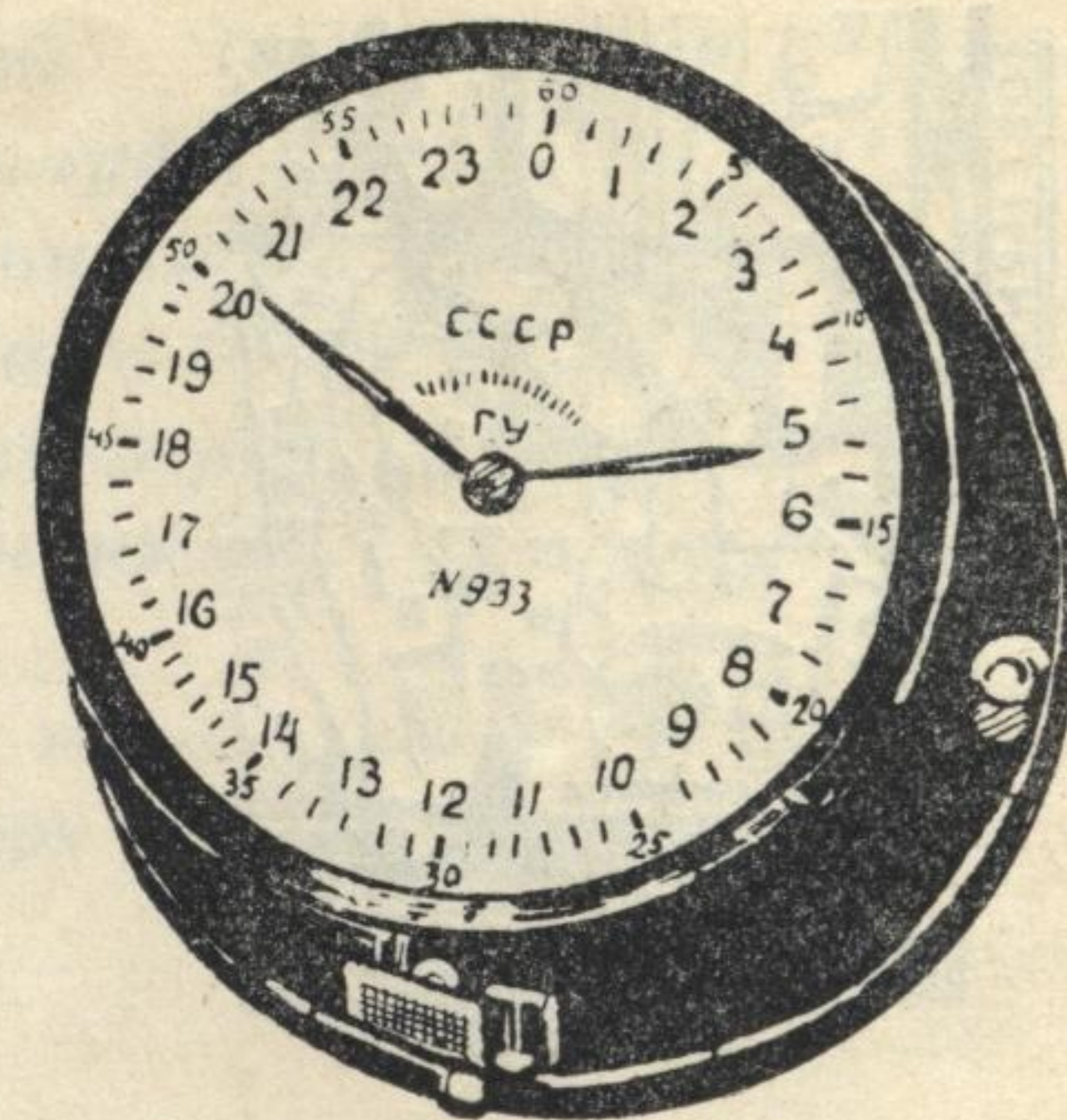
Во времена Колумба он имел вид круглой коробки. В ней был закреплен легкий бумажный кружок, так называемая картушка, с обозначением стран света.

Намагниченная игла указывала на север и удерживала картушку на месте, когда судно разворачивалось.

На каравеллах Колумба возили куски магнитного железняка, чтобы подмагничивать иглу, когда ее магнитная сила ослабевала.

Штурману нельзя без часов. С часами в руках он стоит на мостике и считает минуты, оставшиеся до поворота на новый курс. С часами производит астрономические наблюдения. Каждая отметка на карте, каждая запись в журнале делается с учетом времени.

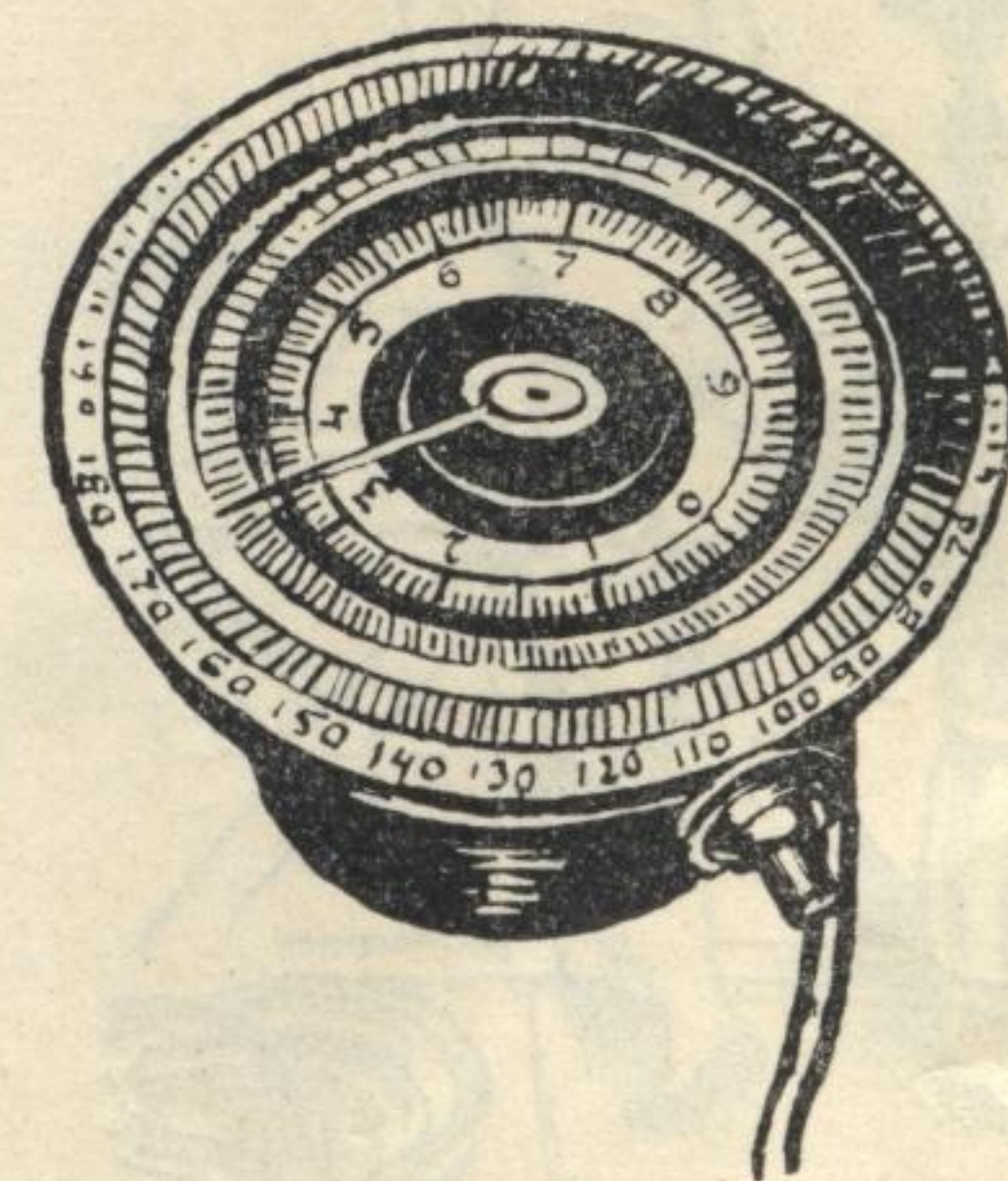
Корабельные часы не похожи на сухопутные. На их циферблате не двенадцать цифр, а двадцать четыре. Так удобнее нести службу.

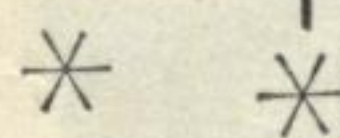
Стоит поднести к магнитному компасу небольшой кусок стали, например, связку ключей, и катушка сразу же отклоняется. Теперь не разберешь, где север, где юг.

Кроме магнитного компаса, на современном лайнере установлен еще один современный прибор.

В отдельном помещении, внутри корабля, находится гироскопический компас. Это хранитель курса. Он совершенно не зависит от состава материала, из которого построено судно. Показания гироскопического компаса повторяются не-

большими приборами — репитерами. Они установлены у рулевого, на капитанском мостике и в других местах.

Мореплаватели времен Колумба отлично знали звездное небо. Ведь только по высоте светил можно было приблизительно определить место каравеллы в

океане. Измерения делались с помощью астролябии.

Астролябия — очень неточный прибор. Подвешенная на палубе, она колебалась от дуновения ветра, прикосновения рук, качки.

В 1567 году испанская экспедиция Менданы открыла Соломоновы острова. Но кораблевождение было настолько неточным, что впоследствии другие мореплаватели разыскивали эти острова в течение двух столетий. Архипелаг исчез!

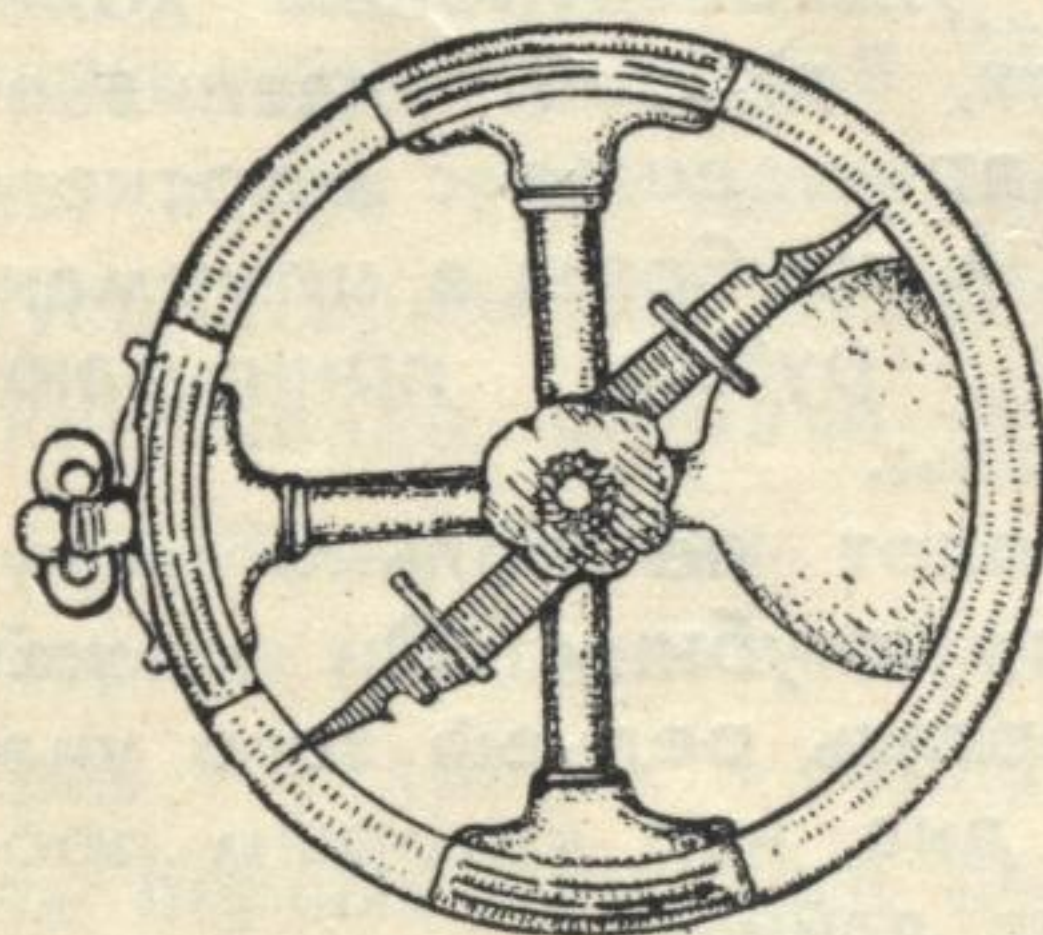
Только в 1768 году его нашли снова. Так подвела моряков астролябия.

То же небо, те же звезды. Но в руках у штурмана уже не астролябия, а секстан.

Этот прибор определяет место корабля в открытом море астрономическим путем.

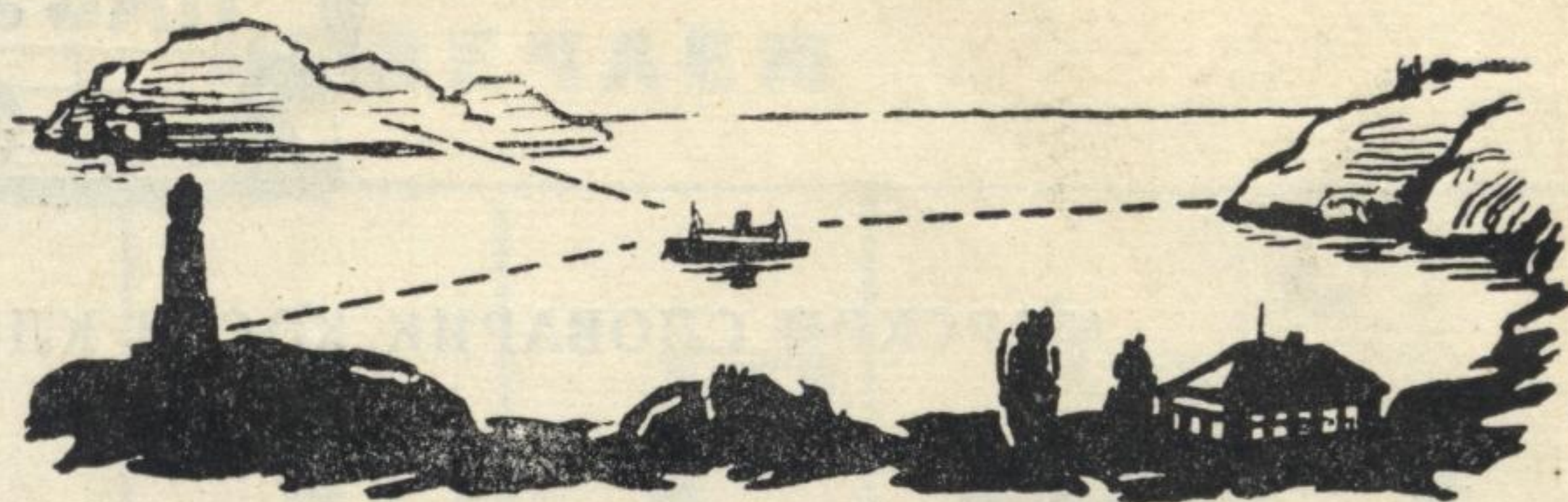
С секстаном архипелаг не потеряешь.

Жаль только, что все острова уже открыты!

**А на этой странице
рассказывается
о приборах, которых
во времена Колумба
не было**

Во времена Колумба компас служил только для указания курса, то есть направления движения судна. В наши дни с помощью компаса можно определить направление на любой предмет или, как говорят моряки, «взять пеленг».

так, что позволяет определить направление на маяк по громкости сигнала.

Штурман пеленгует маяки и делает прокладку на карте.

Так радио помогает определять место корабля в открытом море.

Туман — злейший враг мореплавателя. Он окутал лайнер такой плотной завесой, что с мостика не видно носа судна.

В этих условиях Колумб оказался бы совершенно беспомощным. Да что Колумб! В апреле 1918 года пароход «Титаник» налетел на айсберг и потерпел кораблекрушение. Виноват в этом был туман.

А лайнер спокойно пересекает Атлантику. Ему не страшен туман. На борту судна — одно из последних достижений современной техники — радиолокаторная станция.

Поворотом ручки включает ее штурман, и на мачте начинает вращаться небольшая антенна. Радиоволны пронизывают туман и, отражаясь от встречных кораблей, от берегов — возвращаются на станцию.

На экране возникают изображения окружающих судно предметов в виде световых пятен различного размера и формы.

Для этого на компасе устанавливается специальный пеленгатор.

Прищурив глаз, штурман поворачивает пеленгатор на компасе, наводит его на ориентир и через призму отсчитывает градусы по картушке компаса.

Курс и пеленг вычерчиваются на карте с помощью транспортира, линейки и простого карандаша. Эта работа штурмана называется прокладкой.

Курс проложен. Но идет ли судно по заданному направлению? Не отклоняется ли в сторону?

Чтоб проверить, надо определить свое место в

океане, иными словами, «определиться».

Наш штурман берет для этого три пеленга: маяк, мыс, остров.

Теперь эти пеленги надо начертить на карте. Тонкие карандашные линии пересекались и образовали треугольник.

Если каждая его сторона не более полумили, то место лайнера находится в центре.

Берега исчезли за горизонтом. Штурман надевает наушники и садится к особому приемнику — радиопеленгатору.

Вращая ручку, он слушает эфир, стараясь разобраться в «голосах» радиомаяков.

Радиопеленгатор устроен

✱ ✱ ✱

Сверкающий огнями лайнер приближается к берегам Америки. Плавание заканчивается.

Гигантское, построенное по последнему слову техники, судно могло бы принять к себе на борт каравеллу Колумба, и она стояла бы на его палубе, как большая шлюпка.

Но если представить себе, в каких условиях Колумб и его товарищи плыли через неизвестный океан, как рабски зависели от ветра и парусов, как скудны были их познания в мореплавании, как страдали они от голода и жажды, станет понятно, что совершили они великий подвиг.

А наш современник — штурман, плавая под теми же звездами, лишь выполняет свой повседневный служебный долг.

МОРСКОЙ СЛОВАРИК КОСТИ КЛОТИКА

Утка

Бурундук

Верблюд

Воронье гнездо

Бабочка

Выдра

Баран

Глухарь

Помогите юнге Клотуку составить морской словарь!
(За каждый правильный ответ — 1 очко.)

ДВА ОСТРОВА

Дважды отбили склянки, а юнга Клотик никак не мог решить задачу боцмана Рынды — прочесть название острова, расположенного в Японском море.

Тогда боцман предложил юнге другую задачу — прочесть название крупного острова Малайского архипелага.

И тут юнга сразу понял, как решаются обе задачи.

Я

Я

УЧАСТНИКАМ КОНКУРСА ЮМУ
ПРОЧТИ, УЗНАЙ, РАССКАЖИ ДРУГИМ

Где находится самая глубокая океанская впадина?
На каком аппарате и когда состоялось рекордное погружение?
Какие научно-исследовательские корабли СССР ты знаешь?
Как называется советская подводная лодка, примененная для мирных целей? Какие задачи она выполняет?
Назови самое крупное в нашей стране морское пассажирское судно и китобазу.

Многие из вас слышали о теплоходах на подводных крыльях. Какое новое, более мощное и быстроходное судно подобного типа недавно прошло испытания?

Весло, парус, колеса, гребной винт — это судовые движители. Известны ли тебе другие типы движителей?

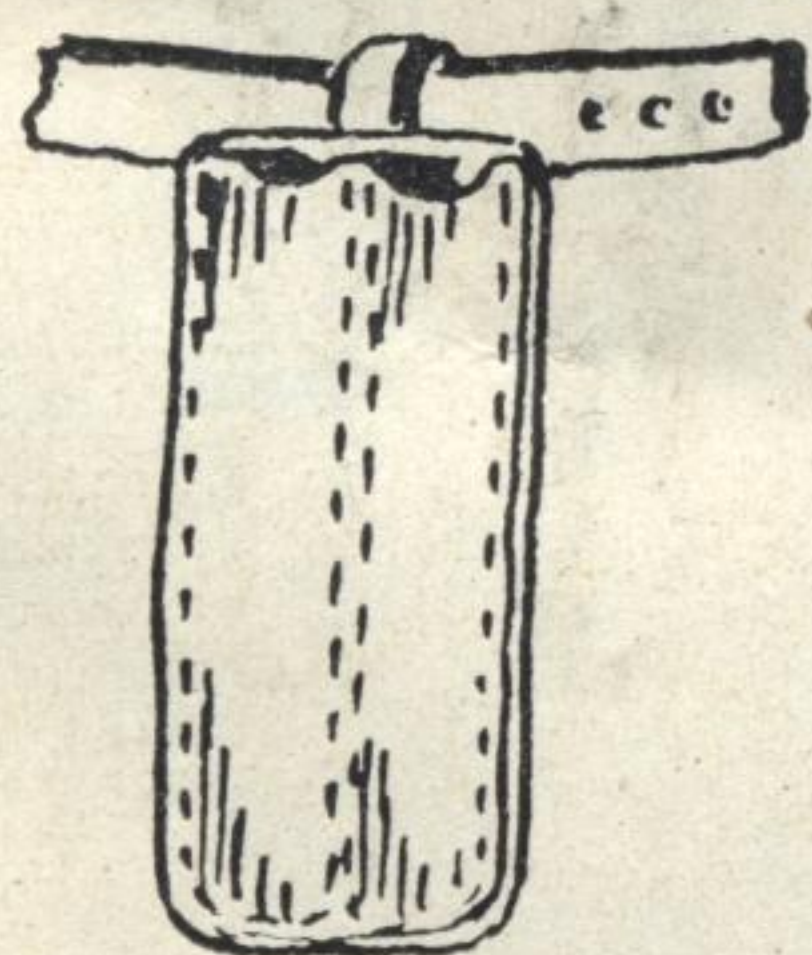
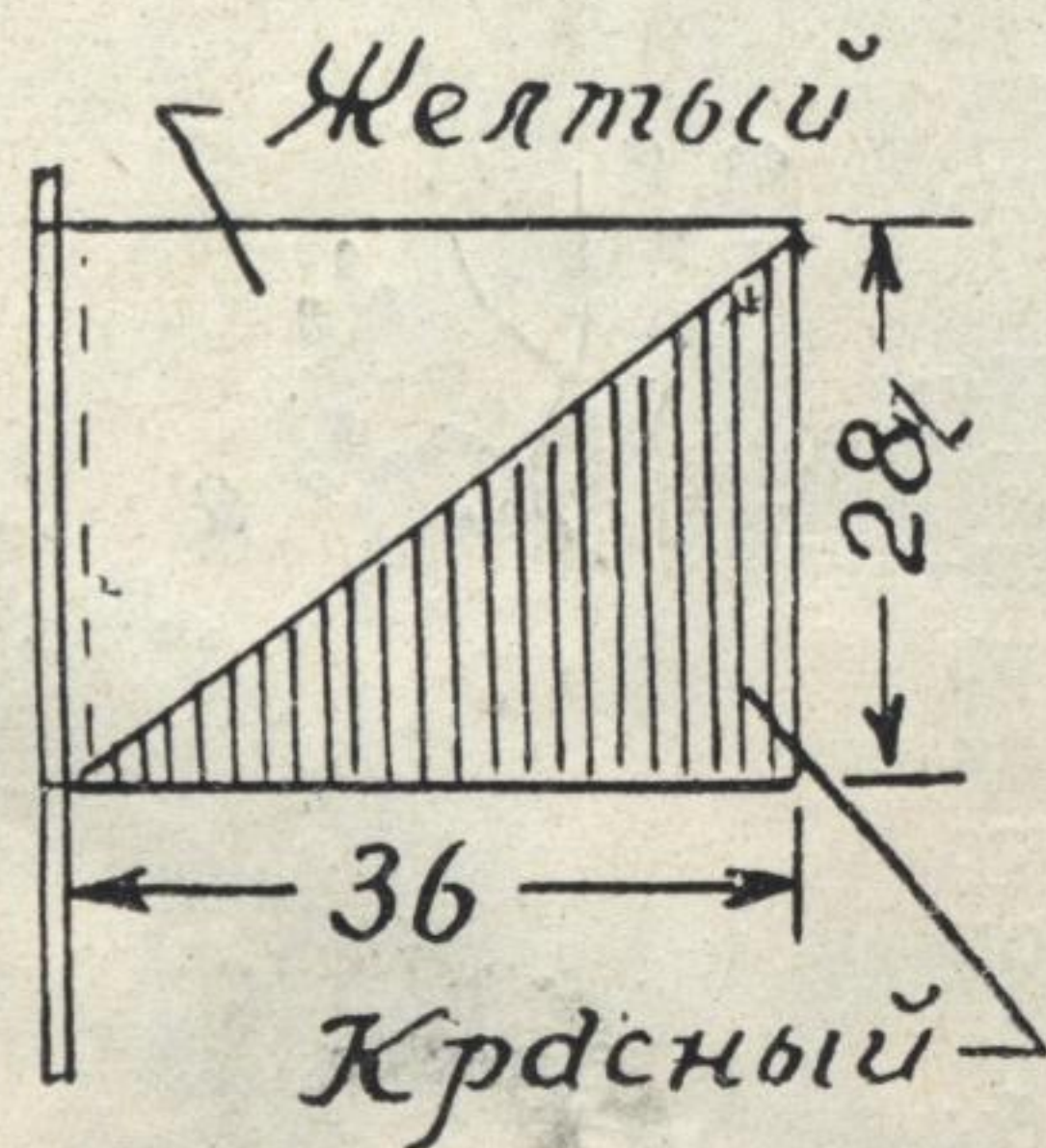
Что ты знаешь о новых советских судах, построенных из пластмасс?

ОТВЕЧАЕМ

ДОРОГАЯ РЕДАКЦИЯ!

Я очень прошу вас опубликовать в следующем номере журнала азбуку «Семафор». Меня выбрали звеньевым, и я хочу разучить эту азбуку с ребятами из моего звена.

Олег Устинов

Чехлы

					Азбука "Семафор" (буквы)

Служебные знаки.				Стань (от меня)..	
Знак вызова	Знак ответа	Повторяю (ошибка)	Ожидая	.. Правей ... Левей	.. Правей ... Левей
Раздел	Знак вопроса	Конец передачи	Принимать не могу	.. Выше ... Ниже...	.. Выше ... Ниже...

ЦВЕТЫ В ВАЗАХ

Рисунки В. Звонцова

Вряд ли найдется человек, который не любил бы цветов. Если ты хочешь, чтоб в твоей комнате было красиво, не гонись за бесчисленными салфеточками, дорож-

ками, подушечками, не расставляй там и сям дешевые безделушки, а украшай комнату живыми цветами.

Не обязательно стремиться к тому, чтобы в вазе стоял огромный, в два обхвата, букет. Такой букет хорош из полевых цветов, например, ромашек или васильков, сирени и жасмина.

Самое большое искусство — составить букет из двух-трех и даже одного цветка в сочетании с какой-нибудь причудливой веточкой.

Научить составлять букеты трудно. Одному нравится, чтобы в вазе было много красных тюльпанов. Другому больше по вкусу, когда у него на столе стоят два нарцисса с узкими, похожими на траву, листьями. Третий помещает в высокий бокал две больших красных гвоздики с прозрачной веточкой спаржи.

Глубокой осенью, когда цветов нет, можно привезти из лесу ветви березы с желтыми, красными, коричневыми листьями, поросшие серебристым мхом еловые лапы, кустик можжевельника, ветви рябины. Даже обыкновенная трава осенью очень красива.

Как видишь, составляя букеты, можно много фантазировать. Каждый подбирает их на свой лад. Но существует несколько нехитрых правил, которые полезно запомнить всем.

Цветы должны быть непременно свежими.

Подбирай растения к цвету и форме вазы.

Не ставь в одну вазу садовые и полевые цветы.

Срезай цветы утром, когда на них особенно много влаги. Так они гораздо дольше останутся свежими.

Перед тем как поставить цветы в вазу, стебли их обязательно подрежь острым ножом. Ветки сирени, жасмина, хризантем, жимолости расщепи снизу и в расщелины вставь спички, чтоб края не сжимались. Тогда растения будут лучше всасывать воду.

Все листья, находящиеся под водой, непременно оборви. Красоты от них никакой, они только гниют и портят воду.

Вода для цветов должна быть комнатной температуры.

Розы и гвоздики хорошо сохраняются в подсахаренной воде.

Чтобы дольше сохранить хризантемы и гвоздики, полезно положить в воду аспирина (полтаблетки на три литра воды).

Ветки кустарников долго остаются свежими в слабом растворе марганцовки.

Если ты хочешь, чтобы бутоны скорее раскрылись, добавь в воду нашатырного или камфарного спирта (пол-ложки на 1 литр воды).

Редактор Н. С. Косарева

Редакционная коллегия: В. М. Конашевич, С. В. Обручев, А. И. Пантелеев, Т. Н. Приставко, Е. В. Серова, Н. В. Терebinская (ответственный секретарь), В. В. Торопыгин (заместитель редактора), Л. В. Успенский, Н. А. Ходза, Г. М. Чернякова

Художник-редактор
Ю. П. Мезерницкий

Корректор М. В. Яхонтова

Технический редактор
А. А. Двораковская

Рукописи не возвращаются

Адрес редакции: Ленинград, С-15. Таврическая, 37, телефон А-4-57-76.

М-34658. Подписано к печати 7/VI 1960 г.
Тираж 220 000 экз.

Формат 84×108¹/₁₆.
Заказ № 1412.

Печ. л. 8+2 вкл., 6,98 усл. печ. л.

8,8 уч.-изд. л.
Цена 2 р. 50 к.

Типография № 2 им. Евг. Соколовой УПП Ленсовнархоза. Ленинград. Измайловский пр., 29.
Обложка и вклейки отпечатаны на Ленинградской фабрике офсетной печати.

ЗОЛОТЫЕ ВОРОТА

2 р. 50 к.

Ай, люли, ай, люли!
Наши руки мы сплели.

Мы их подняли повыше,
Получилась красота!
Получились не простые,
Золотые
Ворота!

Возле норки
Крота
Встала горка
Крута...
Проходите, —
Кто хотите,
В золотые ворота...

ПАЛОЧКА— ВЫРУЧАЛОЧКА

Палочка —
Выручалочка!
Среди бела-дня
Выручай меня.

За березу, за рябину —
Далеко тебя закину.
Кто за палкой гонится,
От того хоронятся.

В ЧЕХАРДУ

Я веду,
Я веду,
Мы играем
В чехарду.

Сколько смеха
Тут всегда —
Чеха,
Чеха,
Чеха,
Рда!

Сильнее мчи,
Беги,
Скачи!

АЛЕКСАНДР ПРОКОФЬЕВ.
Рисунки П. Харкевича